

ВЕРА КАТША

СИНИЙ ВЗГЛЯД СМЕРТИ

РАССВЕТ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Отблески Этерны (Сериал Этерна)

Вера Камша

**Синий взгляд смерти.
Рассвет. Часть первая**

«Автор»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Камша В. В.

Синий взгляд смерти. Рассвет. Часть первая / В. В. Камша —
«Автор», 2017 — (Отблески Этерны (Сериял Этерна))

ISBN 978-5-699-96786-5

Долгожданное продолжение легендарного цикла «Хроники Этерны»! Тонет в Эсператии разбитый адмирал. Странноватой славой обрастает «закатный» капитан Фельсенбург. Плетут дамские интриги принцесса и кардинальша. Хранит свой секрет бронзовая решётка. Открываются старые тайны. Ищет и находит очень особые поручения Марсель... ..Смотрит на трупы у обочины маршал Капрас. Нет, к такому зрелищу он привык... но дома?! Густой туман закрывает пути маршала Бруно. Совсем другие карты хотел бы изучать маршал Савиньяк. Но после мрака полуночи приходит рассвет... Больше интересных фактов об одном из лучших циклов российского фэнтези и его будущей экранизации читайте в ЛитРес: Журнале

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-96786-5

© Камша В. В., 2017
© Автор, 2017

Содержание

I. «Рыцарь Мечей»[1]	7
Глава 1	10
1	10
2	11
3	13
Глава 2	18
1	18
2	20
3	22
Глава 3	28
1	28
2	30
3	32
4	34
Глава 4	37
1	37
2	39
3	42
Глава 5	45
1	45
2	47
3	49
Глава 6	52
1	52
2	54
3	56
Глава 7	60
1	60
2	63
3	64
4	67
5	68
Глава 8	71
1	71
2	72
3	75
Глава 9	78
1	78
2	80
3	81
Глава 10	84
1	84
2	87
3	89
4	90
Глава 11	92

1	92
2	93
3	95
II. «Шестерка Кубков[4]»	99
Глава 1	102
1	102
2	104
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Вера Камша

Синий взгляд Смерти.

Рассвет. Часть первая

Автор благодарит за оказанную помощь Ирину Андронати, Александра Бурдакова, Егора Виноградова, Александра Гинзбурга, Ирину Гейц, Марину Ивановскую, Дмитрия Касперовича, Александра Куцаева (Colombo), Константина Линника (Штырь), Данила Мелинца (Rodent), Елену Цыганову (Яртур), Игоря Шауба, а также Донну Анну (Lliothar) и Mrs. Colombo

*А что нам играло, когда небеса
протрубили отбой
и чаша весов опустилась до самого дна?
Веселого мало, но нас удержала собой
мелодия, зла и сильна.*

*А что мы поднимаем
над миром, где не состоится покой,
где все-таки можно
вернуться в оставленный дом?
Над черной равниной
обычный скворец городской
упорно свистит о живом.*

Даниил Мелинц

*Война – область недостоверного: три четверти того, на чем
строится действие на войне, лежит в тумане неизвестности.
Карл-Филипп-Готфрид фон Клаузевиц*

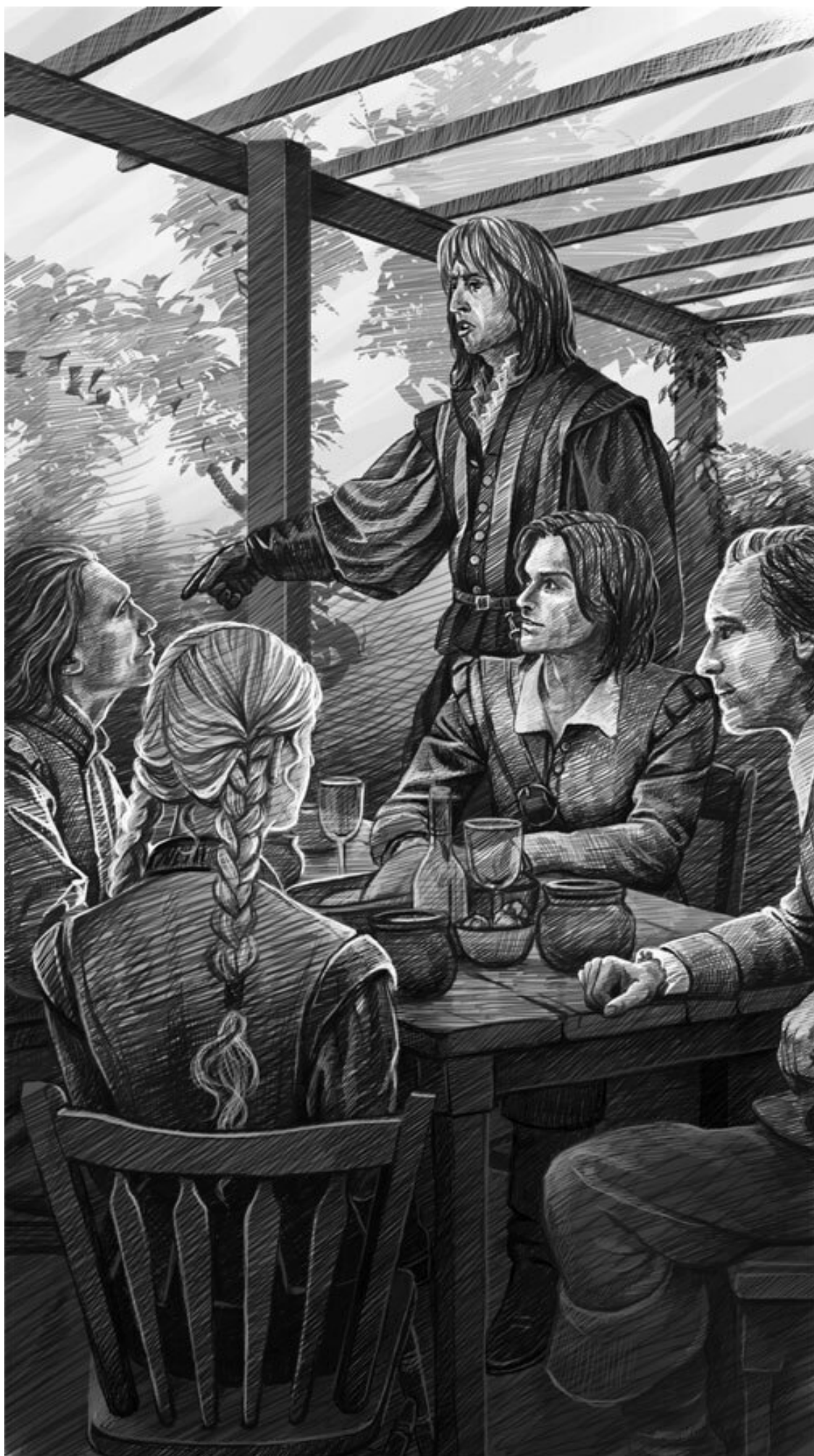
© Камша В. В., 2017

© ООО «Издательство «Э», 2017

I. «Рыцарь Мечей»¹

*Плохое действие – лучшие бездействия.
Шарль де Голль*

¹ «Рыцарь Мечей» – придворная карта системы Таро. Означает, что вы на пути к цели и уже можно просчитать результаты. Если карта подразумевает личность, то энергичную, чья сфера – конкретные дела. Рыцарь Мечей быстро принимает решения, однако лишен широты взглядов. П. К. – вы находитесь в стадии начинания. Кроме того, означает человека, который не может выбрать, на чьей он стороне.

Глава 1

Талиг. Хексберг

Кагета. Гурпо

400 год К. С. 7-й день Летних Молний

1

Скелет выходил на загляденье. Если б не пиратская ухмылка – хоть сейчас в анатомический трактат! Руппи не забыл ни единой косточки и теперь сосредоточенно рисовал стрелочки для будущих подписей, то и дело отпихивая лезущую под руку Гудрун. Кошка урчала, а лейтенанту хотелось рычать, потому и череп получился злющим и не слишком мертвым: смерть, она ведь бесстрашна, как мороженое мясо.

– Умолкни, – велел Руппи кошке. – Надоеда...

Гудрун, томно вякнув, опрокинулась на спину и принялась елозить по непросохшему рисунку, размазавшиеся чернила казались то ли шерстью, то ли вуалью. Выглядело это странно, но плотоядный мертвецкий оскал кошка стерла, правда, слегка посинев. Ничего, вылижется...

Блудный лейтенант отложил перо и отправился к окну созерцать лужи. На душе было скверно, главным образом от неопределенности. Руперт фок Фельсенбург всегда знал, что делать, даже когда не представлял как, а теперь цель отсутствовала. Напрочь. Выхваченный из Рассвета Олаф читал за стеной Эсператию, Бермессер вместе со своими мерзавцами уплыл в Закат, а война, в которой радостно плескался Фридрих, Фельсенбургу не нравилась крайне.

Кесария не должна проигрывать, это Руппи впитал с молоком кормилицы, жены отставного сержанта. Хильда баюкала будущего «брата кесаря» солдатскими песнями, услышав которые мама отослала «кровожадное животное» прочь, но дело было сделано. Наследник Фельсенбургов хотел воевать, он учился воевать, он, побери Леворукий урода-регента, неплохо воевал, только победы Фридриха ведут к поражению... нет, не Штарквиндов с Фельсенбургами – Дриксен.

Застрявший в Хексберге Руппи не представлял, чем занята бабушка Элиза, но грозная дама не могла не учесть в своих расчетах морских неудач. Чем больше пакостят фрошеры, тем меньше на побережье любят Фридриха и его лосиху. Чем меньше любят Фридриха, тем больше шансов на корону у дяди Иоганна. О рыбаках и прочих торговцах герцогиня Штарквинд думает не больше, чем парой месяцев раньше – об Олафе, но человека еще можно отбить, увезти, спрятать, города и деревушки – только защищать.

Устав уже от дождя, лейтенант перебрался к холодной печке, открыл поддувало и принялся выгребать золу, ну и думать заодно. Послав к... Гудрун ударившегося в эсператизм Ледяного, послав к кошкам всех, он смог бы удрать, было б куда! Откажись Бруно выполнять приказы регента, фрошеры об этом уже бы знали, так что старик лоялен Эйнрехту и при этом осведомлен о выходке наследника Фельсенбургов из его же письма. Значит, дорога в армию окончится либо в замке Печальных Лебедей, либо, что вернее, в Штарквинде. Родственники упрячут «этого невозможного мальчишку» под замок, а ждать, когда бабушка съест регента, можно и в Хексберге. Тот же полуплен, но Вальдес хотя бы не глядит с укоризной.

Возвращаться к волосатому скелету не хотелось, однако Руперт еще на «Утенке» дал себе слово каждый день повторять вызубренное. Кости были переписаны, и лейтенант принялся вспоминать названия мышц – и вспоминал, пока вернувшийся из порта фельпец не привел Клюгкатера. Гудрун, будто понимая, что шкипер на нее положил глаз, взлетела на бюро и забилась за здоровенные часы – виднелся только кончик хвоста.

подавив смешок, Руппи поднялся навстречу гостям – он в самом деле был рад Добряку. – А я с новостишкой. – Шкипер, не чинясь, тряхнул руку Фельсенбурга. – Вроде и ждали, а все одно как веслом по башке! Помер Готфрид-то наш, скоро месяц уж будет...

– Шварцготвотрум!

– И не говорите! – Юхан словно тоже ругнулся. – Утром в Ротфогеле чудо приключилось, а вечером наше величество и того... Регенту на радость. Дождался, потрох пластужий, теперь на трон полезет!

2

Не спать после обеда, после *кагетского* обеда, можно лишь из упрямства. Карло Капрас был упрям, хотя предпочитал считать себя настойчивым. Только упрямство заставляло маршала вставать в этой дурацкой стране затемно, влезать в мундир, лопать на завтрак кашу – это в Гурпо-то! – и гонять до восьмого пота кипарскую деревенщину, превращая вчерашних олухов в сносных солдат. Не для Хаммаила, для настоящей войны, в которую среди роз, застолий и тараканов верить можно было опять-таки лишь из упрямства.

Разбросанные по чужим замкам гайифские батальоны давно уже никто не беспокоил, что понемногу расслабляло и солдат, и офицеров. Было тихо, лишь где-то на севере казаронские дружинники цапались с бириссами Бааты, однако решительных действий ни одна из сторон не предпринимала. Лисенок молчал, у Хаммаила продолжали жрать и выхваляться, тревожился разве что Курподай, становившийся все услужливей и при этом мрачнее. Капрас спрашивал, в чем дело, казарон отговаривался какой-нибудь ерундой и навязывал очередную любезность. Это не радовало – Карло, хоть и начинал в гвардии, не любил влезать в долги; корпус же больше объедал союзников, чем защищал. На казара маршалу было начхать, но перед хозяином Гурпо, если б не его просьба поднатаскать местных парней, гайифец чувствовал бы себя неловко.

Гапзис доносил, что Курподаевы «рекруты» на занятиях усердны и даже чему-то научились, но, уверял ветеран, эти пожиратели инжира способны на что-то путное лишь рядом с настоящими солдатами и под пристойным – читай, имперским – командованием. Самостоятельно воевать болваны смогут еще не скоро, хотя не трусят и не отлынивают.

В основном лагере тоже не бездельничали. Ламброс школил кагетских ремесленников и своих пушкарей, пытаясь если не повторить подмеченные при Дараме талигойские фортели, то хотя бы прибавить полковой артиллерии прыти и научить ее маневрировать на поле боя. Последние «катания» внушали надежду – во всяком случае, облегченные лафеты перестали разваливаться после второго-третьего выстрела.

– Молодцы вы с Медерисом, – Капрас разлил вино, поймав себя на том, что делает это на кагетский манер. – Если так пойдет и дальше, нам будет что сказать не только Лисенку, но и талигойцам.

– Я предпочел бы разговор с морисками. – Так и не получивший из своей Неванты ни единой весточки Ламброс хмуро взялся за украшенный толстым удодем² кубок. – Только мы язычникам на один зуб...

Маршал кивнул – с Ламбросом он стал почти откровенен. Невантец люто ненавидел Военную коллегия и рвался на Побережье, где у него осталась мать, а может, и женщина. О докагетской жизни артиллерист не распространялся, и это Капрасу тоже импонировало: Карло и сам предпочитал говорить о настоящем, хотя все сильнее задумывался о будущем – корпуса

² Удодий – обитающая на юговостоке Золотых земель птица, внешне напоминающая удода, но более крупная. Самки имеют неброское пестрое оперение, самцы – однотонное: белое, розовое, оранжевое или желтое. Удодии способны имитировать голоса животных и запоминать отдельные слова и целые фразы. Прикормленные удодии наряду с фламинго, лебедями и павлинами служат украшением гайифских садов и парков, однако в помещениях их содержат редко из-за характерного запаха и излишне громкого голоса.

и собственном. Последний курьер из Паоны прибыл в начале Летних Волн. За месяц в Гайифе много чего могло случиться, это в Кагете все шло по-прежнему, но ведь и яйца тоже не меняются, пока из них не полезут цыплята. Или змеи.

– Хаммаил не спешит начинать большую драку. – Ламброс разбирался не только в пушках, за что Карло его особо ценил. – Понимает, удодий эдакий, что мы за него подыхать не рвемся. У самих горит.

– Казар аж приструнил самых рьяных из своей своры, – припомнил рассказы Курподая Капрас. – Умники порывались прямо сейчас переть на Равиат. А вот с чего Лисенок тихо сидит, не пойму.

– Хаммаиловы орлы кричат, что трусит, – хмыкнул Ламброс, лишь вчера сбагривший парочку означенных «орлов» назад, в казарскую ставку. – Мол, этому ничтожеству даже до отца далеко – ни доблести, ни чести, ни мозгов. Насчет доблести не скажу, а вот с головой у сына Адгемара получше, чем у Коллегии.

– Курподай и те, кто поумней, подозревают какую-то хитрость, но какую?

– А кошки их всех разберут... Сударь, вы верите в шпионов?

С полдюжины якобы продавшихся супостату «бацут» были на прошлой неделе разоблачены и с визгом четвертованы, только уверенности в силе Хаммаила сие не добавило, скорее наоборот. Действительно ли казенные перебежали к Баате, и если да, то всех ли изменников выловили? Курподай от ответов уходил столь неуклюже, что маршал понял – охота на «предателей» маскирует какую-то возню. Это не удивляло: в Паоне разоблачать шпионов и оскорбителей величества тоже любили.

– Если Лисенок все-таки ударит, – не дождался начальственного мнения Ламброс, – а инициатива последних стычек исходит от его головорезов, казару не позавидуешь. Особенно когда нас наконец-то отзовут.

– Что вполне ожидаемо, – согласился маршал и невольно поморщился. Не из-за Хаммаила, хотя тот был порядочной дрянью, а из-за уже привычных воплей во дворе. – Проклятье... На моем счету немного добрых дел, и теперь я сорок раз подумаю, прежде чем брать на поруки бодливую скотину. Прибить бы, да глупо получится.

Ламброс без лишних слов закрыл окно, под которым спасенный сдуру казарон насканивал на троих сержантов и кагета-управляющего. Требования носатого Пургата не менялись – собачьи бои и уважение; то, что не будет ни первого, ни второго, дошло бы даже до баклажана, но бешеным огурцам мудрость не свойственна.

– На линеалах, – напомнил Ламброс, – согласно уставу, надлежит держать шута. Гвардии пажи и шуты тоже положены. Может, мы становимся гвардией?

– Станешь тут, – буркнул Капрас, и они вернулись к пушкам и рекрутам. Ударил сигнальный колокол, объявляя, что близится обед и мясо уже на огне. К трапезам в Кагете относились, как к молебнам, Карло это нравилось и больше не удивляло.

– Господин маршал, – физиономия дежурного адъютанта лоснилась, а поясной ремень был застегнут на последнюю дырочку, – гонец от его превосходительства губернатора Кипары!

– Пусть заходит... А ты забеги на кухню, скажи, чтоб мне не поливали этим... кислым... из незрелых слив.

– Да, господин маршал!

– Я, с вашего разрешения, тоже пойду.

Ламброса никто не гнал, полковник вышел сам, налетев в дверях на высокого изящного шатена с таким знакомым лицом, что время словно бы потекло вспять. С несомненным родичем кипарского гостя Капрас некогда служил. В той самой гвардии... Потом обоим пришлось выбирать между прыжком в капитаны, но у «наемников», и столичными прелестями в прежнем чине. Карло выбрал первое, красавчик Левентис – второе, и в каждом пирожке оказалось

по камешку – «наемник» выбился в маршалы и был назначен виновным за чужие промахи, гвардеец выгодно женился, но, говорят, оплешивел и чудом не угодил в тюрьму.

– Похоже, я знал вашего родственника, – без задней мысли сообщил маршал. – Динас Левентис из Караик.

– Да, это мой отец.

– И что отец думает о нынешнем безобразии?

Парень не знал. Глянув на Карло, привет из давно ушедшей молодости попросил разрешения снять мундир, в полу которого были зашиты письма – как оказалось, весьма примечательные.

Губернатор Кипары то ли от страха, то ли со злости вконец потерял голову, иначе не был бы столь откровенен с полуопальным военным и уж точно побоялся бы выпустить из рук послания Военной коллегии. Узнай Забардзакис о губернаторской выходке, хозяину сладостной Кипары пришлось бы бежать если не к бакранам, то к алатам, только Карло пока еще не предал ничьего доверия, тем паче превосходительный извещал о действительно важном.

Коллегия не собиралась помогать северу, и маршал с этим согласился бы – мориски опасней занятых собственными распрями талигойцев, однако речь шла о «так называемом корпусе Капраса»! Уроды собрались прикрыть им собственную задницу, но и это Карло понял бы и принял, ведь на кону, чтоб ее, была Паона. Столица, где заправляют придурки и подонки и где таким, как Капрас, места нет... Паонских бездарей маршал ненавидел, но отдать Четырежды Радужную язычникам?! Позволить им пройти Императорской дорогой, пялясь на Триумфальные арки?! Запустить в Померанцевый дворец и кошачью Коллегию?! Карло гнал бы своих парней форсированным маршем, на ходу придумывая, как и где остановить врага, утершего носы светочам стратегии и тактики, только светочам маршал Капрас как раз и не требовался. Его собирались выставить в Кипару! Одного. Выскребать по деревьям плоскостопых и припадочных, наспех вооружать, гонять с этим позорищем бакранских налетчиков и получать выговоры от столичных болванов, сперва раздраживших морисков, а потом не сумевших унять... Корпусу же предстояло погибнуть. Бездарно, зазря, потому что армия без головы беспомощней овечьей отары, а после смерти Задаваки голов в гайифской армии не осталось, только шляпы.

Маршал перечел выведенные аккуратным секретарским почерком строки раз двадцать и едва не плюнул на роскошную подпись Доверенного стратега его величества. Забардзакис был тупым архивным сундуком, столичным попугаем, сволочью и бездарью, но мориски от этого не перестали быть морисками, а приказ – приказом. В том, что таковой уже не только подписан, но и в прямом смысле не за горами, Карло не сомневался. Конечно, гонца можно прикончить, а потом развести руками, мол, ничего не знаю – война, бириссы, родичи супруги казара, гайифские родичи, если вы вдруг позабыли... А можно написать Забардзакису все, что тот заслужил, и опять же остаться в Кагете, где шадам делать нечего. Пусть стратеги подышают сами, пусть гонят в поле свою распрекрасную гвардию, которая жрет, как саранча, и вертит задницей, как шлюха. Победоносная, несравненная, непревзойденная, блистательная, великолепная...

Мориски будут долго ржать. Жаль, у них под запретом мужеложство, столичным фифам не помешало бы поуслаждать победителей. Маршал сунул письма в стол, отправил явно ожидавшего разговора Левентиса отдыхать и велел собрать старших офицеров.

Раз приказ о возвращении в пути, начинать подготовку к маршу лучше немедленно.

3

Служба Руппи, с какой стороны ни глянь, закончилась. Дезертир, отбивший государственного преступника, надерзавший фельдмаршалу и в придачу угодивший в плен, имеет полное право плюнуть хоть на субординацию, хоть на утреннее бритье. В Хексберге нет лейтенанта флота, как нет и... адмирала цур зее, хуже того, чем больше Руппи думал, тем сильнее

ему казалось, что Олафа Кальдмеера нет вообще нигде. И все же Фельсенбург сменил рубашку, причесался и отправился с докладом. Через коридор.

Стражи в доме Бешеного не водилось. Если Альмейда или городской комендант к «гостям» Вальдеса кого-то и приставили, приставленные либо мокли у входа в особняк, либо пили на кухне горячее вино, что было куда умнее. Пленники бежать не собирались, потому что служба кончилась, а свои дороги не начались.

Перед дверью Олафа Руппи замешкался, как мешкал, заходя пожелать спокойной ночи маме, когда та, силясь скрыть обиду, заговаривала чужим дрожащим голоском. Первым уступал отец, затем сдавался старший сын, но в прошлый раз Руперт устоял, ведь речь шла о Ледянном и обо всем, что в жизни есть главного. Адъютант адмирала цур зее делал что должно и таки сделал! Поворачивать было поздно во всех смыслах, но почему бы не отложить разговор и не спуститься к Лёфферу, за которым приглядывает папаша Симон, как и все палачи, знающий толк в перевязках? А ведь не корпи Руппи над анатомией, перевязывать было бы некого... А не огорчи он маму, Олаф остался бы в памяти неизбывным укором. Мертвые укоряют и требуют вечно, это от живых можно освободиться.

– Мыр! – ободрила просочившаяся в коридор Гудрун. Встав на дыбки, утешительница готовилась запустить когти в штаны утешаемого. Это позволяло заняться ловлей кошки и счисткой шерсти, только лейтенант не поддался. Широко шагнув, он вынудил надоеду отцепиться и постучал, как стучал в каюту «Ноордкроне». Дождался приглашения. Вошел.

Олаф тоже каждое утро брился и тоже был застегнут на все пуговицы. Фельсенбург щелкнул каблуками.

– Мой адмирал, имею печальное известие из Эйнрехта. Его величество Готфрид скончался в ночь на семнадцатый день Летних Волн в своей резиденции.

Олаф Кальдмеер медленно поднялся. Сегодня они не виделись, так уж вышло. Они отдельно завтракают, отдельно смотрят на дождь, отдельно дышат.

– Капитан Джильди осведомил вас о подробностях?

– Никак нет! – Проклятье, неужели так будет всегда?! – Мне сообщил шкипер Клюгкатер. Разрешите доложить подробно...

– Чем раньше мы прекратим эту игру, Руперт, тем лучше. – Щека Олафа знакомо дернулась. – Я тебе больше не начальство, но если ты сядешь, нам будет проще говорить.

Руппи сел, в очередной раз не понимая, какого змея Кальдмеер отказался оставить при себе хотя бы Канмахера. Вальдес предлагал, Альмейда не возражал, только Олаф пожелал быть один. Совсем.

– Я слушаю, – ровным голосом сообщил адмирал, и Руппи захотелось перенестись в какое-нибудь уютное местечко. На Китенка там, или к Старым Бойням.

– «Хитрый селезень», как вы знаете, стоит в Малой гавани вместе с галерами. – Нет, он не сбежит, он доложит! – Появляться в торговом порту экипажу не запрещено...

– Я помню.

– Клюгкатер не называл имен, но он, несомненно, встретил кого-то из прежних знакомых. Добряк – честный шкипер, однако в молодости, видимо, знал с контрабандистами.

– Это очевидно, для простого торговца Клюгкатер слишком хорошо знает побережье. Итак, о чем рассказали контрабандисты? Кроме как о пришедшем в гавань Ротфогеля корабле с повешенными.

– После возвращения «Верной Звезды» в городе начались волнения. – Юхан говорил о «буче», но отойти от казенщины Руппи отчего-то не мог. – Назначенный Фридрихом комендант сбежал. В Метхенберге пока спокойно, однако прибывшие в прошлом месяце столичные ревизоры раздражают и честных торговцев с моряками, и... не очень честных.

– Это тоже очевидно. О смерти его величества было объявлено?

– Да. Манифест регента зачитывали на портовой площади.

– Что следует из этого манифеста?

– Шкипер говорит, документ составлен так, будто Фридрих является законным наследником.

Перевод был очень вольным. На самом деле Добряк бурчал, что пластужий потрох расселся на троне да еще горшок под низ сунул, чтоб не отлучаться. «Ну и кто теперь у нас заправлять всем будет? – вопрошал своих «цыпочек» Добряк. – Если этот дружок Бермессеров, точно к фельпам шлепать пора...»

«Цыпочки» утешающе булькали, пока имелось чем, потом замолчали. Руппи тоже сказать было нечего, не объяснять же, что бабушка сложа руки сидеть не станет. Самозваному регенту короны не видать, а Дриксене не видать покоя. По крайней мере, пока великие бароны не положат к ногам дяди Иоганна Изумрудный венец, и лучше б они сделали это поскорее.

– Что говорят люди?

Рука Олафа легла на Эсператию, как прежде на эфес. Отца Луциана б сюда к нему или хотя бы брата Ореста.

– Мой адмирал, побережье Фридриха не примет.

– Побережье всего-навсего хочет, чтобы его не разоряли. – Щека Ледяного вновь дернулась. – Тебе это будет неприятно слышать, но регента отвергают потому, что проиграли *мы*. Эйнрехт отвечает за наши ошибки.

– Мы?!

– Да, Руперт. Гибель Западного флота – следствие моих приказов, а мятеж в Ротфогеле – прямое следствие выходки Вальдеса, но ее бы не было, если б не мое согласие на казнь офицеров «Звезды». Мало того, Бешеный караулил Бермессера, потому что ему взбрело в голову отомстить за меня. В итоге Западный флот лишился флагмана, каким бы тот ни был.

Мы все нанесли непоправимый вред Дриксен, только Вальдес – фрошер, а мы были офицерами кесарии. Боюсь, стронутая тобой лавина остановится не скоро, и только Враг знает, кто окажется под обломками.

– И поэтому, – очень тихо и медленно спросил Руперт, – вы читаете Эсператию?

– Да. Я хотел бы исповедаться, но идти к священнику с «Верной звезды» выше моих сил, а других здесь нет. В молодости я слышал танкредианскую проповедь, но ничего не понял. Теперь вспомнилось... Любой может оказаться орудием возмездия, посланным отошедшим от Создателя за их грехи, и наши благие намерения ничего не меняют. Как и наши желания.

Все свершается по воле Создателя, значит, Альмейде суждено было вернуться незамеченным, и шторм, *тот* шторм, разыгрался по Его воле. Ты трижды сохранил мне жизнь, потому что так было суждено. Я должен был отправить на рею дриксенских офицеров, а в Ротфогель должен был войти мертвый корабль. Выбор имелся лишь у горожан, им следовало вспомнить о своих грехах, но они восстали против власти, власть же, любая, даруется свыше. Мы заслужили Фридриха и не должны противиться его воле, если не хотим рушить все новые и новые камни на головы пока еще невинных.

Руперт слушал – схватившее за горло бешенство лишало возможности возражать, лейтенант мог разве что садануть дверью и выскочить в коридор, где стенала одинокая Гудрун. Он так и сделал бы, если б не родился Фельсенбургом, а Фельсенбурги отступают исключительно под барабанный бой и развернув знамена. Мысль Олафа была понятна и страшна, осмысленных возражений прямо сейчас не находилось, и при этом с каждым словом Ледяного в лейтенантской душе крепла уверенность: все не так! Не для того истекал кровью Лёффер и плясало солнце, чтобы жители Ротфогеля валились на колени перед лжерегентом. И Бермессер с гаденышем Троттенем получили свое. Трусам, клеветникам и подхалимам место в петле, а Создатель – что ж, пусть судит по-своему, по-вечному... Потом.

– Ты не согласен, – резко бросил Кальдмеер, – я вижу. И ты умеешь увлекать за собой и добиваться своего. Страшно подумать, скольких ты отправишь в Закат, защищая то, что считаешь истиной.

– Простите. Я не умею защищать то, что считаю ложью. Разрешите идти?

– Ты любишь решать сам, так решай.

В повисшей тишине можно было утонуть, как в трясине. Кальдмеер, видимо сказав все, замолчал, и теперь говорил накрывший Хексберг еще с ночи дождь. Капли настырно барабанили по подоконнику, напоминая, что лету скоро конец. Самое время болтать о безнадежном, болтать – не слушать.

Чтобы успокоиться, Руппи перечислил про себя все кости черепа и принялся подбирать слова, с которыми можно уйти, не оскорбив ни Зеппа, ни себя, ни адмирала цур зее, такого, каким тот был, когда флот втягивался в хексбергскую бухту. Прежнего Олафа наследник Фельсенбургов любил, нынешнего предпочел бы не знать. Становящееся безнадежным до глупости молчание прикончил Вальдес.

– Я не понимаю, – удивился он прямо с порога. – Ваши люди в моем доме поминают вашего же кесаря, а вы что делаете?

– Вы давно узнали? – Олаф отодвинул книгу, проповедовать Бешеному он не собирался.

– Немногим раньше вас. Милейшие контрабандисты делятся новостями не только со «своими». Ваш Готфрид уподобился нашему Фердинанду, бывает... Касеру сейчас принесут.

– Это излишне.

– Господин адмирал цур зее, – заверил Бешеный, подсаживаясь к столу, – я глубоко уважаю вашу контузию, но только не в данном случае. Монархов следует помянуть. Тот, кто этого не делает, рискует в один премерзкий день проснуться в республике, и хорошо, если не дуксом. Дуксия Дриксен... Звучит омерзительно, а то, что звучит омерзительно, таковым и является, так что лучше до этого не доводить. Руперт, ты согласен?

– Да. Но «его высочество Фридрих, регент кесарии Дриксен» звучит не менее гадко.

– Пожалуй. Тогда святая обязанность его высочества догнать адмирала цур зее Бермесера, но когда это Фридрих исполнял святые обязанности успешно? Придется помогать...

– Мя-а-а-а!!!

Влетевший впереди ординарца с подносом пушистый шар заметался, как всегда, когда дорывался еще и до Вальдеса. Бывшая стражница Адрианклостер с первого взгляда воспыла к Бешеному греховной страстью, второй по счету, и теперь разрывалась между Дриксен и Талигом. Альмиранте ухватил Гудрун за шкурку и водрузил на здоровенный серый том.

– Покайся, тварь закатная, – велел он. – Или поспи. Пепе, ставь сюда и скажи внизу, что мы скоро будем.

– Без меня. – Олаф все-таки взял серебряную стопку. – Не думал, что вы это держите.

– Я не позволю себе помянуть вашего кесаря кэналлийским, это гаунасская можжевеловая. Скрипун новостями не торгует, он дает их в придачу, в том числе и к касере. Господин адмирал цур зее, господин лейтенант...

Можжевеловая напонила о многом, и больше всего – о «Ноордкроне». Кесарь Готфрид, Западный флот, обожаемый начальник, ясная цель, друг Зепп... Это было, этого больше не будет, но корабли еще вернутся в Метхенберг, и один из них получит имя «Ноордкроне».

– Господа, – Олаф поставил стопку на поднос, – примите мои извинения. Я хочу остаться один.

– Зря, – поморщился Вальдес. – Вам кажется, что вы молитесь, однако на самом деле вы спиваетесь, если уже не спились. Без вина и касеры, что самое печальное. Фельсенбург, нас ждут.

Их в самом деле ждали. Сперва прихваченные Вальдесом на «Утенке» гости и вставший по такому случаю Лёффер, потом... Потом земляки остались внизу у огня, а они с Вальдесом

под затихающую «Найереллу» забрались на крышу. Назло дождю, ветру и лезущей в душу осени.

– Сквозь шторм и снег! – закричал Руппи, и в ответ что-то хрустально зазвенело, метнулись и опали знакомые крылья, а небо расцвело звездочками, будто гусиным луком.

– Ты... – выдохнул Руппи. – Ты вернулась?

– Это ты вернулся, – поправил Вальдес. – Поступай так и впредь. Возвращайся, чтобы уйти. Уходи, чтобы вернуться...

Утром Фельсенбург мог вспомнить немного, но в том, что они с Бешеным собрались за Бирюзовые земли, лейтенант не сомневался.

Глава 2

Кагета. Гурпо Сагранна. Яги Кагета. Шаримло

400 год К. С. 9–14-й дни Летних Молний

1

Капрас глядел на сияющую Гирени и пытался осознать – у него будет ребенок, которого надо куда-то девать. Новость пришлась, мягко говоря, не ко времени, но глупышка была в полном восторге. Это трогало, только лучше бы девчонка пила какую-нибудь травку...

– Он будет старший? – допытывалась Гирени. – Илы у него далеко есть братья? Много братьев?

Маршал задумчиво почесал укушенную кем-то летучим руку. Того, что у него имеется потомство, Карло не исключал, причем старшим могло быть побольше лет, чем Гирени. Другое дело, что дамы и девки, с которыми он спал, ничего подобного не говорили.

– Твой – старший, – решительно объявил гайифец.

Гирени захлопала в ладоши и тут же свела не знавшие щипцов бровки.

– Пачему? – спросила она. – Ты здоровый, ты красивый, ты старый. У тэба должно быть много детков.

– Так получилось, – коротко объяснил Карло и страшно обрадовался заскребшейся в дверь прислужнице. – Меня зовут. Береги себя.

– Зачэм «береги»? – Гирени ухватила руку маршала, поцеловала и положила себе на пока что никакой животишко. – Ты должен показывать детку, что я – твоя и ты главнее, тогда детка не заберет мою красоту. Я не хочу ставать страшной и тебя пугать.

– Мне и без тебя есть чего бояться.

– Ты храбрый.

– Я храбрый, старый и здоровый. Береги себя и детку.

Карло чмокнул малышку в нос и отправился служить империи.

– Прибыл гонец из Паоны, – доложил поджидавший на пороге запретных комнат адъютант. – Красная печать.

Красное – это срочнее срочного. Вот так, господа... Сперва месяц молчим, потом ляпаем красные блямбы, загоняем коней и вытаскиваем «посредственных военачальников» из женских постелей.

– Мой маршал, нас отзывают?

– Я не ясновидящий.

Вестей из Коллегии Капрас ждал, не находя себе места от тревоги и при этом злясь. Кипарские письма раскрыли глаза на многое, но главным все равно оставались прущие к Паоне мориски. Цену хваленым стратегам теперь знала вся Гайифа, только Карло это отнюдь не радовало. Маршал предпочел бы, чтоб урод Забардзакис выставил обнаглевших язычников хотя бы за пределы Паоники. Пусть давится титулами, орденами, императорскими премиями, лишь бы из бассейна Восьми Павлинов не поили чужих лошадей. Увы, Коллегия была непобедима разве что в паркетных баталиях; в ней, будто ил в пруду, оседали умельцы писать циркуляры и наживаться за счет тех, кто рискует головой. Расквась Забардзакис морду о морисков за морем или в той же Агари, Карло был бы только рад, но пустить шадов за Полтук!.. Слишком дорогая цена даже для справедливости.

Дни командующего Северорожденным корпусом были забиты под завязку, но по ночам Капрас вспоминал подходы к Паоне, прикидывая, где и какими силами лучше дать бой. Дурная трата времени, если не иметь сведений о противнике, и сплошное расстройство, если знать о планах начальства на собственный счет.

– Разрешите доложить.

– Говорите, Ламброс.

– Сержант вправду из Паоны. Вымотан, гнал прямо от столицы сам, никакой эстафеты; хорошо хоть с лошадьми не слишком сложно было.

А невантец-то недоверчив, куда недоверчивей тебя! И правильно. От Хаммаила, верней, от его родни, впору ждать любых сюрпризов. Могут перехватить настоящего гонца, могут запустить фальшивого.

– Ну, и как в Паоне? – осведомился Капрас, помимо воли представляя Померанцевые ворота с их буревестниками и золочеными купеческими раковинками.

– Когда курьер отбывал, ждали морисков. К столице сбежалось много народу из разоренных провинций, рассказывают всякие ужасы... Люди вне себя, нашего курьера едва не побили – думали, дезертир.

– Значит, появились дезертиры?

– Бегут, сволочи! – почти прорычал Ламброс. – Мой маршал, нас должны отозвать!

– Увидим, – для порядка буркнул Капрас, думавший так же, как артиллерист. – Велят «срочно домой» – пойдем домой.

– «Срочно»... – с горечью повторил невантец. – Мы с востока, а эта саранча – с юга. Парадным маршем!

С южного направления беды не ждали, это северные подходы после визита белообрисого Эпинэ перекрыли крепостями и даже канал за какими-то кошками прорыли. Нет, морискам эта фортификация, без сомнения, пригодится. Если с талигойской границы наконец снимут войска.

– Хватит... пророчить! – прикрикнул больше на себя, чем на полковника, Карло. – Не астрологи. Собирайте офицеров, а я гляну на приказ, или чем там нас осчастливили.

Курьер, немолодой сержант-кавалерист, при виде начальства вскочил и неуклюже отдал честь. Он в самом деле валился с ног и знал лишь одно – пакет предназначен маршалу Капрасу в собственные руки. Язычников сержант не видел – после давнего ранения служил в Коллегии истопником. Почему послали именно его, не знает – послали, и всё... Вызвал господин субстратег, вручил опечатанный футляр – и вперед. Да, футляр тот самый, всю дорогу глаз не спускал. Что в Паоне? Боятся морисков, многие уходят, дома пустые стоят, а в предместьях от беженцев не продохнуть. Гвардия? А что ей сделается? Ходят, шитьем трясут... Шаркуны золоченые.

– Хорошо, – сказал Капрас, хотя хорошего ничего не было. – Где письмо?

– Вот оно, господин маршал, только... Распишитесь, что передал, ну и что в две недели успел...

– Премион обещали?

– Точно. Крышу перекрывать надо. Хотя какая крыша, если шадов пустят!

– «Паона никогда не падет», – напомнил Капрас. Курьер-истопник не казался доносчиком, но Забардзакис умеет спрашивать, а неверие и уныние – отличный повод отобрать у «труса» корпус, а самого выставить хоть в Кипару, хоть еще северней.

– Так точно, господин командующий! – Похоже, сержанта посетили сходные мысли. – Прошу простить! Паона нипочем не упадет. Хвала его величеству!

– Давай подорожную, – протянул руку Капрас. – Подпишу, и шагом марш в приемную. Скажешь ординарцам, чтоб накормили.

Красные тревожные печати маршал снял, лишь оставшись в одиночестве. Этого требовало предписание, и так в самом деле было лучше. Во всяком случае, тирады, сопровождавшие чтение, слышали лишь кружащие по комнате мухи и Леворукий, наверняка получивший немалое удовольствие. В отличие от адресата.

Корпусу предписывалось в срочном порядке покинуть Кагету, письменно уведомив о том казара Хаммаила, и форсированным маршем двигаться к Ониде, где командующему вручат новые инструкции. Суть была предельно ясна, однако опытный глаз, повидавший немало казенных бумаг, сразу же отметил неладное, не по содержанию – по форме. Все печати и визы были на месте, как и «высочайшее одобрение», но от Коллегии приказ подписал не Забардзакис, а один из его субстратегов, человек не слишком заметный. И тон! Не обычный сухой слог, а чуть ли не вопль: «Приди и спаси!» – будто сейчас только от маршала Капраса судьба империи и зависит.

Еще раз порадовав Врага заковыристым проклятьем, Карло полез за кипарскими письмами. Рядом с паонским они выглядели просто бесподобно. *«Маршал Капрас показал себя более чем посредственным военачальником, его присутствие на главном театре военных действий излишне...»* – *«Маршал Капрас, я не думал, что когда-нибудь напишу «на ваш корпус с надеждой смотрит вся империя», но мое перо выводит именно эти слова...»*. Поэт, истинный поэт, хоть и в нарукавниках! Трудно не поверить, не броситься спасать. Карло и поверил бы, и бросился... Если б не знал, что его ждет на самом деле. Его и корпус. Выходит, остаться в Гурпо? Гордо так остаться – дескать, разглядел я твою ловушку, старая ты сволочь. Сам влип, сам и вылипай, а я тут посижу. С войском, с казаронскими презентами, с брюхатой любовницей...

Командующий Малым Северорожденным экспедиционным корпусом аккуратно сложил все бумаги и запер в дальнем ящике, прошелся по кабинету, посмотрел на расписанный розовым виноградом и синими птичками потолок. Красные печати больше не мозолили глаз, но Карло в считанные минуты ухитрился выучить проклятое письмо чуть ли не наизусть. «Промедление может погубить Паону...»; «От вас зависит многое, если не все...»; «Маршал Капрас, вы наша последняя надежда...». Так в Коллегии еще никогда не писали.

Какой же надо быть гадиной, чтобы манить солдата его якобы нужностью! После Фельпа Капрас не думал, что сможет возненавидеть ведомство Забардзакиса еще сильнее, оказалось – сумел. Если б волей Создателя – ведь Враг несомненно помогает язычникам – маршал оказался лицом к лицу с господином Доверенным стратегом, двуличной твари пришлось бы худо. Увы, схватить Забардзакиса за грудки и плюнуть в подлую рожу Капрас не мог. Зато он мог написать и написал отличнейший ответ. Дважды с удовольствием перечел, хмыкнул, приложил личную печать и... разорвал. В Кагете было безопасно и вкусно, а дома караулила подлость, ну да она всегда там гнездилась, из новенького были лишь мориски. *«Маршал Капрас, вы наша последняя надежда...»* К Леворукому их всех!.. К бириссам, к бакранам, к козлам, к бешеному огурцу, пусть хоть он оплюет! Карло обмакнул перо и угрюмо вывел:

«Ваше Высокопревосходительство, Ваш приказ мною получен. Приложу все усилия, дабы его исполнить, однако отдельные выдвинутые на север батальоны вернутся в Гурпо не раньше чем через неделю...»

2

Впереди, за высоченными желтоягодными кустами, кто-то упорно, раз за разом, открывал и закрывал двери огромных разошедшихся гардеробов. Отделавшаяся от мужниных фамильных гробов Матильда не думала, что вновь услышит этот скрип. Услышала. Мало того, в тех же зарослях что-то варили, и скрип мешался с бульканьем и похлопываньем крышек на котелках.

– Штук восемь, не меньше, – определил идущий впереди Шеманталь. – Ишь наяривают...

- Твою кавалерию... – Матильда тряхнула отросшими кудрями. – Так это птицы орут?!
- Птицы? – хмыкнул адуан. – Это тергачи-то, жабу их соловей, птицы?
- Так не рыбы же!
- Тергачи – это тергачи. – Шеманталь галантно отвел от лица принцессы колючую ветку. –

Да не крадитесь вы, они только себя слышат. Вот куриц ихних спугнуть – раз плюнуть, хотя этим что с курицей, что без, лишь бы хвост казать. Зато на вертеле – пальчики оближешь, особенно в ягодную пору. Они ж только абехи сейчас и жрут, может, с того и дуреют.

Матильда промолчала – не шуметь в присутствии дичи было у Мекчеи в крови, но как же давно она не охотилась! Из Агариса до приличных угодий дня три пути, ближе одни хомяки водятся. Мупа, бедняжка, так за всю свою жизнь ни единого фазана и не увидела, даже жареного. Какие фазаны, на говядину бы хватило. И на ызаргов, что прикормил Анэсти...

Из Сагранны прошлое казалось особенно гнусным, и ее высочество, гоня воспоминания, ускорила шаг. Жизни оставалось не так уж много, и алатка пыталась не марать этот остаток о старье.

- Всё, – очень к месту объявил Шеманталь, – пришли.

Небольшая полянка лепилась к обрывистому склону, уходящему в фиалковую, пронизанную солнцем высь. Среди сухой, не знавшей косы травы гигантскими черепахами торчали валуны, на которые и взгромоздились пресловутые тергачи. Статью они напоминали нухутских сопливых петухов, но были поменьше и обладали на редкость примечательными хвостами, не столько длинными, сколько пышными, как одежды канатных плясуний. Генерал-адуан в подсчетах не ошибся – на токовище собралось восемь кавалеров. Начинать турнир тергачи не спешили – раздвигая на манер голубей шеи и распутив хвосты, они предпочитали медленно поворачиваться на своих пьедесталах, издавая уже знакомые бульканье и скрип.

- А куриц-то не видно, – удивилась алатка. – Оглохли, что ли?

– Не туда смотрите... В зарослях они, с краю которые. Удачно мы вышли, взяли б влево, спугнули бы. Выше, выше гляньте, вон... У рогульки.

Тергачки походили на фазанок – неприметные, в пестреньких платицах, они скромно прятались в листве, подавленные красотой и важностью собравшихся женихов.

– Сдается мне, – Шеманталь ткнул пальцем влево, – его берёт. Штаны мокрые, а губернатор губернатором!

«Губернатор» старательно кружил, показывая доставшуюся ему роскошь. Из-под верхних, черных с серебристым краем, перьев торчали алые, оранжевые, бирюзовые оборки. Когда тергач поворачивался задом, становился виден пышный белый пух с непристойной круглой дыркой посередине. Исподнее малость слиплось от помета, но это не мешало красавцу вертеться, скрипеть и булькать. Расфуфыренные соперники тоже старались вовсю, на невест они не глядели, друг на друга тоже. На своем веку Матильда повидала немало спесивых балбесов, но те, алча признания, хотя бы косились на зрителей, тергачам же хватало себя и собственного хвоста.

– Экие важные, – шепнула женщина, мимоходом прикинув, что из черных перьев можно сделать отличную оторочку, пожалуй, и бирюзовых прибавить не помешает. – Аж не верится, что передерутся.

– Какое там! – отмахнулся адуан. – Вот козлы, те взаправду бодаются, а *эти* так и будут тергать, пока девка в зад не клюнет. Хватит, мол, складай хвост, пора дело делать!

А ведь она тоже Анэсти клюнула, дурища эдакая... Ну и ладно, было да сплыло, а вот дайту завести надо. Тергачи – не дичь, но не одни же они здесь водятся.

Здоровенная темная тень вынырнула из-за горы и камнем ринулась вниз, на танцующего «губернатора». Мелькнули выставленные вперед могучие лапы, суматошно заколотили петушиные крылья... Поднятый хищником ветер взметнул и закружил разноцветные перья, а кто-то вроде здоровенного, лысого с красным воротником орла неспешно взмывал вверх, к гор-

ному солнцу, унося трепыхающуюся добычу. Уцелевшие тергачи даже хвостом не повели, ток продолжался как ни в чем не бывало! Матильда покосилась на кусты – курицы то ли сбежали, то ли забились в самую чащу, однако отсутствие невест осталось столь же незамеченным, сколь и рухнувшая с небес смерть.

– То ли еще бывает. – Адуан вытащил из сумки обтянутую сукном болванку и принялся насаживать на палку, которой отводил с дороги ветки. – Самый смех, это когда барсиха или там рыська котят натаскивает. Те на камень толком залезть не могут, одного тергача втроем волокут, он крыльями колотит, пыль столбом, а другие чучелы знай себе выплясывают... Ну как, нагляделись или еще полюбуетесь?

– А то я спесивых дураков не видала! Одна разница, что в штанах и родословная от святого Олуха.

– Есть такие. – Шеманталь оценил спускающееся к дальним горам солнце. – Да и время не раннее. Супруг заждался.

– Ну так и шел бы с нами, – буркнула Матильда, понимая, что Бонифаций в самом деле заждался, а она... А она хочет к мужу, вот хочет, и все!

– Его высокое преосвященство по горам только для дела скачет, – заступился за благоверного генерал, – да и занят он. Бакраны, если с утра заявились, до вечера не отлипнут. И то сказать, намолчались... Жак, Дени, пошли, что ли. С хвостами поаккуратней, перья не поломайте.

Всю глубину тергачиной тупости Матильда постигла, когда адуанская троица с ходу уложила шестерых. Шеманталь орудовал колотушкой, помощники совали добычу в мешки. Седьмого не тронули, надо думать, оставили на развод; одинокий скрип еще долго долетал до ушей принцессы, потом его заглушили другие звуки – шум ветвей, звон ручья, стрекотанье здоровенных, чуть ли не в ладонь, кузнечиков. Сагранна и не думала стесняться гостей, и алатка была благодарна и ей, и лету, и предложившему эту прогулку Шеманталю.

– А неплохо так сходили. – Генерал-адуан будто мысли подслушал. – Вечерком женихов нажарим... С бакранским сыром. А завтра, если пожелаете, я вам барсово семейство покажу, Жак следы неподалеку видел.

Это было заманчиво. Серебристые длиннохвостые кошки водились и в Черной Алати, но видели их нечасто, потому и болтали, что встретить одинокого барса – к свадьбе, а семейку – к удаче. Балинту выводок аж в пять котят попался.

– Одна не пойду, – внезапно решила Матильда. – Только с хряком... То есть с его высоким преосвященством.

3

На пороге «Приюта золотых птиц» Капрас едва не замедлил шаг – похожий на аляповатую шкатулку казарский дворец внезапно показался ловушкой. Входить не хотелось, тем более входить одному, но в «Приют» сопровождающих не впускали. Правом нарушить уединение повелителя Кагеты обладал лишь осчастливленный августейшей аудиенцией, коего сопровождал дежурный казарон, да и то до порога личных покоев. «Золотого гнезда», как говорили здесь. Конечно, командующий гайифским корпусом мог на местные порядки не оглядываться, но это поставило бы Хаммаила в дурацкое положение, а казара и так ждали не лучшие времена.

Получив приказ оставить Кагету, Карло не то чтобы забеспокоился о Хаммаиле, скорее начал испытывать некоторую неловкость. Жил себе молодой казарон, упитанный и красивый, чего-то хотел, о чем-то думал, родную казарию терпеть не мог, мечтал осесть в империи и добился-таки своего. Перебрался в Паону, женился на гайифской девице, не из самых красивых, зато с влиятельной родней, пошли дети... И тут родня жены хватается за горло и тянет в неприятное отечество, да не кем-нибудь, а казаром! Имперские сановники сыплют любезно-

стями и подачками, обещают всяческую помощь, и вот ты среди тупых, неотесанных дикарей – такой просвещенный, такой утонченный, такой нужный великой Гайифе! Как тут не напялить корону и не водвориться во все эти дворцы?

И все бы хорошо, только у доброй половины страны имелся другой казар. Сперва Лисенок казался временной помехой, а трон, пусть и неустойчивый, надежно подпирала империя, теперь же ей стало не до Кагеты. Как Паона обещает, заверяет и бросает на произвол судьбы, Карло испытал на собственной шкуре, сейчас пришла очередь Хаммаила. Симпатий ни он, ни его Антисса не вызывали, однако чувствовать себя Забардзакисом было противно.

Изворачиваться и крутить маршал не любил, но, не желая обострений, заставлял себя быть дипломатичным. Его пригласили для важной беседы, и он поехал, хотя Курподай намекал на возможные неприятности, Ламброс советовал взять охрану посильней, а Левентис – отказаться под благовидным предлогом. Сейчас, перед золочеными дверьми, на которых били крыльями голенастые цапли, гайифец жалел о своем чистоплюйстве, но отступить было поздно, да и не зарежут же его, в конце концов!

Дежурный казарон в малиновых сапогах и с золотой полутарелкой на груди протянул лапу к шпаге, Капрас положил руку на эфес:

– «Моя шпага – моя честь, моя честь – честь империи».

Двусмысленная гвардейская шутка сработала – казарон отступился, и Карло вошел в узкий расписной коридор. Сбереженная шпага в такой щели была бесполезна, но маршал не встретил никого, кроме спешившей по стене навстречу усатой рыжей твари, слишком похожей на таракана, чтобы быть кем-то иным. Коридор упирался в дверь, на которой красовалось оранжевое солнце с глазами и ноздрями, однако без рта. Немое светило стерегло двойную комнату – в ближней, большой, журчал одинокий фонтанчик, в дальней, полукруглой, виднелся низкий, заставленный кувшинами и блюдами стол, за которым расположились дама и трое мужчин. Хаммаил вводил в бой семейный резерв, и резерв этот был последним.

Капрас поклонился. Сухощавый, одетый по-имперски господин выбрался из-за золотого ведра с оранжевыми розами, видимо, это был тесть казара. Карло с ним еще не сталкивался – батюшка Антиссы блюл семейные интересы при императорском дворе, и его появление могло означать многое.

– Насколько я успел понять, – предполагаемый Каракис-старший улыбался совершенно по-паонски, что отнюдь не вызывало у маршала нежности, – владыка Кагеты принимает гостей сидя. Положение, увы, обязывает, так что вашу руку, сударь, пожму я. Мы незнакомы, но я о вас столько слышал!

– Возможно, это взаимно. – Рукопожатие «тестя» было крепким и нарочито молодецкатым. – Если вы граф Каракис Камайский.

– Так вы обо мне слышали? А говорят, военные не желают знать нас, гнусных чинуш... Но садитесь же! С моим племянником Марко вы точно встречались, он до сих пор под впечатлением от вашего милосердия к этому странному человеку, разбрасывающемуся сапогами. Что сказать про дочь, право, не знаю. Трудно называть свою плоть и кровь величеством, но дворцовый этикет остается таковым везде.

– Маршал Капрас у нас нечастый гость, – сочла нужным подать голос Антисса. Золотистые кагетские одеяния ей были к лицу. Забавно, но Гирени пошли бы гайифские девичьи платья с низким, прикрытым густой сеткой вырезом. – Это так мило, что он не устроил очередной смотр.

– Да, – разлепил румяные губы Хаммаил, – маршал Капрас предпочитает нам своих офицеров и наиболее навязчивых казаронов.

– О, дорогой, – запротестовала Антисса, – навязчивых не предпочитают, навязчивых терпят...

– В любом случае, маршал Капрас нас избегает. – В кругу гайифской семьи казар вел себя иначе, чем на казаронском сборище, где вопить и потрясать кулаками почиталось хорошим тоном. – Мне доносят, что вы покупаете новых лошадей, а старых перековываете.

– Обычные воинские дела, – торопливо махнул рукой Марко. – На здешних камнях подковы стираются до отвращения быстро. Я не кавалерист и не столь давно прибыл в Кагету, но моего Валмона перековывали уже дважды.

– Сейчас, – веско сказал тесть, – самое главное в корне пресечь слухи. Если ложь достигнет ушей... ваши величества, прошу простить мою резкость... ушей глупцов, а таких среди кагетской... э-э-э... аристократии немало, они могут заметаться и попытаться сменить сторону. Разумеется, предатели получают свое, но прольется кровь...

Это была увертюра. Капрас не слишком любил оперу, но что сперва играют увертюру, а потом переходят к главному, помнил. Хаммаил не мог не понять очевидного, вот и решил выяснить, не махнет ли уважаемый гость рукой на, считай, проигранную войну и не останется ли в Кагете, и если останется, то за сколько. Поднаторевший за последнее время в местных делишках маршал по мере сил увертюре подпевал, в свою очередь надеясь выяснить, станет ли казар мешать возвращению корпуса лично, попробует натравить казаронов, попросит взять с собой или же рискнет сцепиться с Лисенком один на один.

– Приятно, что Панага-ло-Виссиф удостоен вашей дружбы, – закинул очередную удочку казар. – Но не злоупотребляет ли он ею?

– Казарон Панага много делает для защиты приграничных замков, – извернулся Капрас и потянулся к подносу с халвой. Любителем местных сладостей маршал так и не стал, но приличные люди с набитым ртом не говорят, особенно во дворцах.

– Казарон Панага предан, хоть и надоедлив. – Антисса взмахнула широким рукавом, едва не зацепив что-то засахаренное. – В этой стране подобное не редкость.

– Но вы, любезный маршал, отнюдь не обязаны терпеть неприятных визитеров, – подхватил тесть. – Если вы думаете, что, отказавшись принимать того же... Панагу? Какое забавное имя! Так вот, если вы думаете, что нанесете тем самым обиду его величеству, вы ошибаетесь. Тем более что в последнее время насчет этого казарона возник ряд сомнений.

Капрас, выгадывая время, сунул в рот еще и лукума. Последний разговор с Курподаем в самом деле вышел странным.

Обсуждали обучение рекрутов: казарон грустил, что наставники уходят, как было объявлено, в главный лагерь, очень благодарил и сделал очередной подарок, как всегда дорогой и полезный. Сплетням о скором выводе корпуса хозяин Гурпо не верил, зато намекнул, что в некоторые глупые головы пришла глупая же мысль: маршал может уезжать хоть завтра, а вот корпус хорошо бы оставить. Он состоит из отдельных полков, и если командующий окажется... неуступчивым, надо договориться с полковниками. Карло счел это предупреждением и решил, что сам Курподай, надеясь на своих «свежеобученных», мешать не станет, а прочие не страшны: ни мозгов, ни решимости. Однако вскоре один казарон ненароком в гости заглянул, потом другой, а затем подоспело и казарское приглашение... И он поехал, даже не захватив приличный эскорт.

– Я был рад помочь одному из хранителей рубежа, – заверил Капрас. – Мои офицеры хвалят кагетских рекрутов. Они могут дать отпор бириссам Бааты уже теперь.

– Почему вы возвращаете ваших людей в Гурпо? – закончил увертюру Хаммаил. – Отдельные батальоны должны были остаться в северных замках на зиму. Я разрешил Панаге принять ваших людей, но я не разрешал им уходить.

– Они выполняют приказ.

– Ваш?

– Военной коллегии. – Финтить и дальше глупо, а казар все же союзник. Бедняга имеет право хотя бы на время – для раздумий или... для сборов. Вроде бы у Каракисов владения

возле самой алатской границы; отсилятся. – Ваше величество, видимо, мне предстоит сообщить вам неприятное известие. Я получил приказ в кратчайший срок покинуть Кагету.

Что последует за его признанием, Капрас не знал. Хаммаил мог затопать ногами и заорать, мог лишиться чувств, грохнуться на колени, подавиться халвой, разрыдаться, наконец. Не терпевший мужских криков маршал готовился к худшему, однако казар не стал являть гайифцам кагетскую страсть. Швырявшийся сапогами придурок удостоился воплей и потрясения кулаками, отказавшийся от своих обязательств покровитель услышал лишь стук опущенного на поднос кубка.

– Как давно вы получили приказ?

– Несколько дней назад.

– Разговоры о вашем уходе начались раньше, – напомнил казар. Он был спокоен, он, раздери его кошки, был слишком спокоен, а ведь уход гайифцев лишал его единственной надежной защиты. Да, Курподай сможет какое-то время удерживать проходы в Нижнюю Кагету, но вот захочет ли?

– Ваше величество, я – военный, и я получил сведения о продвижении морисков в глубь империи. В подобном положении держать корпус в едином кулаке и быть готовым к выступлению для меня естественно.

– Случается, – вмешался тесть, – что отдаваемые распоряжения опровергают друг друга. В Паоне, как вы понимаете, последнее время царит удивительная неразбериха.

– Мой брат Дивин не поставил меня в известность о вашем уходе, – добавил Хаммаил.

«Его брат Дивин?!» Собственным ушам Капрас верил, внезапной Хаммаиловой храбрости – нет. Казар был готов к тому, что услышит. То ли сам догадался, то ли родичи подсказали, а может, кто и уведомил, но о приказе они знают... Тогда зачем весь этот балаган? Собрались покупать? Пожалуй, запугивать-то нечем.

– В этом году уродились отличные персики, – порадовала Антисса. – Попробуйте. Неприятные события не должны лишать нас маленьких радостей.

– А также разума, – подхватил на правах двоюродного казарского шурина Марко. – Любезный маршал, я не военный, но неужели вы полагаете, что с одним корпусом сумеете то, что оказалось не по силам всей императорской армии? Это здесь в вашей власти многое, и это здесь вы – дорогой гость, которого можно лишь просить, а кем вы станете, вернувшись?

– Марко! – лукаво укорила Антисса и, взмахнув рукавами, будто крыльями, поднесла к губам упомянутый персик. – Мы в самом деле можем лишь просить... Что ж, я прошу, как женщина, как мать, как супруга, как ваша соотечественница, наконец. Оставайтесь с нами. Вам не спасти Паону, но мориски не воюют с Кагетой. Мы приютим всех, кого язычники лишат крова. Если вы дадите им защиту от талигойских прихвостней.

Последние сомнения исчезли. Сержант-истопник гнал так быстро, как только мог, но и остающиеся – пока остающиеся – в Паоне Каракисы не медлили. Хаммаил, а вернее тесть и Антисса, не знали разве финта со сменой командующего, иначе бы это уже пошло в ход. Странно, что Забардзакис вообще с кем-то поделился, впрочем, губернатор Кипары и Доверенный стратег до недавнего времени вроде бы принадлежали к одной партии.

– Приказ за подписью императора может отменить лишь сам император. – Тесть говорил вкрадчиво, даже проникновенно. – Вас вправе отозвать лишь его величество, напомните об этом Военной коллегии и можете с чистой совестью оставаться на месте.

Капрас остался бы. С чистой, неимоверно чистой совестью, если б его посылали в Фельп, в Бордон, в Агарию, в Закат, но его вызывали защищать Паону; то есть не его, а слепленный им из ничего корпус. В том, что кипарские парни полягут на подступах к столице и им даже не скажут спасибо, маршал не сомневался, но спасать сползающихся в Кагету Каракисов?! Выходит, гнать кипарцев на убой, а самому убираться к превосходительному, которому маршал без солдат – что скорлупа без яичницы?

– Некоторые решения принять так трудно... – теперь лицо Каракиса-старшего стало благостным. – Я не военный, но даже я понимаю: выступать вам не завтра. Вы успеете посоветоваться с Создателем. Его высокопреосвященство будет рад дать вам совет, и кто знает, возможно, спасет вашу душу и вашу совесть.

– Корпус будет готов выступить не раньше, чем через две-три недели, – Серапиону важна не душа маршала Капраса, а корпус. Как и Хаммаилу, которого кардинал успел слишком рьяно поддержать. – Военная коллегия никогда не допускала небрежности с бумагами. Не сомневайтесь, рескрипт его императорского величества скоро будет. Во всяком случае, письменно уведомить кагетскую сторону о нашем уходе меня обязали. Мне следовало это сделать накануне выступления, однако на прямой вопрос я счел правильным прямо и ответить. Мы не можем остаться, когда враг нацелился на Паону. Так думаю не только я, но и мои офицеры.

– Вы истинный солдат империи, – одобрил казар. Антисса улыбнулась и разлила вино. Шурин откашлялся.

– Тогда наш долг выпить за здоровье его величества! – провозгласил он. – Да здравствует император!

Капрас с готовностью схватился за кубок. Он бы обязательно выпил, если б не слышал намеков Курподая и если б не заметил, как перед провозглашением тоста Хаммаил быстро переглянулся с женой. У кагетских платьев такие длинные, такие широкие рукава, а в здешних горах столько ядовитых растений! Пальцы маршала разжались, звякнуло, темно-красная жидкость залила персики и инжир, на мозаичном полу образовалась лужица. Хаммаил с непроницаемым лицом оттянул воротник, и Карло уверился, что не ошибся в своих подозрениях. Казар с Каракисами боялись, что, едва слух об уходе гайифцев дойдет до Лисенка, тот, дрянь такая, сразу же и прыгнет. Значит, корпус во что бы то ни стало нужно удержать, вот умники и додумались убрать командующего и перекупить полковников.

– Прошу прощения, – хрипло извинился Карло. – Похоже, мне не стоит сегодня пить.

– Вам не стоит волноваться, – шурин заговорщически подмигнул, – из-за пустяков. Говорят, пролить красное вино к рождению сына, а белое – дочери, но не все приметы сбываются. Скушайте персик.

Персиками тоже травят, а первая супруга Дивина, кажется, откушала земляники. Капрас выбрал фрукт порумяней и с поклоном вручил Антиссе, та как ни в чем не бывало запустила в мякоть желтоватые зубки. Слегка успокоившись, маршал взял инжирину; разговор продолжался, но стал совершенно пустым. Теперь Карло смущал узкий коридор, прорваться через который мог разве что разогнавшийся бык, да и то если б не застрял и не получил пулю в лоб. Яд, конечно, чище, однако те, кто ловил «шпионов Бааты», никуда не делись. Дорогие союзники «не успеют» спасти доблестного гайифского маршала от клинка супостата, но убийцу возьмут с поличным, после чего офицерам покойного только и останется, что мстить Лисенку и пересчитывать золото.

Антисса доела всученный ей Капрасом персик и взяла еще один. Утративший всякий интерес к беседе казар откровенно считал мух, шурин и тесть наперебой вспоминали Паону, Карло кое-как поддерживал разговор, пытаясь сообразить, что делать; без толку – в голову лезла лишь мысль о заложнике, увы, бесполезная – милая семейка жертвует любимым, хоть бы и самим Хаммаилом, ведь Антисса уже родила двоих сыновей. Стук двери заставил маршала вздрогнуть, однако это были не убийцы, а носитель полутарелки. Кагетского Карло не знал, так что казар мог приказывать все, что угодно, но пока влаивал и гоготал вошедший казарон. Каракисы вряд ли разбирали больше маршала, и тут в мешанине чужой речи проскочили «Панага» и... «Левентис». Это могло стать шансом, все равно другого не имелось. Капрас уверенно поднялся.

– К сожалению, – спокойно, очень спокойно сказал он, – я вынужден вас покинуть и вернуться к своим обязанностям. Теньент Левентис потревожил бы меня в резиденции вашего величества лишь при крайней необходимости.

Судя по казарской физиономии, он угадал. Агас был здесь и, видимо, с той самой «приличной охраной», на которой так настаивал Ламброс.

Глава 3

Нижняя Кагета

Талиг. Хексберг

400 год К. С. 14–23-й дни Летних Молний

1

Хаммаилов «Приют» давно скрылся из виду, а сердце Капраса все еще трепыхалось. Уже не от страха – от стыда за таковой. Карло давно перестал считать, сколько раз разминулся со смертью; он ценил жизнь, но к более чем вероятной встрече с пулей или ядром относился спокойно, только здесь было нечто иное, удивительно мерзкое!

Чувствуя под собой конскую спину, глядя на полудикие, усыпанные мелкими малиновыми розами кусты, вдыхая уже привычный аромат кагетских дорог – запах нагретой пыли, падали и цветов, маршал потихоньку приходил в себя. Пережитое, пусть и неохотно, съезживалось, становясь чем-то вроде ненароком проглоченного морского гада – студенистого, холодного и все еще живого. Капрас вообразил угодившую в его брюхо каракатицу и поморщился: он не понимал, как Каракисы решились на убийство командующего имперским корпусом, а они решились. Всем семейством.

Доказательств покушения, как и сомнений в своей правоте, у маршала не имелось, их заменяло жгучее желание немедленно убраться хоть к морискам, хоть к Леворукому.

– Что корпус? – через силу спросил Карло едущего рядом гвардейца. Тот с некоторым удивлением поднял брови.

– Мой маршал, как вы помните, батальоны из отдаленных замков начали движение к Гурпо. Полковник Ламброс уверен, что артиллерия будет полностью готова к маршу в должный срок. Полковник Николетис закончил с перековкой, офицеры разбираются с мелкими повседневными делами – попытки обмануть на поставках, пьянство и драка, местные женщины...

– Проклятье! – перебил Карло, поняв, что расписывается в собственной глупости: Агас покинул Гурпо всего парой часов позже спасенного и ничего нового знать не мог. – В башке какая-то мешанина... Хотите – верьте, хотите – нет, меня намеревались самое малое отравить.

На сей раз спутник удивляться не стал.

– Каракисы, – объяснил он. – Где они, жди любой пакости. Могу рассказать, чем эти господа знамениты в Паоне.

Это могло быть полезным, но Карло «засмотрелся» на причудливую, обвитую виноградом часовню, на крыше которой устроились трое грустных стервятников. Разговор оборвался. Левентис, вернее, его родичи по материнской линии, в имперской заварухе блюли собственный интерес, о котором Капрас слышать не желал. Узнать о войне двух змей – с немалой вероятностью оказаться либо с одной, либо с другой, а вернее всего в гробу. Карло не для того оставил гвардию и не для того двадцать лет не давал себя прикончить, чтобы лезть в политическую трясику, с него хватит кагетских свар, которые со счета не сбросить. Хаммаилу с Каракисами нужен корпус и не нужен его командующий, так что жди дальнейших сюрпризов. Сегодня его вытащил Агас, сославшись на какого-то казарона со срочным делом и, конечно же, соврав, но дальше лучше думать самому.

– Агас, – окликнул Капрас, когда Создателев приют и обсевшие его пташки остались позади, – что это за казарон, чем он знаменит и зачем я ему нужен?

– Мой маршал, боюсь, я не смогу выговорить имя, но полковник Ламброс гостя узнал. Этот дворянин живет на севере.

– Дворянин? – переспросил Карло, в очередной раз позабыв, что казароны дворяне и есть. – И что же ему нужно?

– Он желает говорить лишь с командующим. Я счел правильным доставить его к вам.

Какая услужливость! Казарон с севера желает говорить с маршалом, и его немедленно доставляют в казарский «Приют». В сопровождении пары готовых ко всему эскадронов... Окажись на месте гостя Пургат, он бы от подобного уважения воссиял. Сам ли Левентис додумался явиться за угодившим в ловушку начальством, действовал ли в сговоре с Ламбросом, но помощь подоспела вовремя.

– Теньент, – не удержался Карло, – а что было бы, не попадись вам с Ламбросом этот казарон?

– Не представляю, – пройдоха улыбнулся отцовской улыбкой, – но ведь он приехал, и он так настаивал...

– Хорошо, – окончательно развеселился командующий, – давайте его сюда.

Казарон был одет для долгой дороги, благообразен и уже немолод. Недлинные усы, темные сапоги, дорогое оружие. Так обычно выглядят состоятельные кагеты, подолгу живущие в империи. Капрас подсмотренным у Курподая жестом указал на место возле себя, и невольный сообщник ловко развернул своего гнедого, подстраиваясь к бывалому маршальскому полумориску.

– Я слушаю, – объявил Капрас, пообещав себе помочь этому человеку, если тот, конечно, не попросит ничего запредельного.

– Господин маршал, мое имя Маргуп-ло-Прампуша из рода Прагутхуди, но вам оно ничего не скажет. – Произношение казарона было довольно чистым, да и говорил он не покагетски тихо, спокойно и почти без акцента. – Мне бы следовало прибыть под серым флагом, однако казарон Хаммаил и его люди не из тех, кто уважает закон и обычаи. Вынужден просить у вас прощения за нарушение правил, оно проистекает из вынужденной осторожности, я же всецело полагаюсь на ваш здравый смысл и вашу добропорядочность. Разрешите вам сообщить, что я представляю его величество Баату Второго.

Объявись посланец Лисенка днем раньше, глаза маршала полезли б на лоб, но приключение в казарском Приюте выжало Карло досуха. Голова работала, а вот чувства кончились, даже удивление.

– Если вы – парламентар, вашей безопасности ничего не грозит. – Левентис не расслышит, остальные тем паче. – Чего хочет казарон Баата?

– Его величество велел вручить вам письмо и, если потребуется, дать необходимые разъяснения. – Кагет извлек из-за пазухи плоский футляр с бегущей лисой на крышке. – Открывается нажатием на правый глаз и кончик хвоста.

– Нажмите, – распорядился маршал, чувствуя на языке вкус Хаммаиловых сластей.

Посланец Лисенка или умело скрыл удивление, или воспринял осторожность гайифца как должное. Щелкнуло, и футляр честно явил свое нутро. На золотистом атласе белело послание, его Карло взял сам.

– *«Маршал Капрас, не буду утомлять Вас присущей и нам, и вам витиеватостью, тем более что я не успел постичь всей ее глубины. Узнав о том, что происходит в Гайифской империи, я рискнул пойти на определенную откровенность, хоть не обладаю и десятой долей отваги моего покойного кузена Луллака. Я исхожу из того, что Вам беды Гайифы ближе интриг и желаний казарона Хаммаила. Если я в этом не ошибаюсь – а мне не отпущено и десятой доли проницательности и осторожности моего покойного отца, – я могу быть полезен Вам, а Вы – мне. Каждый из нас окажет услугу своему отечеству, Создатель же за то простит нам преступление данных не нами обетов, в плену которых мы находимся.*

Я предлагаю встречу. Тот, в чьих руках это письмо, уполномочен обсудить с Вами, буде Вы согласитесь, место, время и меры безопасности, которые Вы, не имея никакого основания

доверять мне, решите принять. Я же в свою очередь обязуюсь, выказывая честность своих намерений, пойти на больший риск, чем Вы.

Баата, волею Создателя второй этого имени владыка Кагеты».

Капрас зачем-то обернулся. Агас Левентис вовсю болтал с адъютантом, он вряд ли предполагал, что был правдив, как сам Эсперадор, – дело казарона, без дураков, оказалось важнейшим. Карло поправил шляпу, слегка пожевал губами и решился.

– Я готов выслушать то, что мне передано на словах.

2

Когда в раздираемом шквалами заливе гибла «Ноордкроне», Руппи Альмейду ненавидел. Позже ненависть к умному и расчетливому врагу отступила перед ненавистью к эйнрехтским подлецам, но удовольствия от встреч с альмиранте Фельсенбург все равно не испытывал. Да они и виделись лишь трижды... Два раза в прошлом году и теперь, по прибытии в Хексберг, когда Альмейда счел необходимым повидать бывшего адмирала цур зее и его еще более бывшего адъютанта. Огромный кэналлиец объявил, что не имеет обыкновения считать военнопленными тех, кто не захвачен в бою, после чего заговорил о Дриксен.

О состоянии дриксенского флота и портов четырехпалый знал как бы не лучше Руппи, что в очередной раз вызвало желание придушить регента и его дуру. Скрывать свои чувства наследник Фельсенбургов не стал, за что и получил от Олафа некое подобие выговора. Это был последний случай, когда Ледяной хоть чем-то напомнил себя прежнего, потом он раздобыл Эсператию, и началось...

Пока Руппи рисовал скелеты и шипел на кошку, исхитрившуюся удрать от Юхана и разыскать в чужом городе своих любимцев, Кальдмеер думал, и на пользу ему это, мягко говоря, не шло. Еще весной, узнав, что фрошер собрался говорить с наследником Фельсенбургов напрямую, минуя Олафа, означенный наследник не преминул бы взбрыкнуть, сейчас он почти обрадовался. Хватало и того, что Бешеный вместо лучшего адмирала кесарии пустил в дом какого-то монаха, причем далеко не «льва». Показать нынешнего Олафа еще и Альмейде было бы нестерпимо, но великан прислал за Рупертом. Руперт взял шляпу и пошел, не дожившись и не попрощавшись.

Моросивший почти неделю дождик иссяк, в небо вернулась летняя синева, и это, вопреки всему, радовало. Фельсенбург шагал вражеским городом в сопровождении чужого адъютанта и насвистывал. Со стороны это выглядело бравадой, но таковой отнюдь не являлось, просто менялся ветер, на крышах разворачивались флюгера, а где-то, за такими же, как в Метхенберг, домами плескалось и звало море. Руппи не сомневался, что они еще встретятся, и свято верил в затею Вальдеса – добраться до Бирюзовых земель, обойти их и плыть на восток, пока на горизонте не проступит неведомое или ополовиненные водяные бочки не потребуют возвращения. Для похода требовалось всего ничего – закончить войну и уцелеть, ну так они уцелеют! Сегодня это казалось само собой разумеющимся.

Веселье не покинуло лейтенанта даже при виде гороподобного Альмейды, а разгулявшееся воображение нарисовало, как некто подобных размеров поднимает за шкуру долговязого Фридриха и трясет, будто поганого кота. У самого Руппи для подобного силы не хватало, а хотелось...

– Вижу, вы не унываете. – Четырехпалый кивком указал на стул. – Садитесь. Пришли новости из Эйнрехта. В прошлый раз вы, говоря о столичных интригах, назвали герцога Марге хитрой сволочью и пронырой. Ваш адмирал был этим недоволен.

– Не этим.

Олафу не нравится, когда дриксенские мерзости становятся известны чужим. Руппи был бы с ним согласен, но Бешеный и без того знал Бермессера как облупленного, а дерущийся на

востоке Арно, не таясь, рассуждал о талигойской дряни. Везде есть люди и мрази, скрывать это глупо, а выставлять мразь чем-то приличным лишь потому, что она «своя», глупо вдвойне.

– Неважно. – Адмирал притянул покалеченной рукой какую-то бумагу, но читать не стал. – Можете на меня кидаться, только Кальдмеер больше не похож на адмирала. Хотя, даже останься он прежним, сегодня мне нужен не моряк, а столичная птица, пусть и в чайчых перьях.

– Я – моряк, – отрезал Руппи, – а Марге-унд-Бингауэр – проныра, сволочь и трус.

– Вы в самом деле моряк, – обрадовал Альмейда, – потому что в интригах вас обошли и дали увидеть лишь то, что хотели. Марге оказался отнюдь не трусом.

Руппи пожал плечами.

– Значит, это не тот Марге, только и всего. Его наследник иногда готов напасть на одного всего лишь вдвоем.

– Тогда чем вы объясните, что старший Марге оседлал вспыхнувший в Эйрехте бунт и объявил себя вождем всех варитов?

– Представление. – От недогадливости главного талигойского адмирала Руппи опять развеселился. – Через пару дней великий Фридрих мятежников победит, они сдадутся, а добрая Гудрун всех простит и умолит Неистового пощадить заблудших. Регенту... тьфу ты, он больше не регент: после смерти кесаря и до съезда великих баронов страной правят Бруно, глава дома Штарквинд и мой отец... принцу Фридриху, чтобы надеть корону, нужны победы, а их нет, вот и пришлось устроить мятеж.

– В таком случае Фридриху следовало остаться в живых.

Руппи не понял, вот не понял – и всё. В окне что-то призывно блеснуло, раздался веселый звон, перед глазами вспыхнули знакомые ночные искры, но разум уже схватил разогнавшуюся радость под уздцы.

– Фридриха убили?!

– И принцессу Гудрун тоже. Я всю жизнь считал, что в Дриксене предпочитают вешать, однако этих двоих сперва посадили на колья, а потом заживо взорвали.

– Как... как...

Альмейда рассказал. Знал он не слишком много, но этого хватило – перед глазами встала библиотека в Фельсенбурге и белый, похожий на подушку живот. Кто-то придумал набить его порохом, кто-то это сделал. «Как пожелает мой кесарь...», «Умереть в один час...» Вот и сбылось, вот и умерла!

– Как они держались?

– Меня там не было.

– Фридрих орал, – твердо сказал Руппи, – а она молчала. Пока могла. Господин адмирал, Марге не мог не струсить, иначе это был бы не он!

– Видимо, у него не оставалось выхода.

– У Марге?! Чтоб не угодить на кол, он мог обещать весь мир и четырех кошек в придачу, но кто бы его слушал?!

– Я тоже так думаю. – Альмейда потер подбородок. – Обуздать пошедшую вразнос толпу, из которой добрая половина – солдаты и гвардейцы, шаркун и кляузник не сумеет. Значит, либо Марге вас дурачил годами, либо в Эйрехте завелся оборотень.

– Туда ведьмы не идут... – Руппи брякнул то, что следовало держать при себе, но кэнал-лиец и не подумал расспрашивать. Конечно, он же командует Вальдесом, должен понимать... – Господин адмирал, я вам еще нужен? Мне... хотелось бы спуститься к морю.

– Море и не такое смеет, – кивнул гигант. – Здесь вы мне не нужны, но можете быть полезны в Придде. Смерть кесаря не меняла ничего, «свадьба» Фридриха меняет многое, по крайней мере для Бруно. Регенту Талига будет о чем вас расспросить, а дальше как карта ляжет.

Возможно, вас попросят переговорить с фельдмаршалом лично. Мы заинтересованы в перемирии, но теперь оно понадобится и вам. Если Дриксен не пойдет за Марге, вестимо.

Что сделает бабушка, узнав про несчастную лосиху? Бабушка, Бруно, Штарквинды, Бахунд-Отумы? Какое же счастье, что мастер Мартин успел уехать... «Успел»?! А ведь это ты велел старику уезжать и напрочь об этом забыл. Не вспомнил даже в разговоре с отцом Луцианом, хотя адрианианец спрашивал едва ли не напрямую. Было, было в Эйнрехте нечто, из-за чего ведьма повернула, Марге расхрабрился, а гвардейцы с горожанами сорвались со всех якорей.

Руперт фок Фельсенбург посмотрел в черные сощуренные глаза.

– Я готов выехать утром. Дриксен перемирие требуется не меньше, чем Талигу. Если нужно, я напишу своей бабушке, герцогине фок Штарквинд, и принцу Бруно. Не представляю, что сейчас происходит в Эйнрехте, но адмирал Вальдес может что-то понять. Он...

– Он знает лишь одно, – махнул ручищей альмиранте. – Ведьмы плачут все чаще и тянут в море. Кого из ваших людей желаете взять с собой?

Никого не желает, но при встрече с Бруно наследнику Фельсенбургов понадобится камердинер, телохранитель, врач, секретарь, духовник, да хоть кто-то, лишь бы дрикс. Лучше всех подходит Лёффер, но ему в седло пока рано. Канмахер может пригодиться Олафу, абордажники слишком простодушны, остается папаша Симон... А что? Рану палач перевязет, колесо починит, болтать лишнего не станет.

– Со мной поедет человек, который ухаживал за лейтенантом Лёффером. – Смерть на плахе, даже на виселице – и та чище расправы на площади! – Господин адмирал, что бы вы подумали, если б такое случилось не в Эйнрехте, а у вас?

Альмейда поднялся, почти загородив окно.

– Я родился в Алвасете. У нас такого не будет никогда.

3

Лисенок рисковал куда сильнее, но волновался отчего-то Капрас. Проклятая политика стремительно подминала маршала под себя, просто воевать не получалось, а ведь в приличные времена армии водили одни, а цель им указывали другие. Они и сейчас пытались, только уж больно много желающих пришлось на одного командующего отнюдь не лучшим корпусом – как ни вертись, всего не исполнить.

Карло про себя помянул «указчиков» злым тихим словом и привстал в стременах, оглядывая дорогу, хотя выказывать нетерпение вообще-то не следовало. Будущую встречу обставили как инспекцию возвращающихся в Гурпо войск, и вести себя надо было соответственно – маршал и вел. Принимал рапорты, проезжал вдоль марширующей колонны, проводя коротенький смотр, и оставлял продолжавший движение батальон за спиной. Если в эскадроне сопровождения и был кто-то купленный Каракисами, он не видел ничего необычного, насторожить возможного подсыла мог лишь сам маршал. Капрас это понимал – и все же, чем ближе была деревня с очередным непроизносимым названием, тем больше хотелось перейти хотя бы на рысь.

– Агас, – окликнул Карло втянутого в заговор гвардейца, – вы меня не осуждаете?

– Нет, – сын старого приятеля не колебался. – Вы не присягали ни Хаммаилу, ни Каракисам, а убираться отсюда нужно.

Довод был и сильным, и слабым, вопрос – с какой стороны посмотреть. Других оправданий, впрочем, не имелось, разве что увертки.

Третий по счету батальон скрылся за поворотом, поднятая башмаками пыль понемногу оседала, впереди, разрывая желтизну полей, зазеленели сады. Значит, уже скоро...

Люди Бааты появились вовремя, группа всадников – по виду казарон из небогатых и при нем с полдюжины то ли родичей, то ли охранников – неспешно трусила навстречу. Путники и путники, в одиночку сейчас нищий и тот никуда не отправится. Вспомнив, что нужно кивнуть Агасу, маршал придержал лошадь и понял: он таки волнуется. Сговоры за спиной командования Карло всю жизнь почитал свинством, а будучи полковником, и вовсе отказался сесть за один стол с неким почтенным землевладельцем, сколотившим состояние за счет оговоренного опоздания вверенных ему частей. Теперь кто-нибудь молодой и честный, чего доброго, сочтет продажной шкуркой уже Капраса. И зря, потому что брать деньги, если их предложат, гайифец не собирался. По крайней мере, брать для себя.

– Мой маршал, – громко доложил вернувшийся в сопровождении пары кавалеристов Левентис, – мы их расспросили. Паломники.

– Паломники? – столь же громко переспросил Карло.

– Да, – подтвердил гвардеец. – Неподалеку есть место, якобы дарующее удачу в пути. Там когда-то построили часовню...

– Удача в пути и нам не повредит, – продолжил мистерию Капрас, – а лошадям не повредит водопой, до следующего ручья ехать и ехать. Заодно и Гапзиса дождемся, не хочу забираться слишком далеко на север. Командуйте привал. Левентис, вы и еще четверо... шестеро, за мной.

Проезжая петляющей среди каких-то знаков тропой, маршал удивлялся самому себе. Недавнее покушение настраивало на подозрительный лад, но Лисенка Капрас не боялся совершенно, и отнюдь не из-за эскадрона, который, случись что, был бы на месте в считанные минуты.

– Вы не помните, как называют сумасшедших, боящихся оказаться запертыми в четырех стенах?

Агас не помнил, гвардейцы такой ерундой головы не забивают. Карло оглянулся, и «небогатый казарон» выслал жеребца вперед, присоединяясь к «случайному попутчику».

– Чем знаменита эта часовня? – полюбопытствовал гайифец, зная, что парни Левентиса сейчас перемешиваются с кагетами.

– Она построена у родника, где святая Этери молилась о тех, кто в пути. – Проводник владел гайи не хуже Курподая и первого парламентаря Бааты. – Так говорят клирики, но женщины уверены в другом. Тут ждала своего царя его синеглазая возлюбленная, а когда она ушла, памятью ее любви остались цветы. Ветер разнес их семена по всей Кагете, но первые расцвели на этих берегах. Смотрите.

Ложбина, по которой тек ручей, радовала глаз той слегка лиловой синевой, что случается лишь в небесных полях, да и то не каждый день. Купол одинокой часовни тоже был синим, однако лучше бы красильщики выбрали другой цвет, этот, может, где и выглядел бы неплохо, но здесь отдавал фальшью, а золотые аляповатые звезды вызывали желание либо отвернуться, либо взобраться наверх и замазать блестящую пошлость.

– Женщины приходят к синеглазой просить себе мужчину, – обрадовал кагет, – но они молятся на рассвете, а днем сюда заезжают те, чья дорога далека.

– Странно, – удивился Капрас, понимая, что увезет с собой хотя бы один цветок, – обычно святые помогают в чем-то одном. Кто-то лечит, кто-то воюет, кто-то торгует...

– Синеглазая ждала того, кто был в дороге, и она любила. Ваш офицер хочет вам что-то сказать.

– Внутри пусто, – заверил Агас, – клянусь Создателем. Смотрите...

Из рощи на ближайшем холме выехали шестеро, однако к часовне свернул лишь один, неприметно одетый, стройный, на изящной светло-серой лошади. Казарон и гвардеец молчали, то ли из осторожности, то ли из очевидности, и Капрас тронул коня. Поставить свечку местной святой. Посмотреть в глаза врагу Хаммаила.

4

Супруг Антиссы изо всех сил старался выглядеть кагетом и казаром, Баата – нет, но отчего-то казался и тем, и другим. Очень молодой и очень красивый, он держался приветливо и скромно, однако запустить в него сапогом было бы не просто даже Пургату.

– Господин маршал, – сын знаменитого Адгемара в знак приветствия наклонил голову, – я благодарен вам за то, что вы при вашей занятости сочли возможным приехать.

– Это ничего не значит.

– Я бы так не сказал. Если бы вы испытывали к казарону Хаммаилу уважение и симпатию, вы оставили бы мое приглашение без внимания.

– В отличие от вас, я ничем не рискую.

– Разве? – Казар слегка поднял брови. – Мне казалось, что вы, самое малое, рискнули временем, которого становится все меньше. Что до меня, то мне требовалось вас увидеть, прежде чем прийти к окончательному решению. Я должен стать хозяином всей Кагеты и стану им, но, как вы могли убедиться, я не слишком люблю воевать.

– Разве? А что в таком случае делают ваши бириссы в Нижней Кагете?

– Напоминают обо мне, моих родственниках и союзниках. Не желаете присесть?

Баата улыбнулся и первым опустился на стоящую у родника скамью, Карло устроился рядом. Место располагало к неторопливой беседе, но позволить себе такую маршал не мог.

– Напоминание выходит слишком кровавым.

– Не думаю, что все набеги и изрубленные казароны, о которых кричит Хаммаил, дело рук моих «барсов». – Баата сверкнул мальчишеской улыбкой. – Однако ничего не имею против того, чтобы так думали другие.

– Я не из их числа, – с удовольствием признался Капрас, – и я в самом деле тороплюсь.

– Мне следовало бы поблагодарить морисков, – заговорил вроде бы о другом кагет, – но я предпочитаю передать им свою признательность через их талигойского родича. Император Дивин совершил ошибку, судя о Зегине по островным шатам и нуху.

– Я не готов обсуждать его величество. Чего вы хотите?

– Чтобы вы без осложнений покинули Кагету. Гайифские батальоны возвращаются в Гурпо, нетрудно догадаться, что корпус отзывают, и приказ об этом либо уже получен, либо ожидается со дня на день. Хаммаил постарается вас задержать, ведь уход гайифских союзников для него – смерть. Не буду лгать, я намерен убить этого человека и истребить его семью.

Капрас решил не отвечать. Убийства женщин и детей ему не нравились, но в политике без подобного не обойтись, и не гайифцам читать проповеди соседям. Скоропостижные смерти в императорском семействе и высших паонских кругах случались куда чаще казней. Так было удобней и приличней, но все всё прекрасно понимали.

– Благодарю вас, – оценил молчание Лисенок. – Надеюсь, вы осознаете, что Хаммаил попробует удержать вас любой ценой, а не вас, так корпус. Я советовал бы вам по эту сторону границы есть только гайифскую пищу и пить воду, набранную достойными доверия слугами в реке или ручье, но не в колодце. Существует порочное мнение, согласно которому наследники сговорчивей своих предшественников.

– Меня не убьют, – отрезал Карло.

– Отрадно слышать. В таком случае вас станут задерживать иначе. Может начаться падеж лошадей, рухнуть мост, взорваться порох. Кроме того, на дорогах – а вам придется идти через горы – на вас могут напасть пресловутые «убийцы казаронов». Вам придется либо пробиваться, теряя людей и ставя под угрозу обозы, либо возвращаться, и тут вас попробуют отправить на войну со мной.

– Вы хотите сказать, что мешать нам будут не ваши люди?

– Я хочу сказать, что в Гайифу есть удобная и безопасная дорога. Я не только пропущу вас, но и позабочусь о том, чтобы ваши фуражиры получали все, что потребуется. Да, вы выйдете к границе несколько дальше от Паоны, однако имперские дороги это искупят, к тому же вашим солдатам будет приятно увидеть родные места.

Согласиться, причем немедленно, Карло мешала лишь гордость и... Курподай, привозивший вино, дававший советы, благодаривший за любую помощь. Потерять по милости Адгемара братьев, причем любимых, вколотить кучу средств и сил в оборону своих замков и оказаться между смертельным врагом и мерзким союзником, ко всему еще и ненадежным...

– Я не слишком давно в казарии, – Капрас обвел глазами широкие для холмистой Кагеты поля, часовня с ее пятнистым от звезд куполом, к счастью, торчала за спиной. – Тем не менее у меня здесь успели появиться хорошие знакомые. Они не из числа ваших сторонников, и я за них беспокоюсь.

– Мне мешает лишь Хаммаил и те, кому мешаю я. – Баата тоже любовался пейзажем. Так любят дом пока еще живого деда, прикидывая, где ставить новую голубятню. – Если ваши знакомые не станут желать мне зла и отвернутся от Хаммаила, я не буду делать различия меж ними и казаронами Верхней Кагеты. Когда вас ждать у поворота на Хисранду? Это не праздное любопытство, возчики должны успеть подвезти фураж.

– Мы еще не договорились.

– Разве? А мне показалось... Да, я хотел бы напомнить не только вам, но и вашим офицерам, что в нашей семье всегда по достоинству ценили гайифских военных. Я искренне надеюсь, что вы остановите морисков, ибо у меня нет желания видеть их своими соседями, хоть я и состою в союзе с герцогом Алва.

– Вы их не увидите.

– Очень рад. Тем не менее, господин маршал, если кто-то из ваших подчиненных по тем или иным причинам решит предложить свои услуги казарии, я сделаю все, чтобы он не пожалел о своем решении.

– Хорошо, – заверил Карло, благо это ни к чему не обязывало, – я сообщу о вашем предложении своим офицерам, когда мы выйдем на границу империи. Не могу не поблагодарить вас за щедрое предложение, однако мои интенданты обеспечили корпус всем необходимым.

– Что ж, я в очередной раз восхищен гайифской военной школой, но тем труднее мне перейти к просьбе. Вы знаете, что недавние события лишили меня не только отца, но и почти всех родных. Именно семейный долг во многом и вынудил меня преодолеть природную, скажем так, осторожность и искать с вами личной встречи. Речь идет о моей младшей сестре.

– Но ведь она в... – Назвать созданную Вороном дрянь королевством язык не поворачивался, но Карло его все же повернул: – В Бакрии.

– О нет... Мой покойный отец был не только хорош собой, но и страстен. Он поручал рожденных вне брака детей доверенным людям с тем, чтобы со временем устроить их будущее. К несчастью, судьба ополчилась на наш род, и этот долг теперь мой.

Я знал, что у меня где-то есть единокровные сестры... Одна исчезла, когда ей было пять лет, вторая – вскоре после своего рождения, стоившего матери жизни. Ревность, женская ревность, страшна и беспощадна. Новая возлюбленная отца похитила его дочерей, поиски были долгими и, казалось, безнадежными. Судьба послала мне благую весть лишь сейчас. В замке Гурпо живет девушка Гирени, ее считают безродной сиротой, но очень возможно, что это не так.

– Гирени?! – Капрас понял, что трясет головой, и заставил себя прекратить. – Не может быть!

– Создатель велик... Нашлись свидетели. Чтобы убедиться окончательно, нужно проверить, соответствуют ли тайные приметы. У моей сестры были родинки. Одна общая для всех

детей нашего отца... – Баата резко поднял волосы и наклонил голову. Стала видна шея и... знакомое до одури красноватое пятнышко. – И еще две.

– Хорошо, – выдавил из себя Карло, – я расспрошу... служанок...

– Возьмите. – Баата уже держал в руке два письма. – На первом листе записаны приметы моей сестры. На втором, если это она, мое письмо к ней. Я признаю родную кровь и наделяю девушку достойным приданым.

Лисенок врал, он просто обязан был врать, но подобную ложь не разоблачить. Гирени из рабыни становится сестрой казара, ее не продадут, не убьют, не станут бить. Баата позаботится о любовнице маршала, если маршал уведет корпус домой, а дорога через Кипару и впрямь во всех отношениях лучше. Ну а Хаммаил с Антиссой... Тот, кто подсыпает союзнику отраву, не вправе ждать верности. Пусть делают что хотят – бегут, дерутся, сдаются, Карло Капраса это больше не касается.

– Как я передам вам новости о Гирени или ее саму, если вы не ошиблись?

– Самым удобным будет, если вы ее поручите уже известным вам паломникам. Это надежные люди. Очень надежные.

– Хорошо. – Капрас поднялся первым. – Я отвечу через них.

– Я буду ждать, – заверил казар, – и надеяться на лучшее.

Глава 4

Талиг. Альт-Вельдер

Тарма

Западная Придда

400 год К. С. 10–12-й дни Осенних Скал

1

Названный Чарльзом... Капитан Давенпорт уехал, и Мэллит испытала облегчение: девушка не представляла, о чем говорить с женщиной, чье тело полно жизненных сил, а разум уныл, как у познавшего не мудрость, но немощь старца. Прощание вышло пустым и тяжелым, талигоец не знал, что сказать, гоганни – что ответить. Наконец всадники в кожаных, спасающих от ливня плащах ступили на мост, и больше Озерный замок не тревожил никто. Осень и дождь наполняли сердце печалью, и она растворяла горе, как вода – соль. Башни кутались в седые струи, будто ложно верующие – в траурные плащи, водостоки изрыгали пенные речки, те искали дорогу к озеру, что с каждым днем подступало все ближе. Роскошной это не нравилось, и Мэллит решила спросить, готовы ли лодки.

– Нечего бояться, – успокаивала старшая над служанками. – И это пока ерунда... Вот в тот год, когда хозяин привез хозяйку, вода аж в первых дворах стояла, пришлось доставать подвесные мостки.

– Только бы бурь не было, – качал лишенной волос головой надзирающий за кухнями. – Стены сложены на совесть, не размочит, а вот ветер...

Мэллит слушала о прежних ненастьях, и ей казалось, что серая осень пришла навсегда. Серым было все, кроме огня и цветов, которые присылала первородная Ирэна. Она по-прежнему ходила в свой сад, гоганни видела, как опасная возвращается, сбрасывает на руки прислужницы блестящий от воды плащ и, укрыв лицо в мокрых хризантемах, садится в кресло, ожидая, когда ее ноги освободят от испачканных башмаков. Потом хозяйка откладывала букет, выпивала поднесенное ей горячее питье и уходила к себе, а Мэллит отправлялась в отведенные им с роскошной покои. Здесь было тепло и горели свечи, но девушка знала – тяжелые шторы прячут дождь, которому нет конца.

Врач, высокий и достойный, велел нареченной Юлианой много лежать, и та лежала, вспоминая счастье и беду. Она не плакала, это делала осень, что была рядом. Не отходившая от роскошной Мэллит слушала о былом и ничего не могла изменить, даже вынести неприятные цветы – осиротевшей нравился горький аромат и яркие лепестки. В сердце девушки поселился страх за мать и дитя, но добрая не верила в злое.

– Глупости! – сердилась она. – Ирэна не из счастливых, что да, то да. Овдоветь, оставшись бездетной, о таком и подумать страшно! Только она – милая девочка, а ее брат нас всех выручил. Курт обязательно представил бы полковника Придда к ордену, и я об этом написала Савиньяку. Конечно, лучше бы мне рожать дома, но нам с тобой нужно быть здесь, когда Талиг отдаст Курту последние почести. Жаль, не будет командора Горной марки, но лучше никто, чем фок Варзов. Это он пустил «гусей» в Марагону, а ведь его считали хорошим полководцем. Подумать только, Курт осуждал наших земляков за нарушение субординации! Да Райнштайнер должен был требовать не решительных действий, а смены командующего. Ну что ты так смотришь?

– Эти йернские шары некрасивы, – пыталась настоять на своем Мэллит. – Лучше их унести.

– Пусть будут, – не согласилась нареченная Юлианой. – Ирэна понимает в садах, хотя все засадить цветами и травой – глупость. Сад прежде всего должен кормить! И утку здесь запекать не умеют, выходят какие-то опилки, а мне что-то хочется утки! Мелхен, ты должна им помочь, и не откладывай, сходи прямо сейчас.

– Но я могу понадобится...

– Я лягу спать, а возле кровати есть звонок. Беги, объясни, как надо, только не очень их ругай, мы все-таки в гостях.

В Озерном замке знали лишь один способ готовить птицу, и он губил нежное мясо, лишая его сока. Гоганни не стала спорить с несведущими, она попросила противень, и ей дали чистый и большой, но слишком тонкий. То, что получилось, отец отца подал бы пьяным и изгнал опустившегося до подобного ничтожества повара отмывать куриные желудки, только жители Альт-Вельдера не пробовали истинного. Они восторгались тем, что было лишь на волос лучше дурного, и Мэллит стало стыдно от незаслуженных похвал.

– Нужны специи, – умеряла ложный восторг гоганни, – и то, чем отбить неприятный запах. Если нич... Принесите мне зеленых яблок!

Яблоки принесли, и второй раз она запекла уже трех уток почти достойно. Мэллит была собой довольна, однако ее смущали восхищенные взгляды.

– Я не умею печь пироги, – сказала гоганни, чтобы прервать похвалы. – Я много не умею и ничего не знаю о лесных грибах. Научите меня.

Ей обещали, и в голосах обещавших была радость. Нареченная Юлианой спала, проведая ее, девушка вновь спустилась в служебные комнаты. В этот день она узнала многое и почти забыла о первородной Ирэне и ее садах. Пришло время ужина для старших слуг, и Мэллит пригласили за стол; девушка не чувствовала голода, но ела со всеми рагу и пила вино. Вкус его был странен, однако сидящие рядом объяснили, что напиток порожден рябиной – деревом с белыми цветами и красными, отвращающими зло ягодами. Мэллит кивала и улыбалась – ей нравилось сидеть у огня, слушая, о чем говорят старшие. Уходить не хотелось, звонок молчал, а рядом приятные люди судачили о дожде, о войне, о хозяйке...

– Она любит цветы, – поддержала разговор Мэллит, – она присылает их нам. Такие красивые.

– Она только их и любит, – сказала высокая и прямая, с толстой косой вокруг головы.

– Эмилия! – одернула старшая над женщинами. – Думай, что несешь!

– Да я не в укор. – Эмилия смотрела на Мэллит, будто желая сказать больше, чем могла. – Такой доли злему врагу не пожелаешь, только вдовой ей лучше. Она ведь замуж как в Багерлее шла, уж я-то знаю, на моих глазах слаживали.

– Знаешь, так молчи! – оборвала старшая. – Долг свой госпожа справляет – дай Создатель каждому, а что невеселая, так не всем козами скакать.

– А... – начала Мэллит и все повернулись к ней. – Госпожа графиня сказала, что ваш хозяин утонул. Он упал в воду?

– Может, и упал... – начала Эмилия, поймала очередной недовольный взгляд и забила себе рот сладким пирогом.

– Хозяин решили пойти гулять и никому не сказали, – объяснил дородный и важный. – Они не любили быть слабыми, и заботу лишнюю не любили, а хозяйка... Она слушала не мужа, а лекаря. Правильно слушала, кто бы спорил, только кому понравится, что тебя за ручку водят, будто трехлетку какого?

– Деток у них не было, вот что, – вмешалась красивая и румяная. – Как детки пойдут, не до мужа станет.

– Ты это Свену своему скажи!

– Зачем говорить, он и так знает.

– Ну и дура! Муж, он всегда найдет, кто ему... пятки почешет. Жена не захочет, так свет велик.

– Ну, разболтались! – Еще один, когда-то рыжий, а теперь седой подлил Мэллит вина. – Это при барышне-то! Вы их, сударыня, не слушайте. Юбки длинные, языки тоже, а в головах, прошу простить, небогато.

– Это у...

– Тпру, болтушки! Я госпожу Ирэну с рождения знаю, только и расставались, когда в Борн на год отъезжали. Неласковая она, что да, то да, но себя не уронит. Нет, не уронит... Господин ваш знал, чего хотел. Три года вокруг ходил, ну и выходил.

– А уж приданое! – засмеялся кто-то возле печки. – И Заката никакого с таким приданым не нужно!

– Тпру, вам сказано! – повысил голос дородный. – Барышня про графа спрашивали. Погулять они вышли, в нижний сад. Дурное это место, я так скажу, и всегда дурным было. Лучше б его за стенами оставили, да заблажилось, вишь, игрушку там устроить. Каприз, чтобы всё как на югах. Ну и сделали. Путаницу водяную, а в середке, где прежде зачатый колодец был, – пруд. Никто туда, барышня, не ходит, ну и вы не ходите.

Мэллит кивнула. Она уже видела то, что скрывали от гостей, видела и слышала.

– Господина в канале нашли. – Старшая поджала губы, как поджимала их мудрая Ракелли, говоря о том, что ей не нравилось. – То ли сомлел, то ли поскользнулся. Глубоко там, дно скользкое, здоровый – и тот сам не вылезет. Позапрошлой осенью Анни вот утянуло... А место в самом деле худое, нечего было расковыривать, тут Губерт правильно говорит.

– Нечего, – шепотом повторила Эмилия. – Нечего...

2

Если женщина принимается сводничать хотя бы в мыслях, значит, она преисполнена доброжелательства. Графиня Савиньяк успела примерить вдове дурака Арамоны с пяток отличных женихов, толком не подошел ни один, но само занятие было приятным, как и неспешные, скрашивающие ожидание разговоры. Луиза вышивала, с детства не терпевшая рукоделия Арлетта, прихлебывая остывающий шадди, расспрашивала про выходцев, и тут явился живехонький адъютант. Регент извинялся и очень просил прийти, причем срочно.

– Обидно, если капитан Гастаки заглянет именно сейчас, – посетовала графиня.

Капитанша пообещала задержать покойницу, буде та появится, и принялась вдевать в иголку нитку. Стань фок Варзов помладше и поздоровей, такие волосы и такая невозмутимость могли бы его увлечь, только дело вряд ли сладилось бы. Уж больно упорно вдовица именует Росио «герцогом Алва», это явно неспроста, особенно на фоне просто Манриков, просто Колиньяров и просто бедняги Фердинанда с просто регентом.

Странности титулования роднили скромную капитаншу с принцессами Оллар – Георгия и Карла в ранней юности вздыхали по маркизу Эр-При. Сестры старались не показывать виду, но королева все равно заметила, а черноокий Морис заметил Жозину Ариго. При дворе шептались, что ее величество недовольна, однако маркиз как-то умудрился добиться отцовского благословения, зато потом не перечил батюшке ни в чем. Арно было проще: он уже стал главой семьи и никого не спрашивал, если кто и колебался, то Рафиано. Слишком рано, слишком стремительно, слишком близко к собрано Алваро...

К регенту преисполнившаяся воспоминаний графиня вошла, предполагая что угодно, но не встречу с весьма привлекательным молодым человеком. Окажись парень постарше, впору было б заподозрить... красивое.

– Сударыня, – представил регент, – перед вами Руперт, граф фок Фельсенбург. В будущем он обещает стать одноименным герцогом. Если его предварительно не зарежут.

– Очень приятно. – Племянницу Готфрида собрано Алваро столь близко, гм, знать не мог. – Я о вас слышала.

– Я имею честь быть знакомым с вашим сыном.

– Старшим или младшим? – Рудольфу нужно что-то проверить, но почему ночью?

– Я был секундантом виконта Сэ во время его дуэли с герцогом Приддом. – Как и положено знатному «гусаку», на талиг парень изъяснялся безупречно. Талигойский молодняк подобного усердия в изучении вражеских языков не проявлял. – Мы с виконтом... сошлись в оценке старых и новых поэтов.

– Не сказала бы, что упомянутый вами поединок моего сына украшает, – с сомнением произнесла Арлетта, – но поэтический вкус у Арно есть. Кстати, они с Приддом помирились, перед крупными сражениями подобное случается.

– Я удивлен, но я не знаю всех обстоятельств. Сударыня, я искренне надеюсь, что виконт Сэ вернется к вам целым и невредимым.

– Хотелось бы.

Говорить о малыше при Рудольфе она не станет. Тем более с дриксенцем, как бы он ни напоминал молоденького Рокэ.

– Как здоровье вашего адмирала?

– Благодарю вас. – Фельсенбург наклонил голову. – Адмирал цур зее Кальдмеер вполне здоров.

Вопрос графу не понравился, но почему? Обычная вежливость требует обмена любезностями, не о брошенной же ради опального начальника родне спрашивать!

Арлетта сощурилась. При ближайшем рассмотрении Фельсенбург меньше напоминал собрано, казался чуть старше и еще красивей, правда, на северянина не походил совершенно. Впрочем, это дело герцогинь фок Фельсенбург.

– Вы приехали быстрее, чем я думала.

– Рамон узнал об убийстве принца Фридриха, – объяснил от окна Рудольф. – Он здраво рассудил, что родич покойного кесаря в случае перемирия пригодится обеим сторонам. Я склонен с этим согласиться, а граф готов с рассветом выехать к Проэмператору Севера и Северо-Запада. Лучше не медлить, но у вас наверняка есть вопросы. Наш гость покинул Эйрехт в третий день Летних Волн, тогда на первый взгляд все обстояло благополучно. Шадди?

– С корицей.

До недавнего времени к законности всяческих потомков графиня относилась с полным равнодушием. История с Жермоном превратила ее в комок злобы, но этот Руперт наверняка был честным герцогским сыном, да и не поданным Олларов выискивать чужих бастардов!

– Господин Фельсенбург, мой вопрос может вас удивить, но не видели ли вы над Эйрехтом зеленого сияния?

– Нет. – Молодой человек и не подумал удивиться; он вообще держался серьезно, только вот светлые глаза отчего-то казались шалыми. – Но я могу ручаться лишь за небольшую часть города.

– В столице Дриксен должны быть обители всех орденов, не считая кардинальского подворья и монастырей во имя святых. Вам не доводилось слышать о призрачных монахах...

– О выходцах и их королеве...

– Об оказавшихся неправильными гороскопах...

– Об...

Будущий герцог отвечал четко и по существу, правда, собственную столицу он знал не слишком хорошо, но это как раз не удивляло. Выросший в отцовских владениях моряк не может помнить всех церквей, а старыми сказками Руперт интересовался не больше Эмиля с Арно. Фельсенбург порадовал лишь призраком юного дурня, убившего себя под окнами добро-

детельной замужней дамы, и странным привидением, меняющим, если так можно выразиться, свои привязанности.

– Добрая Лорхен, – объяснял дриксенец, – ищет себе знатную подругу. Она бродит по городу, подслушивает под окнами и выискивает самую прекрасную девушку. Сама она решить не может и поэтому верит молве. Выбрав, Лорхен поселяется в доме своей избранницы и пытается с ней подружиться, только у нее не получается. Не встретив взаимности, призрак обижается и хочет отомстить, но может лишь бродить по комнатам в ожидании, когда ненавистная смертная состарится и утратит красоту. Тогда Лорхен ликует, чувствует себя отмщенной и тут же вновь отправляется на поиски.

– И как долго это продолжается? – спросила Арлетта, понимая, что ее фантазии на подобное не хватило бы. Даже после визита набивавшихся в друзья Колинъяров.

– Очень долго, – наморщил лоб Фельсенбург. – Дриксен еще не была кесарией... Если избранница уезжает из Эйнрехта, Лорхен следует за ней, но всегда возвращается в столицу.

– То есть она все же привязана к месту?

– Понимаете, сударыня, призрак никогда не выбирает простых девиц, только аристократок, а им приходится бывать при дворе. Вроде бы при жизни Лорхен хотела попасть в ратушу на ежегодный Рассветный бал, но ей не хватало знатности. Девушка принялась искать подругу, которая могла ее провести, и нашла, но та почему-то на бал не поехала. Лорхен обиделась и убила ее, за что и была казнена.

– Какая милая особа... – заметила Арлетта, понимая, что секундант Арно ей положительно нравится. – Вам доводилось видеть эту Лорхен?

– Не только видеть. Лорхен пахнет розами и гнилой водой, запах держится очень долго. Я это знаю, потому что призрак тридцать восемь лет преследовал мою бабушку.

Эйнрехтская Лорхен стоила кабитэлского Валтазара, но к недавним погромам отношения явно не имела. Разве что новые лорхен бросились бить тех, кто им чего-то недодал, начиная с регента и его принцессы.

– Руперт, – не выдержала графиня, – вы ведь позволите мне вас так называть? Эта Лорхен, часом, не прицепилась к принцессе Гудрун?

– Нет. Видите ли, лет двадцать назад призрак выбрал мою будущую тетку, невесту Штеффана фок Штарквинда, и пока не может ее оставить...

Разговор продолжался еще часа два, однако полезного принес мало. Эйнрехт не только взбесился иначе, чем Оллария, в нем и предпосылок-то никаких не имелось, разве что Руперту иногда становилось противно. Парень объяснял это судебными подлостями, и, вполне возможно, так оно и было.

– Я хотел, чтобы вы его выслушали сами, – признался Рудольф, когда выпотрошенный дриксенец отправился восвояси. – Не скажу, что я перестал себе доверять, но Лионель со своей девицей ощипали меня изрядно, гадать, не старый ли ты болван, еще то удовольствие. Спасибо, Талиг не на одном гвозде держится, случись что – переживет. Умирать меня, правда, пока не тянет.

– Ли в ловле вашего бесноватого не участвовал. – Арлетта взялась за очередную чашку шадди и, как всегда, вспомнила Левия. – Девушка придумала все сама, она вообще со странностями. В городах таких почти не бывает, а в деревнях случаются, особенно поближе к Алату.

– Не могу не верить матери господаря Сакаци. – Рудольф все же улыбнулся. – Вы полаете, почувствовать, что тебя в твою слепоту не маршал носом ткнул, а девчонка, приятней?

– Для вас вряд ли новость, что дети порой идут дальше нас. Отдавая маршальскую перевязь Рокэ, вы не могли об этом не думать.

– Я собирался спокойно пожить хотя бы лет двадцать. – Ноймаринен красноречиво потер спину. – Кто бы знал, что Двадцатилетняя война и даже Алисино засилье покажутся золотым веком. Ну, не золотым, серебряным... Что там у вас такое?

– Монсеньор, прошу меня простить...

Мявшийся у двери адъютант выглядел озадаченным.

– Не мямли!

– Монсеньор, корнет Понси стоит на чердачном балконе и обещает прыгнуть с него, если его не отпустят в действующую армию.

– Он тепло одет? – уточнила Арлетта, вспомнив блестевший на траве иней.

– В парадном мундире.

– Скоро спустится, – предрекла графиня. – Замерзнет и спустится.

– Несомненно. – Глаза регента блеснули. – Подготовьте-ка приказ о переводе корнета Понси в распоряжение маршала Лионеля Савиньяка и отправьте одного корнета вместе с Фельсбурггом. Вот так-то, сударыня!

– А вы мстительны, – заметила Арлетта, когда адъютант, с трудом сдерживая смех, метнулся к двери. – Осталось понять, кому вы мстите. Не хотелось бы, чтобы девушке.

– Никому. Я всего-навсего вспомнил молодость... Лаик, нарианский лист, завязанные штанины и святую уверенность, что все как-нибудь да образуется. Мы ведь тоже умели шутить, Арлетта, мы знали всё и считали себя не то чтобы бессмертными... Просто смерти для нас не существовало, а впереди была сплошная скачка за радостью. Вам не смешно?

– Нет, – улыбнулась Арлетта. – Мне спокойно. По крайней мере, за вас.

3

Лиловые, белые, медно-красные лепестки закручивались внутрь, пытаясь удержать капли. Цветы напоминали огромных пауков, и Мэллит их почти боялась, но все равно разбирала и ставила в воду. Высокие серебряные вазы с гербами напоминали о повелевавшем Волнами – из его рук Мэллит без страха приняла бы любой дар, а вот первородной Ирэне девушка не доверяла. Особенно после разговоров со слугами. Зачем хозяин замка отправился в место, где его супруга сбрасывает лед сердца, будто одежду? Гоганни помнила дорожки, разделенные тростниками: там не было скользко, и путь не изобиловал камнями. Отчего граф упал в канал? Чего хочет графиня? Почему сегодня она пришла сама?

– Мелхен, – велела нареченная Юлианой, глядя на букеты, – рыжий поставь в гостиной, мы сейчас туда перейдем, и сходи погуляй... Нет, дождь же! Пойди покажи здешним бедолагам, как готовят мучной соус. Ирэна, милочка, это настоящее объедение. Курт успел попробовать, ему так понравилось!

– Я уже имела возможность убедиться в даре вашей дочери. – Серебряные глаза, серебряный голос и рожденный из них страх. – Все, к чему Мелхен прикасается, раскрывает лучшее, что в нем заложено. Дичь, цветы, люди... Мне остается лишь завидовать.

– Да, – губы роскошной коснулись лба Мэллит, – она у меня чудо. Ну, девочка, беги.

Гоганни кивнула и выскользнула в гостиную. Она успела передвинуть винный столик в нише и развернуть кресла спинками к дверце для слуг. Названная Юлианой решила уединиться с первородной, только Мэллит не могла этого допустить. Причинить вред так просто – обвившийся вокруг чаши зла всегда найдет способ ужалить.

– Мелхен, – укорила с порога спальни роскошная, – я ведь тебе говорила. Девушкам нельзя таскать тяжести, для этого есть мужчины и те, кому уже не нужно рожать. Конечно, так нам удобнее, но будущими детьми рисковать нельзя. Ты поняла?

– Да, – завершила гоганни и сделала зауценный во дворце книксен. – Я иду.

Дверь за собой девушка не закрыла нарочно. Сбегая по лестнице, она слышала голоса, а в гостиной слышала ее – Мэллит держалась ближе к стене, чтобы ковер не глушил цокот каблуков. Она уходит, как ей и велели... Уходит вниз, где к Мелхен привыкли и где между вторым завтраком и обедом слишком заняты, чтобы замечать что-то кроме разделочных досок.

Надзирающий над кухнями не позволяет отлынивать, он видит все, но зачем Мелхен скрываться? Она спустилась за фруктами и желает сократить обратный путь. Она попросит открыть дверь на лестницу для слуг, и ей откроют, как не раз уже открывали.

...Яблоки и сливы гоганни выбирала не таясь, однако хлебный нож пришлось украсть. Узкий и длинный, он откроет изнутри щеколду; о другом его применении девушка старалась не думать, хотя знала, куда нанесет удар, если придется спасать доверившуюся.

– Мне нужно подняться в нашу гостиную, – сказала Мэллит, и голос ее не дрогнул. Надзирающий над кухнями улыбнулся и снял с пояса связку ключей. – Я не вернусь до ужина.

За спиной скрипнул, поворачиваясь в замке, ключ. Узкая лестница обвивала дымоход, но большие печи пока не топили. Корзину девушка оставила на верхней ступеньке и склонилась к двери; нож легко поддел щеколду, а петли в Озерном замке купались в масле. Оставалось выскользнуть в нишу, где на столике золотились утренние цветы, еще живые, уже убитые. Шитая серебром скатерть приподнялась и вновь опала тяжелыми складками, кошка и та произвела бы больше шума. Гоганни прижала руку к груди, унимая сердцебиение, и свернулась калачиком на полу. Из своего укрытия она видела две пары ног и слышала два голоса, все еще говоривших об осени.

– ...я привыкла к дождям, – отвечала нареченная Ирэной, – но эта осень в самом деле выдалась слишком ранней.

– Хватит, – велела роскошная, и Мэллит под столом сжала рукоятку ножа. – Хватит себя хоронить. Ты здорова и еще достаточно молода, чтобы выйти замуж и завести детей.

– Странно слышать такое от вас. – Ровный голос первородной напоминал холодный дождь, не слишком сильный, но нескончаемый.

– Будь твоя мать жива, с тобой говорила бы она. У меня, милая, восьмеро, и в твоём доме родится девятый, я была с Куртом двадцать четыре года. Мы встретились в Гюнне в мою вторую девичью осень...

О первой встрече и пирожках Мэллит слышала много раз, но слышала ли это хозяйка замка? Первородная не перебивала, ее голос раздался, лишь когда рассказ о начале счастья иссяк.

– Приятно убедиться, что любовь с первого взгляда существует. – Дождь не стал ни сильнее, ни тише. – Мои родители, насколько я могу судить, тоже любили друг друга, но я мало знаю об их знакомстве. Я могу быть вам чем-нибудь полезна?

– Ты можешь быть полезна себе, если одумаешься. Мне придется написать твоему брату, он не должен тебя держать здесь.

– Это мой дом, госпожа баронесса, я не вправе его оставить, так же как и своих людей. Принимая предложение наследника Вальков, я взяла на себя определенные обязательства, и я их исполню. Полагаю, ваш покойный супруг меня понял бы.

– Чтобы содержать замок в порядке, довольно толкового управляющего. Твой брат когонибудь пришлет, а нет, я займусь этим сама. Караулить пустую нору – что может быть глупее?

– Простите, баронесса, это мое дело.

– Чушь! Ты не любила мужа и не хотела от него детей. Ты много чего насажала, рука у тебя в самом деле легкая – заставить алатскую ветропляску цвести в здешних краях надо суметь. И что, никто не сказал твоему мужу, что это за дрянь?

– Пусть о зельях думают медики, мне нравятся цветы эвро алатики, этого довольно.

– Твой врач считает тебя здоровой. Он не болтун, но и не лжец. О бесплодии нет и речи, только о нежелании. Я уже все сказала, теперь иди и думай. Твой брат – умный мальчик, а женщины умнеют быстрее мужчин. Будь ты дурочкой, я говорила бы не с тобой, хотя такие, как ты, лучше понимают, когда им объясняют мужчины.

– Вы ошибаетесь, сударыня, я не только не понимаю мужчин, я не желаю их понимать. Наш разговор беспредметен, и я хочу прекратить его раз и навсегда. Я останусь в Альт-Вель-

дере столько, сколько этого потребует мой долг, и я не намерена связывать себя браком с кем бы то ни было. Валентина я ценю и искренне за него рада. Ему удалось порвать с прошлым, надеюсь, он добьется многого и поможет нашим младшим братьям. Я не позволю ему оглядываться. Прошу меня простить.

Мэллит слышала, как шуршит платье. Шаги первородной были легки, но неспешны. Дверь открылась и закрылась, стук каблуков утонул в похомом на мох ковре, и вновь с ветром заговорил дождь; он рассказывал о чем-то плохом и неотвратимом, ветер то слушал, то принимался издевательски свистеть. Роскошная не шевелилась, и гоганни, встревожившись, вылезла из-под стола.

– Откуда ты взялась? – спросила нареченная Юлианой, и Мэллит не стала лгать.

– Я поднялась из кухонь, – объяснила она. – Я сказала, что несу фрукты, и велела отпереть нижнюю дверь для слуг. Верхнюю я открыла сама и спряталась под столом. Графиня полна зла, она может быть вредоносна.

– Глупости какие... – махнула рукой овдовевшая. – Ирэна вовремя не родила и вбила себе в голову кучу ерунды, но вреда в том никакого. Разве что для нее самой. Я напишу Придду, пусть вытащит сестру из этого рыбного садка и увезет к людям. Курт так и сделал бы.

– Здесь много зла, – не отступила Мэллит, – и в доме, и в парках. Там был нехороший колодец, его засыпали, но беда не ушла.

– Ты опять? – Роскошная положила руку на живот и улыбнулась. – Ну что бы тебе в самом деле не принести фруктов? Не хочется тебя лишний раз гонять...

– Я принесла яблоки и сливы. Я оставила их на лестнице.

– Умница! Ты всегда знаешь, что мне нужно, только перестань искать змею в молоке. Ее там нет и никогда не было.

Мэллит промолчала. Она забыла сказать про хлебный нож и теперь могла оставить его себе.

Глава 5

Сагранна. Бакрия Гайифа. Ханья

400 год К. С. 13-й день Осенних Скал

1

– Гайифцы бросили-таки Хаммаила. – Маршал Дьегаррон поморщился, похоже, у бедняги опять болела голова. – Десять дней назад павлиний корпус двинулся домой, сейчас как раз должен переходить границу.

– Благая весть, – одобрил Бонифаций. Рядом с худющим кэналлийцем супруг выглядел особенно жизнеутверждающе, но жрать поменьше ему бы не помешало. – И что Хаммаил? Возрыдал и отпустил? Не верю.

– И правильно, что не верите.

Дьегаррон опять поморщился, Матильде показалось, что брезгливо.

– Так что же сотворил сей муж непотребный? – уточнил Бонифаций, озирая уже накрытый, но пока лишенный главного стол. – Лобызал копыта Капрасова коня или веревочку поперек дороги натянул?

– Это было бы слишком честно. – Маркиз поправил стоящие в глиняном кувшине цветы, свеженькие, еще в прозрачных каплях. – Хаммаил выдвинул большую часть имевшихся у него сил наперерез Капрасу, но сам остался в своей резиденции. Дескать, он ни при чем, это у казаронов душа не вынесла гайифского предательства. Глупо, но с отчаяния чего не сделаешь...

– Глупо, – вмешалась в разговор принцесса, понимая, что Альдо тоже бросили бы. Другое дело, что внук не преминул бы угостить наладившегося домой союзника сонным камнем. – Помри внезапно этот Капрас, можно было бы купить его офицеров или хотя бы попытаться купить, а так что? Корпус начинает марш домой, его не пускают, а Лисенку того и надо.

– Истину глаголешь, – подтвердил муженек и отпихнул вознамерившегося поднять корзину с бутылками хозяина. – При твоей голове кланяться, хоть бы и наисвятейшему, последнее дело! Ходи так, будто корону уронить боишься... Так что там Адгемарово семя?

– Оказии Баата не упустил. На следующий же день, точнее – в ночь после ухода верных Хаммаилу казаронов резиденцию атаковали бириссцы. – Голос Дьегаррона был безрадостно ровен, и Матильде захотелось маршала расцеловать. Отнюдь не по-матерински. – Нападающих хватило, чтобы смять охрану и ворваться во дворец.

– Создатель любит не тратающих время попусту, Враг тоже. Лишь зад свой от земли не отъемлющий никому не угоден.

Бонифаций ловко откупоривал вино и расставлял бутылки между блюд. Смиренно ждущих своей участи рыбин и птиц украшали наверхенные из овощей цветы, вызывая в памяти самый мерзкий из виденных алаткой снов. Матильда протянула руку, вырвала из щучьей пасти рыжую морковную розу и вышвырнула в открытое окно. В ответ на два недоуменных мужских взгляда ее высочество выкинула луковую лилию.

– Агарисом повеяло, – чуть смущенно фыркнула она. – Там вечно так... Прежде чем сожрать – розу в зубы. Бумажную.

– Еретики и сквернавцы, – поддержал муж. – Договаривай, чадо. Бириссцы сии немалым числом не просто просочились на чужие земли, но и к самому казарскому обиталищу подобрались. На то время нужно – раз, и свои люди в Гурпо – два.

– Лисенок загодя готовился, – бросила, борясь с дурацкой злостью, Матильда, – чего уж там... А Хаммаиловых дружков купить вряд ли трудно.

Умный покупает и продает другому умному, это дурак – товар, что бы он о себе ни воображал. Внука тоже бы купили, не у Эпинэ, так у какой-нибудь сволочи вроде Хогберда... Правда, поганец оказался слишком умен даже для такой сделки, он просто не полез в ловушку. Хоть бы его мориски прирезали, борова пегого!

– Да ты, горлица моя, никак недовольна? – прогудел начинающий раздражать Бонифаций. – А для чего мы с тобой по горам скакали, как не для того, чтоб Лисенок, себе угождая, о Талиге радел?

– Противно, когда королевские головы как капустные кочаны покупают!

Принцесса перевела взгляд на Дьегаррона, который хотя бы не светился от радости. Смотреть на маркиза вообще было приятно, Матильде с детства нравились мужчины, напоминавшие хищных птиц. А выскочила первый раз за фазана, второй – за кабана.

Маркиз взгляд выдержал, только чуть шире открыл глаза, большие, по ложке каждый.

– Не думаю, что Хаммаил достоин вашего сожаления, – покачал он больной головой. – Я располагаю лишь слухами, но они очень похожи на правду. Вроде бы казарская охрана сложила оружие, поняв, что ее обманули. Люди слышали, как Хаммаил кричал: «Все на стены, и я за вами, мы отобьемся или умрем!» Однако на стенах его не дождались. Потайной ход, обычное дело... Пусть наша война, сударыня, еще не стала вашей, но в Алате подобное вряд ли прощают.

– Еще чего не хватало! – отрезала урожденная Мекчеи. – С трусами у нас разговор короткий.

С трусами – да, а с твоим собственным братцем? На охоте Альберт от кабанов с медведями не шархался, а вот от врагов, заявись те под стены? Хотя великий герцог Алати всяко успел бы между собой и врагами кого-нибудь сунуть.

– Уподобившись зайцу, сюзерен становится вровень с капустой, – вздохнул Дьегаррон, – причем гнилой. Мерзавец попробует такую продать, человек порядочный выбросит и вымоет руки. Среди оставшихся с Хаммаилом, похоже, были и те и другие.

– Готова поклясться, – буркнула, все еще размышляя о братце, Матильда, – ход, которым удирал казар, оказался не таким уж и потайным.

– О подробностях и сам Лисенок, и те из его людей, кто все знает, пока молчат, но – это известно точно – Хаммаил убит вместе с супругой, наследниками и ближайшей родней.

– Ваш Лисенок охотиться умеет, – с чувством произнесла алатка. – Обложил соперника по всем правилам, выкурил из норы, тот на засаду сам и выскочил.

– Да, ваше высочество. – Может, коварство теперь уже единственного казара кэналлийцу и не нравилось, но тщательность проработки плана он оценил высоко. – Баата показал себя умным и решительным.

– Мы же, – проревело из-за спины, – памятуя о планах богоданного нашего регента, должны встретиться с сим хищником, мелким, но полезным благому делу.

– Баата жаждет того же, – обрадовал Дьегаррон. – По его словам, пришли важные новости из Паоны, а это повод для заверений в дружбе. О своей роли в исходе Капраса из Кагеты хитрец вряд ли станет распространяться, но то, что гайифцы прошли через владения Бааты чуть ли не под хозяйской охраной, требует объяснений. Казар намерен их предоставить прежде, чем мы его спросим, да и гайифские весты у него должны быть настоящими. Этот человек, насколько я мог понять, лжет не больше, чем требуется.

– Но потребности его велики, так что гляди в оба. А что еретик злокозненный? Так небеса кагетские и коптит или убрался?

– Кардинал Серапион все в том же монастыре, куда он... удалился, узнав о морисском нашествии. Ходят слухи, что несколько придворных решили искать спасения у кардинала, но им даже не открыли ворот.

– Ничего, в Закат всех пустят. И Серапиона, и подлипал Хаммаиловых, ты мне вот что скажи, братья-то наши меньшие как? Все мстят сквернавцам за варастийское разорение?

– Коннер доносит о трех набегах на Кипару и двух на Кирку. Отпора не было нигде. Я начинаю опасаться, что легкость успеха и отсутствие потерь сделают бакранов беспечными.

– Так придержи, а сквернавцам имперским поделом, ибо несть числа их прегрешениям! Ладно... Вино продышалось, тайны кончились, брюхо светло, пора вкушать. Зови своих соратников, и начнем благословясь.

Дьегаррон вырвал у форелины помилованный Матильдой свекольный цветок и исчез, теперь на столе остались лишь дикие мальвы в глиняных кувшинах. Живые, даже в росе... Неужели кэналлиец собирал их сам? Неужели для чужой жены?! Матильда потянулась к букету, выбрала темно-красный цветок, пристроила на все еще отменной груди и покосилась на супруга.

– Одобряю, – возвестил тот, хотя его никто не спрашивал. – А теперь изволь занять место свое за столом сим.

Женщина хмыкнула, но послушалась, после чего пришлось хмыкнуть еще раз – Бонифаций уселся рядом, причем таким образом, что разглядеть из-за него хозяина можно было, лишь улегшись в тарелку. Это развеселило окончательно, и Матильда вдруг почувствовала себя Матишкой – верткой, смешливой, знающей толк в каверзах и подначках.

– Хорхе, – поинтересовалась сакацкая язва, когда два полковника, генерал-адун и верный Хавьер устроились за маршальским столом, – все забываю спросить, гитару вам вернули?

– Да, ваше высочество, – подтвердил из-за мужнина брюха Дьегаррон, – сразу же.

– Я хочу послушать! – объявила Матишка и засмеялась, как смеялась в пятнадцать лет, когда они с Фереком бегали за ежевикой.

2

Приличные командующие в походах богатеют, однако Капрас явно к таковым не относился. Добычи по понятным причинам не имелось, Хаммаил платить не стал, и бросивший казара на Каракисов маршал не счел себя вправе настаивать. Присланных Лисенком взятки с трудом хватило на нужды корпуса, зато на загорбке прочно обосновался Пургат. Настырный казарон вопил, ругался, требовал уважения и не желал понимать, что гайифцы не обязаны с ним нянчиться. Ламброс с Агасом советовали гнать придурка в шею, но для этого Карло слишком чувствовал себя предателем. Не перед Хаммаилом – перед помертвевшим Курподаем и не просыхающей от слез Гирени. Малышка не усомнилась в том, что она казарской крови, и... наотрез отказалась переходить на попечение новоявленного «братца».

Капрас уговаривал, кричал, целовал – не помогало ничего, кагетка лила слезы, как хороший фонтан, и твердила: «Хачу с тобой!» В конце концов маршал сдался. Гирени просияла, захлопала было в ладоши, но тут же позеленела и, зажимая рот, выскочила прочь, оставив будущего отца проклинать свою уступчивость. Вечером Карло написал Баате, через неделю получил ответ с завереньями в готовности принять «сестру» и «племянника», как только это потребует, а на следующий день уходящий корпус настигли дальние родичи Антиссы. Умники исхитрились проскочить под самым носом у бириссцев. Карло нисколько не удивился бы, узнав, что Лисенок выпустил гайифцев нарочно, но беглецам подобное в голову не приходило, они почти свихнулись от пережитого страха. О казарской семье любящие родственники даже не вспомнили, их заботило одно – добраться до Гайифы, а точнее, до Кипары. Туда, где идет война, Каракисы не хотели, зато им требовалась охрана. Днем и ночью.

– Блохи сучьи! – шипел рвущийся в бой Ламброс. – Такие в задницу и заводят. Поперлись в Багряные земли, раздражили морисков, а теперь – бежать...

– Не могу не согласиться, – вторил Агас. – Вторжения следовало ожидать, но когда это Коллегия в последний раз занималась делом? Вот виноватых искать – это по ним.

Капрас угрюмо отмалчивался. Дотаптывать проигравших не давало воспоминание о собственном возвращении из Фельпа, зато о встрече с Забардзакисом маршал мечтал все более рьяно, он даже придумал небольшую речь, предназначенную высшим воинским чинам. Речь не отличалась куртуазностью и зверски нарушала субординацию, но Капрасу она нравилась. Не сложилось.

Корпус был в дневном переходе от границы, когда свеженькая порция Каракисов принесла весть о том, что Доверенный стратег его императорского величества больше не составит ни единого циркуляра. Ну, и о прочих столичных радостях.

Удравшие из бушующей Паоны лягушки собирались укрыться в Кагете, однако граница встретила слухами о смерти Хаммаила, и беглецы заматались. Они могли угодить в зубы «барсам» или просто разбойникам, но бестолочам повезло влететь в объятия одного из передовых дозоров корпуса.

Драгуны препроводили паонцев с их сундуками к своему полковнику, только старина Василис Каракисов не устроил. Поняв, что происходит, цацы потребовали встречи с командующим, на которой, сверкая орденами и фамильными кольцами, принялись страшить новой властью и убеждать повернуть. В ответ маршал злорадно сообщил, что поздно: Хаммаила нет, и всё, что он, Карло Капрас, может предложить дорогим соотечественникам, – это уцелевших родственников. Каракисы паонские увяли и немедленно устремились к Каракисам кагетским, надо полагать, решать, куда и за сколько уносить ноги.

– Мой маршал, – отчего-то шепотом произнес слышавший разговор Ламброс, – а вдруг новый император – как раз то, что нужно?!

– Хорошо бы, – кивнул маршал и распорядился выслать вперед отряды для разведки и поиска местных властей. Новости бодрили и дарили надежду, остатки сожалений о судьбе Хаммаила забились в дальний уголок сознания, где и уснули рядом с совестью. Карло ждал возвращения разведчиков и в ожидании тряс Агаса, но гвардеец свою обычную говорливость утратил.

– Я больше не знаю Ореста, – сказал он, когда раздраженный командующий стал требовать ответа. – Поверьте, лучше не знать императора, чем знать о нем не то, что нужно. Орест повел себя решительней, чем можно было надеяться, выходит, он не вмешался в... некоторые события не потому, что не мог, а потому, что не желал?

– Ты о своей ссылке? – в упор спросил Капрас.

– О том, что ей предшествовало. Меня сослали в Кипару, поскольку я вызвал одного скота – родича Каракисов, к слову сказать. Только вызвал я его, чтобы избежать ареста вместе с дедом по матери. Гвардейцы по-прежнему не могут свидетельствовать против своих соперников, а если ты не можешь свидетельствовать, ты не можешь и лжесвидетельствовать.

– Ты впутался в заговор? – в упор спросил маршал. – В какой?

Окажись поблизости бешеный огурец, Капрас с удовольствием наподдал бы его ногой, но в пределах досягаемости имелся лишь булыжник, пинать который было опрометчиво.

– Никаких шагов не предпринималось, – Левентис был сама сдержанность, – однако мы в самом деле ставили принца Ореста выше его братьев. Нам хотелось перемен, и мы не всегда держали языки на привязи.

– Дед по матери тоже не держал?

– Ему вменили в вину служебные злоупотребления.

Служебные злоупотребления можно вменить в вину всем, и чем выше пост, тем очевиднее провинности. Другое дело, что это повод, а причина одна – политика. Тесть старины Динаса проиграл и потерял почти все. Голова, впрочем, уцелела.

– Не хочешь напомнить о себе?

– Кому? Мой маршал, я рискую повториться, но я в самом деле не знаю Ореста. И мне не нравится, когда столицу Гайифы громят гайифцы же. Если новый император сумел справиться с мятежом в считанные часы, чего он ждал все это время? Чего он ждал, когда преследовали его сторонников, и кто ему помогает сейчас?

– Не все ли равно? – отмахнулся желавший не сомневаться, а радоваться Капрас. – Лишь бы дело делалось.

Агас не воевал, не считать же за войну стычку с дикарями на козлах! Теньент силен в интригах, иначе не сумел бы так легко и красиво вытащить своего маршала из казарской ловушки, но представить толпу солдат, разбитых, потерявших любимого командира, он не в состоянии. Орест дал парням Задаваки сорвать злость на тех, кто в самом деле виноват, и Карло императора не осуждал. Сунувшихся защищать Коллегию прикончили б и не заметили, зато теперь самое время выплеснуть оставшуюся злость на морисков. Ламброс думал так же.

– Только бы про нас не забыли! – беспокоился артиллерист. – В такой суматохе не корпус, армию потеряешь...

Не потеряли, доставленный губернаторской эстафетой указ подоспел к вечеру. Бравый курьер о том, что он везет, знал не больше своего чубарого, а новость была столь же радостной, сколь и неожиданной: под стенами столицы императорская армия одержала первую серьезную победу. Устав, разрешая зачитывать избранные места вслух, допускал показ запечатанных синим воском документов только лицам в генеральском чине, и Карло решил не рисковать.

– Датировано двадцать вторым днем Летних Молний, – маршал обвел глазами замерших офицеров. – Писали чиновники, все обычные обороты присутствуют. Сражение началось тринадцатого Летних Молний и закончилось на следующий день. Подступившие к самым стенам столицы вражеские войска были сначала остановлены у Белой Собаки, а затем и разгромлены. Язычники, понеся потери, бежали, угроза Четырежды Радужной Паоне снята, и это только начало.

– У Белой Собаки? – уточнил плохо знающий Паонику Ламброс.

– Я знаю этот пригород. – Карло оторвал глаза от бумаги. – Там на южной окраине можно неплохо обороняться, местность удобная. Далее... Нам предлагают *«возрадоваться победе и восхититься величием императора Сервиллия, Богоизбранного, Богохранимого, Богодарованного и Четырежды Богоугодного»*, так что сообщите своим людям, и через час прошу в мою палатку. По такому случаю мы просто обязаны выпить, но больше никаких задержек! Велено со всей возможной скоростью вести корпус к столице и по прибытии находиться в полной готовности. При этом мы должны исхитриться и набрать по дороге дополнительных рекрутов не менее чем на два пехотных полка, а также все необходимое для их содержания. С учетом времени года, расстояния и дорог нас ожидают в Паоне к середине Осенних Молний. Должны успеть.

3

Бонифаций уходил громко, будто кабан сквозь кусты ломился. По-хорошему надо было благолепно выплыть вслед за супругом, но Матильда продолжала попивать слишком кислое, на ее вкус, вино и слушать. А Дьегаррон, раздери его кошки, – играть. В ранней юности алатка на парней не заглядывалась, пока в ее пятнадцатую Золотую Ночку за дело не взялись скрипки, гитара в маршальских руках кружила голову не хуже. Бьющий по струнам кэналлиец казался незнакомым человеком – лихим, здоровым и при этом отрешенным. Он видел то, о

чем Матильда могла лишь гадать, вот она и нагадала горы. Не белоголовые и зубчатые, как Сагранна, а мягкие, округлые, то темные от елей, то пестрые от залитых солнцем луговых цветов. И пусть в этих лугах пасутся лошади, звенят монистами девчонки, а звездными ночами полыхают костры и смех обрывается счастливым стоном. Да будет счастлива молодость, хоть бы и чужая, и да пронесет ее через все пороги, не изломав и не испачкав...

– Что это было? – выдохнула алатка, когда кэналлиец прижал струны ладонью.

– Танец, – откликнулся маркиз. – Мы танцуем, когда уходит лето, и оно оборачивается на стук кастаньет.

– Так я и думала.

Принцесса залпом допила кислятину, внезапно показавшуюся терпкой, будто сакацкая рябина.

– Почему вы не женитесь?

– Зачем? У меня четверо братьев, у двоих уже есть сыновья. – Дьегаррон отложил гитару. – Наша кровь останется под солнцем и без меня.

– Допустим. – Матильда по-деревенски водрузила локти на стол. – Но неужели вам никогда не хотелось турнуть вашу свободу к кошкам?

– Хотелось. – Маршал знакомо поморщился, и вряд ли от боли. – Однажды я поторопился, потом стал опаздывать и опаздываю до сих пор... Дора Матильда, я не люблю исповедоваться.

– Тогда пойте, – потребовала ее высочество, поскольку требовать поцелуя было стыдно. – У вас же все поют.

– Только те, у кого есть голос. – Длинные пальцы пробежали по струнам, точно ветер над лугом пронесся, и, слушая его, поднял голову рыжий осенний жеребец. – Мне не повезло...

Уличить Дьегаррона в несомненном вранье принцесса не успела – вернулся муженек. Воздвигшийся у распахнутой двери, он напоминал стог сена, в котором угнездилась немалая змея. Матильда усмехнулась и отодвинула тарелку.

– Кто пил мансай, тому кэналлийское кажется кислым... Маршал, я вам не верю, вы не можете не петь, но каждый имеет право на тайну. Благодарю за дивный вечер.

Она вышла, задев бедром и не подумавшего посторониться хряка, то есть кардинала и супруга. За спиной тенькнула струна, прозвучали удаляющиеся шаги – Дьегаррон уходил через другую дверь. Адюльтера не случилось, его бы всяко не вышло, но заявившийся Бонифаций был несусветно глуп. Матильда так и сказала.

– Ты болван, твое высокопреосвященство. Я живым мужьям не изменяю.

Супруг угрюмо сопел, но молчал. Умник имбирный! Мало кто выскакивает замуж на седьмом десятке, а уж те, кого при этом ревнуют, вообще наперечет. За такое стоит выпить чего-то приличного.

– Флягу, – протянула руку алатка. – Спугнул песню, хоть касеры дай.

– Бражница и блудница! – припечатал Бонифаций, но флягу с пояса отцепил. – Не отравлено, ибо грех достойное питье губить.

– Вот-вот... Лучше зарезать. – Принцесса хватанула привычного пойла, привидевшийся рыжий конь фыркнул и умчался в призрачные горы. Очень может быть, что навсегда, очень может быть, что со всадником. – Ну нравится он мне!

– Увечные влекут глупые сердца прежде распутных.

Ревнивец отобрал флягу и присосался. Красой он не блистал, зато не был размазней. По крайней мере, до свадьбы.

– Вот и женился б на увечной! – отбрила алатка. – И дело бы благое сделал, и мне бы жили не мотал.

Они упоенно ругались, все ближе подходя к той грани, где перепалка перестает быть перцем и становится ядом, надо было прекращать, но Матильду почти понесло. У них с Дье-

гарроном ничего не вышло, но могло выйти, не испугайся она себя и зеркала, а маршал – ее. Кэналиец стал бы последним, выбив из памяти ночь с Робером и полгода с Лаци, – не стал. Нарезал круги, рвал цветы, жалел и профукал, да и она хороша, брыкалась, как мориска, а ее раз – и в стойло. Для ее же блага, в Сагранне это стало ясно, а тут опять... маркиз. С мальвами, ведь сам же собирал! Сам!

– А ну, ответствуй, бражница! – взревел Бонифаций, плюхаясь на застеленное яркими кагетскими покрывалами ложе. – Состояла ль ты в греховной связи с агарисским еретиком?!

– С кем, с кем? – нахмурилась принцесса. – У меня, чтоб ты знал, все, кроме Лаци и шада, были агарисскими, а еретик один ты!

– Ох, глупа, – Бонифаций свел свои бровищи, – хоть и красой обильна, ну да в том и спасение твое. Краса женская Создателю угодна, что б там ханжи серые ни плели, а потому быть тебе в Рассвете. И мне быть, ибо благочинен, да и муки кой-какие претерпел... Только торопиться в кущи нам не пристало, не все души спасены, не все зло повержено, Паона вон торчит пока.

– Беды-то, – отмахнулась Матильда, – все равно ведь сожрете! Хаммаила вот уже...

– Не мы его сожрали, но грехи его. Хороший человек по недосмотру ангельскому гибнет, и ангелы за то пороты бывают ветвями кипарисовыми. Поганцы же конец свой по воле Его находят, и чем быстрее, тем для них же лучше, не все пакости свершить успевают, а стало быть, и спроса меньше!

– Слышала уже. – Разнеси Альдо лошадь еще в Агарисе, сколько бы внук не успел натворить, но считать его смерть благом?! – Сорок раз слышала... Что за еретик тебе покоя не дает?

– Адриан твой безбожный. Чему ты с ним предавалась?

Предашься с таким, как же!

– Снам. Снам я предавалась, самым что ни на есть греховным.

– Верю. – Супружеского выдоха хватило б наполнить небольшой парус. – И отпускаю тебе тот грех, а теперь вспоминай, что говорил тебе ересиарх. Сдается мне, знал он немало, а кому и сказать, как не той, кого тело хочет, а душа от любви великой да глупой не позволяет. Налить?

Матильда молча протянула руку. Любви великой да глупой и впрямь хватало, но болтать Адриан не любил, зато спрашивать умел как никто. Они и познакомились, когда еще нестарый клирик с алым львом на плече явился узнать о Черной Алати.

– Охоту он искал. – Матильда зачем-то пригладила кудри. – Осеннюю... Только не повезло ему, а вот... Эпинэ ее встретил, потому и до Талига в одну ночь добрался.

Глава 6

Талиг. Западная Придда Тарма

400 год К. С. 13-й день Осенних Скал

1

Руппи вновь ехал по Талигу. Землями, которым следовало принадлежать кесарии, но увы... Наследные принцы в ожидании короны обещали друзьям и любовницам вышвырнуть наконец фрошеров за Выбору, принцы ненаследные намекали, что уж они бы это сделали наверняка, кесари... Кесари вели себя по-разному. Кто-то воевал, кто-то довольствовался тем, что имел, кто-то получал в наследство победы, кто-то – промахи.

Удачи первых месяцев Двадцатилетней пошли прахом, однако двинувший армии на юг Зигмунд упорно почитается великим. В отличие от вырвавшего, выхитрившего, выпросившего новый Золотой договор Ульбриха, ставшего Хмурым не от хорошей жизни. Унаследовав от отца поражение, кесарь не только сохранил Дриксен в целости, но и присоединил Северную Марагону, однако Хмурому упорно пеняют, что Южная досталась Талигу. Вернуть Марагону грозятся вторую сотню лет, именно «вернуть»... Сам Руппи сказал бы «заполучить», но он всего лишь натворивший дел лейтенант, сдуру признавшийся в своих художествах фельдмаршалу. Сейчас излишняя бравада вылезала боком – дерзостей Бруно не терпел, а Фельсенбургу старик был нужен в добром расположении духа.

То, что надо как можно быстрее договориться с фрошерами, чтобы, без опаски повернувшись к ним спиной, схватить Марге за горло, было для Руппи очевидно. Неочевидным выглядел выбор Бруно. Старый бык славился упрямством, и, самое главное, он почти выиграл кампанию, а бросать добытое немалым трудом обидно, особенно если тебе за шестьдесят и ты внезапно добился того, чего от тебя уже не ждали. Фельдмаршал никогда не ходил во всеобщих любимцах, вот в моряках Дриксен души не чаяла, и не это ли сейчас добивает Олафа?

Руппи силился выкинуть из головы последние месяцы – закусившее удила настоящее не позволяло оглядываться, – но почти чужой человек с Эсператией словно бы ехал рядом, пугая стронутыми лавинами и прочими прелестями, избежать которых можно лишь молясь и ни змея не делая. Зла и вины на тебе, сложившем руки и смирившемся, не будет, ну а те, кого твое недеяние угробит, упокоятся в Рассвете. Ежели праведны.

Фридрих праведным не был. Глупый, заносчивый, подлый, он не стоил и заупокойной свечки, только дело было отнюдь не в принце. Ноймаринен наследнику Фельсенбургов сказал немало, однако главное предпочел обойти. Руппи тоже смолчал о том, что если Марге поставит на войну с Талигом и окажет Южной армии серьезную помощь, та может «вождя всех вариантов» и признать. Сожалеть о Фридрихе после каданского конфуза ни Бруно, ни его вояки не станут, малолетний Ольгерд никому не нужен, а победа – вот она! Гельбе очищена, ключевые фрошерские крепости взяты, надо лишь удержать захваченное и тем доказать свои права на него. Марге может предложить именно это...

Драгунские кони взбивали дорожную пыль, деревни и постоялые дворы появлялись и исчезали за размалеванными осенью перелесками. Ведший отряд рослый молчаливый капитан спешил, до предела урезая ночевки, а днем ограничиваясь короткими привалами. Фельсенбурга гонка устраивала, он слишком устал от хексбергского безделья, чтобы плестись рысцой от корчмы до корчмы.

Лейтенант глядел на давно скошенные луга, пятнистых фрошерских коров и густые яблоневые сады. Разумеется, он предпочел бы слышать здесь родную речь и ради этого согласился бы признать новую власть... если б стал Рихардом, Максимилианом, капитаном Роткопфом и даже их генералом. Славным кавалеристам неведомо, что в Эйнрехт не пожелала войти ведьма. Это было весной, а на исходе лета гвардейцы растерзали женщину, на которую прежде молились.

Выкинуть из головы Гудрун Руппи не мог даже больше, чем Олафа. Если б он хотя бы не видел принцессу в библиотеке! Бедняга Мартин от фривольного зрелища обалдел, Руппи же умудрился запомнить всё. И теперь это «всё», пропади оно пропадом, стояло перед глазами! Фок Фельсенбург рывком осадил удивленную подобным обращением гнедуху, поджидая трусившего чуть позади слугу. Бывшего флагманского палача.

– Киппе!

– К вашим услугам, господин.

– Ты ведь слышал про Эйнрехт?

– Безобразия там, – с некоторым удивлением ответил палач. – Не знаешь, что и думать. Как выезжали, я с господином Клюгкатером прощаться ходил, так тот сказал, гвардейцы регента убили. Где же видано, чтобы такую особу, да без суда! Не к добру это.

– Не к добру, – подтвердил Руппи и рассказал, что узнал от фрошеров. Таскать проклятые подробности в себе больше не было сил, к тому же Киппе лейтенант мог не стесняться и не жалеть – палачи в обморок не падают и за Эсператию не хватаются. Фельсенбург сам не знал, чего ждет от своей откровенности, возможно, уверенный в том, что ничего особенного не произошло – казнь и казнь.

– Дурное дело. – Киппе осенил себя знаком. – С какой стороны ни глянь, дурное. Найти бы, кто сработал... Небось лекаришка, из гильдии выпертый, а то и вовсе сапожник!

– Какой еще лекаришка? – не понял Руппи. – Откуда?

– Не гвардейцы ж дратвой орудовали, куда им! Вспороть брюхо не штука, а вот зашить на скорую руку... Я б не взялся, и в «Благословенном списке»³ такого не значится. Нет, господин, одно дело на допросе работать или, когда все по закону, казнить, а другое – дикость свою тешить.

– А, вот ты о чем. – Ох уж эти мастера, о чем ни заговори, приплетут свое ремесло! – Да, добрый город Эйнрехт сам стал палачом.

– Извергом он, уж извините, стал, – тут же оскорбился мастер. – Наш брат что положено сделал, снасть отмыл и домой, к хозяйке. На мясниках и то грехов больше: коровки-овечки не грабят и не крамольничают, а их, бедных, под нож, только не о том мы говорим. Никто из наших без бумаги работать не станет, иначе не заметишь, как знак гильдейский положишь. И никакой отсебятины, только то, что в «Благословенном» значится. Там все расписано: когда – кнут, когда – дыба или там клещи. Случаются, конечно, голубчики, что в раж входят; бывает, и до мастеров дорастают, только из гильдии их рано или поздно гонят. Вы ж, прошу прощения, охотники? Псарню держите?

– Держим.

– Если пес охотничий дичь рвет, абы рвать, куда его?

– Я тебя понял. – Бракованные гончие, бракованные гвардейцы, бракованный лекарь или сапожник... С дратвой. – Хороший палач удовольствия от... работы не получает.

– Смотря какого, – оживился Киппе. – С того, что кто-то долго трепыхался, радости мало. А вот если что трудное без сучка и задоринки прошло, приятно, врать не буду. Взять хоть

³ «Благословенный список» – подтвержденный действующим кесарем и одобренный действующим кардиналом перечень допустимых к применению пыток и правила их применения. Нарушение во время допроса правил, изложенных в «Благословенном списке», каралось штрафом, отстранением от должности, церковным покаянием и тюремным заключением.

«Верную Звезду»... Времени в обрез, все спехом, в помощниках – еретики косорукие. Ничего, спасибо святому Гумбольдту, не оставил милостью. И то сказать, дело-то доброе, дезертиров да лжесвидетелей к Врагу в пасть спровадить. Или вот помню, я еще в учениках ходил, взяли одного душегуба. Мало того, что старуху порешил и ограбил, так еще и сестрицу ее слабоумную топором хватил, а та, упокой ее Рассвет, в тягости была. Свидетелей не нашлось, на нас с мастером только и надеялись. Ничего, управились, все выложил! А знак гильдейский я через благородного получил, что супругу задушил. Думал, изменяет она ему, а та чисто голубица была! Оклеветали бедняжку, ну а клевету злонамеренную доказать, кроме как через самоличное признание клеветника, никак нельзя. И ведь каким приличным казался...

– Значит, – прервал изливания Руппи, – ты за «Верную звезду» не в обиде?

– Да я-то что, вот эйнрехтские мастера, сударь, те вам теперь по гроб жизни обязаны. Наш брат, он тот же солдатик: что прикажут, то и делай. Вроде и грех на судьях, а все одно неприятно, когда безвинного-то... Что приговор облыжный, последняя мышшь понимала, а куда деваться? Бумага-то вот она! Господин Ключкатор говорит, болеет он, Ледяной наш?

– Болеет, – подтвердил Руппи, вспоминая прощание, холодное и острое, как осколок сосульки. С Бешеным повидаться напоследок не удалось, с увязавшимися в море за своим любимцем ведьмами – тоже. Первые хорны лейтенант вслушивался, не раздастся ли тихий хрустальный звон, потом перестал. Танцы кончились, начиналось что-то очень скверное. Фрошеры и гаунау это хотя бы понимали.

– Сударь, – окликнул Киппе, – глядите-ка, наш фрошер кого-то подцепил.

Один из ехавших впереди драгун возвращался в сопровождении некрупного всадника в черно-красном мундире и на *очень* хорошей лошади.

– Легкая кавалерия, – определил Руппи. – Нам говорили, что впереди идут «фульгаты» и сегодня к вечеру мы их догоним.

2

Мэтр Инголс похудел на пару поясных дырок, но в остальном остался прежним – вальяжным и при этом на редкость хитрым законником. Не столь сладостно-безликим, как проныры из Экстерриории, и все же слишком... округлым, чтобы вызывать нежность у вдовы маршала; Ли, впрочем, мэтра ценил высоко. Во всех смыслах.

– Полагаю, – весело приветствовала адвоката Арлетта, – мы оба взаимно возрадованы тому, что уцелели. За себя я, по крайней мере, ручаюсь. Узнав о вашем появлении, я ощутила то же, что вьючная лошадь, с которой сняли лишний выюк. Выпьем за это по бокалу и перейдем к делам. Вы что-то понимаете?

– Слишком общий вопрос, сударыня, – поморщился законник. – Что-то в чем-то я, само собой, понимаю, однако доля понимаемого, увы, много меньше, чем мне бы хотелось. Беседа, которой меня удостоил регент, способствовала утрате последних иллюзий в отношении нашего положения. К счастью, граф Савиньяк сумел изыскать средство, несколько отдаляющее угрозу, к несчастью – этого совершенно недостаточно.

Мэтр отпил присланной Рудольфом «Змеиной крови» и красноречиво вздохнул. Несколько лет назад он схлестнулся с супремом и был замечен тессорием. Манрик считал законника своим человеком, Ли неплохо этому человеку приплачивал, Придд... Арлетта не удивилась бы, узнав, что мятежный мэтр состоял в сговоре с бывшим начальником и имел от него дополнительный доход. Само собой, наичестнейший. Инголс приносил немалую пользу еще в блаженные доварастийские времена, когда же все пошло вразнос, оказался бесценен, однако доверять адвокату безоглядно мог разве что Ро.

– Значит, – сощурилась Арлетта, – вы согласны с выводами Лионеля?

– Если герцог Ноймаринен изложил их верно и в полном объеме, согласен, хотя определенные вопросы остаются.

– Я попробую ответить на некоторые из них, но сперва хотелось бы услышать, как прошло ваше путешествие. Я имею в виду исход Посольской палаты.

– Показания с чужих слов не слишком надежны. О многих обстоятельствах лучше спрашивать Глауберозе.

– Графа в Тарме нет, – напомнила Арлетта, – и будет ли он здесь, зависит от... *многих обстоятельств*.

– В том числе и от здоровья регента. Для человека с сердечной болезнью герцог выглядит неплохо.

– Болезнь удалось захватить в самом начале. – Сколь откровенен Ли с этим ходячим кодексом? Нужно было спросить, но о караване дипломатов как-то забылось. – Мэтр, когда я была в Лаике, мне посчастливилось узнать, что Посольская палата благополучно покинула Олларию, не более того. Можете мне поверить, важна любая подробность.

– Законники не верят, но признают обоснованность доводов, – попенял похудевший адвокат. – Я вел путевые заметки и готов их предоставить, но самое интересное, на мой взгляд, имело место непосредственно в день исхода. Можно считать доказанным, что бесноватость, хотя я надеюсь со временем подобрать для наблюдаемого явления более спокойное наименование, не зависит от пола, возраста, сословной принадлежности, подданства, рода занятий и, что особенно на мой взгляд важно, вероисповедания.

– Значит, господа дипломаты и их свиты... – Арлетта поднатужилась и родила достойную сестры экстерриора фразу, – проявили себя с самых разных сторон?

– О да, – оценил эвфемизм мэтр. – Сложности, сударыня, возникли у всех. Быстрее прочих привели свои дела в порядок гаунау, более или менее успешно справились алаты и, как это ни странно, кагеты. Дриксенцы, норуэгцы и урготы потеряли до трети, главным образом секретарей и личной прислуги. Гайифцы, каданцы, фельпцы, ардорцы, улаппцы и кир-риаццы разделились примерно пополам, причем Кадана и Улапп лишились послов, а Гайифа – советника, временно сменившего покойного Гамбрина, что наводит на определенные и уже никому не нужные размышления о возможных причинах кончины почтенного конхессера.

Агария, Бордон и Йерна проявили удивительное единодушие в помешательстве, причем нападение агарийцев на алатскую резиденцию стало последней каплей, вынудившей Глауберозе прибегнуть к принуждению. Карои со своими витязями, разрешив агарийское недоразумение, предпочел остаться в городе, с нами отправились лишь те, кто не мог держать саблю. Мне показалось, алаты испытывали неудержимое желание истреблять бесноватых. Остальные хотели либо бежать, как ваш покорный слуга, либо отсидеться, но Глауберозе вывел всех.

– Что делали с бесноватыми?

– Охрану и прислугу убивали на месте, дипломатов вязали. На следующий день они начали приходить в себя. Агарийский посол утверждал, что его опоили и поэтому он ничего не помнит. Он был убедителен, но мне удалось поймать его на лжи. Оснований признавать этого господина и иже с ним недееспособными я не вижу, они осознавали, что творят, в той же мере, в которой это осознают грабители или насильники.

– Постойте! Агарийцы и алаты ненавидят друг друга веками, но алатская ненависть горячее. Вы уверены, что начала Агария?

– Да. Но не уверен, что алаты рубили агарийцев.

– Простите?

– У меня создалось впечатление, что Карои и его люди не сводят старые счета, им было важно, что происходит *сегодня*. Иными словами, они истребляли не агарийцев, а бесноватых.

– Это Карои так сказал?

– Он объявил, что идет на помощь Эпинэ. На обоснованный вопрос Глауберозе, как уважаемый коллега думает отыскать Проэмперадора в сошедшем с ума городе, алат ответил, что это не составит большого труда. Замечу, что выглядел Карои уверенным, будто взявшая след собака.

– Мэтр Инголс, на что вы намекаете?

– Я всего лишь предлагаю вам сделать выводы, которые будет полезно сравнить с моими.

– Тогда я жду ваших заметок и в свою очередь прошу вас прочесть попавшие в мои руки документы. Первый омерзителен, но полезен, второй... Вы читаете по-гальтарски?

– Свободно.

– Значит, вам предстоит узнать некогда страшные тайны, – обрадовала графиня, не извлекая из откровений Эрнани ничего, кроме окрепшего убеждения в том, что Левий умница. Месяц назад оно бы мешалось с сожалением о зря погибших хороших людях и злостью на очередных дураков, но Излом не оставляет времени на былое, разве что оно может чем-то помочь настоящему.

3

Предложение фрошеров всем вместе отужинать на постоялом дворе Руппи принял охотно. Предводительствовавший встреченными «фульгатами» капитан Руппи понравился, к тому же этот Уилер участвовал в гаунасском походе, а Фельсенбургу хотелось знать о графе Савиньяке, к которому он ехал, побольше. В победах над Фридрихом особой заслуги Руппи не находил, но игры с Хайнрихом и последующий договор интриговали, к тому же маршал Лионель был братом Арно и сыном очень необычной матери. Лейтенант больше не удивлялся, что в доме Савиньяк ели, что хотели, не стесняясь лазили по деревьям, спокойно уходили и с удовольствием возвращались. О собственном возвращении наследник Фельсенбурггов думать без содрогания не мог, но сейчас его несло в другую сторону.

Не желая выглядеть растрепой, лейтенант сменил рубашку, возблагодарив всех святых за отсутствие на штанах кошачьей шерсти, и в сопровождении драгунского капитана поднялся на увитую хмелем террасу. Трактирщик уже накрыл небольшой стол, заботливо защитив его расписанной розами ширмой и украсив здоровущим букетом, из-за которого ухмылялась физиономия Уилера и виднелось чье-то обтянутое мундирным сукном плечо.

– Присаживайтесь, – на правах хозяина пригласил «фульгат». – Заведение сносное, нам, можно сказать, повезло. Сударыня, разрешите представить: господин фок Фельсенбург, следует туда же, куда и мы.

– Я очень рада. – Раздавшийся из-за цветов голосок был приятным. – Можете называть меня Селиной. Капитан Уилер говорит, вы моряк?

– Да, – подтвердил Руппи, пробираясь на свое место. Непонятно откуда взявшуюся даму он разглядел, лишь обогнув ширму. Селина оказалась молода и хороша собой. Очень молода и очень хороша, но самым удивительным было другое. За столом в провинциальном трактире улыбалась мамина юность, хотя урожденная герцогиня фок Штарквинд никогда не надела бы мужского платья и не заплела волосы в две толстенькие косицы, как это сделала непонятная путешественница.

– Счастлив вам служить, – поспешно заверил Руппи, борясь с неловкостью, однако разъезжающая с «фульгатами» дева не спешила, подобно волшебнице Фельсенбурга, упрекать лейтенанта в бессердечии.

– Вы похожи на одного очень хорошего человека, – безмятежно произнесла она. – Издали.

Не скажи талигойка этого, секундой позже Фельсенбург сообщил бы красавице, что она – живой портрет некоей знатной особы. Руппи и прежде понимал отца, но сейчас это было

особенно остро, только ни одна женщина не разлучит его с морем и не запрет в зачарованном замке. Ни одна!

– Здесь есть вино и касера, – напомнил о себе и ужине драгун. – Ну и пиво, само собой. Пиво и касера хороши, вино – вряд ли.

– Касера, – решил Руппи. Женщин красивее мамы лейтенант не встречал ни в Эйрехте, ни в портах, а ведьма... Она была ветром, танцем, струнным звоном, сном, который появлялся и исчезал.

– Муа-у-у... – раздалось из-под стола. От неожиданности лейтенант вздрогнул, но для Гудрун сладострастный вопль был слишком басовит. – Мря-а-а-а-ау...

– Это мой кот, – с уморительной серьезностью объяснила девушка. – Он в корзине, потому что все время убегает. Он чего-то хочет.

– Меня, – признался под нарастающие рулады избранник Гудрун.

– Неужели? – удивился «фульгат» и нагнулся. Щелкнуло, фыркнуло, и Руппи узрел внушительную черно-белую морду, по счастью, не мохнатую. Морда, упреждая прыжок, коротко мявкнула, дальнейшее было предопределено – топтанье, урчанье, боданье и царапины на бедрах.

– Почему? – спросила девушка. – Почему он к вам пошел?

– Меня любят кошки, – буркнул Руппи, понимая, что и этим штанам быть в белой шерсти. – Очень.

– Мне тоже кажется, что вы хороший человек, – задумчиво произнесла Селина. – Его зовут Маршал.

– Ему подходит.

Руппи обреченно почесал за изодранными ушами. Судя по тому, как Гудрун разрывалась между ним и Бешеным, кошачья любовь шла по следам любви ведьм, но признаваться в этом Фельсенбург не собирался.

– Это началось весной. Ко мне привязалась огромная трехцветная кошка...

– Суну-ка я его назад. – Уилер молниеносно ухватил утратившего бдительность кота за шкуру. – Извините, не представить вас нашему Маршалу я не мог.

– Я польщен, – заверил слегка оторопевший Руперт. – Котам меня еще не представляли.

Водворенный в свое узилище Маршал орал и скрипел корзиной. «Фульгат» махнул рукой, из сада выскочил верткий сержант, и скандалиста уволокли. Фрошер разлил мужчинам касеру, трактирщик подал запечатанные слоеным тестом горшочки, в общем зале хрипло попробовала голос волынка.

– Я предпочел бы кота, – не выдержал Фельсенбург.

– Музыка будет далеко, – утешила Селина, – кошки под столом намного громче. Хорошо, что вы им нравитесь, это значит, с вами все в порядке.

– Да? – удивился спаситель осужденного преступника, дезертир и убийца. – Я в этом не слишком уверен.

– Сейчас с некоторыми людьми происходят дурные вещи, – изрекла девица. – Вы кушайте, крышку надо отломать и макать в соус... Это не очень красиво, но мы в дороге, и нас никто не видит.

– Когда никто не видит, ронять себя тем более не стоит. – Лейтенант отодрал еще теплое тесто. – Но в дороге манерничать и впрямь глупо. Это свинина?

– С грибами, – уточнил Уилер. – Сударыня, вы позволите нам маринованный чеснок?

– Конечно, – мама вот так же раскрывала глаза, когда ей говорили, что запел соловей или что-то расцвело, – он ведь вкусный. Я тоже буду.

Волшебницы чеснок не едят, волшебницы не разъезжают в мундирах и не возят с собой котов, зато при этой Селине можно не задумываться над каждым словом. Вот бы еще понять,

что или кого забыла белокурая серьезница в армии Савиньяка, хотя какое, в сущности, ему до этого дело?

Вечер получался отменным. Драгун молчал и ел, зато они втроем болтали о кошках, соленьях, волынках и деревянных башмаках, будто не было никаких войн и мятежей, только придорожная харчевня и хорошая компания. А потом у входа на террасу воздвиглась длинная тень, и Руппи узнал корнета Понси, которого по вполне очевидным причинам за стол не позвали. Что ж, он пригласил себя сам.

– Теперь я вижу, – возвестил памятный по прошлой зиме ябедник, – вижу всю низость коварства! Что ж, мне остается одно. Капитан Уилер, вы – подлец! Судьба свела нас прежде, чем я надеялся, и не я преследовал вас, но рок. Я требую удовлетворения!

– Чего-чего? – беззлобно удивился Уилер и повернулся к Руппи, с которым как раз выпил на брудершафт. – Ты что-нибудь понял?

– Пожалуй, – шепнул Фельсенбург, глядя на преодолевшего половину расстояния от двери до стола и не перестававшего вопить корнета. – Он поэт и...

– ...чучело, – с чувством произнес Уилер, – но деда жаль.

– Не надо его обижать, – тихонько попросила Селина. – Это из-за меня. Я слушала его стихи, он думал, мне интересно, а мне надо было в приемную регента и погулять по Тарме. Капитан, вы же знаете!

– Я не больно, – пообещал капитан.

– Ты шепчешься с ним! Даже сейчас!..

Палец поэта почти ткнул Уилера в грудь. Понси по-прежнему напоминал сразу и богомола, и ужа, но Руппи отчего-то представился юный дятел, напавший на умудренного жизнью хоря.

– Соблазнитель и трус!

– Заткнулся бы ты, приятель, и шел бы... спать, – посоветовал «фульгат». Будь он в самом деле вероломным убийцей, ревнивец был бы уже мертв.

– Я не уйду! – Долговязая фигура стала еще длиннее, впрочем, сумерки вытягивают всё. – Сейчас ты мне ответишь...

В Уилере усомниться было трудно, но Понси встал слишком удобно, чтобы этим не воспользоваться, к тому же выиграла, требуя своего, память о Старой Придде. Руперт незаметно подвинул ноги. Корнет усиленно стаскивал новую, неразношенную перчатку, та не поддавалась, а Уилер с веселым любопытством следил за тужащимся мстителем. Момент был самый что ни на есть подходящий. Вскочить, ухватить голубчика за плечо, завести руку за спину, как это делают в кабаках с разгулявшимися матросами, и конец грядущему кровопролитию. Дурацкий, правда, ну да по герою и подвиг.

– Корнет Понси, – напомнил Руперт, – регент Талига запретил дуэли, так что считайте себя арестованным. Уилер, куда его проводить?

– Куда? – задумался «фульгат». – Видел я тут в саду подходящую гауптвахту, так ведь утопится, чего доброго. Да и людям несподручно будет.

– Трус! – возопил корнет. – Жалкий трус, прячущийся за вражескую спину!

Этого Руппи не стерпел. Знакомая по Эйрехту разухабистая волна радостно захлестнула лейтенанта и тут же рассыпалась искрами, колкими, будто снежинки или смех.

– Доносчик! – провыл наследник Фельсенбургов в тон ревнивцу. – Жалкий доносчик, вмешавшийся в дело чести. Вспомни Старую Придду, несчастный, и Старый Арсенал! Теперь мой друг и его враг отмщены самой судьбой. Ты не получишь удовлетворения прежде тех, кого выдал!

– Ой, – удивилась за спиной Селина, – так вы знакомы?

– Этот господин требовал от нас любви к прескверным стихам. – Стоять спиной к даме было невежливо, и Руппи, не выпуская добычи, обернулся. – Чуть до дуэли не дошло... Лето-

рукий, и как я мог забыть?! Корнет вызвал или почти вызвал герцога Придда. Антал, ты не можешь с ним драться прежде полковника.

– Да я в общем-то и не собираюсь. – «Фульгат» был само миролюбие. – Придд, говорят, в Гёрле... А этот-то с Заразой что не поделил?

– Одного вашего поэта, Понси он нравится, прочим – нет. Имени я не запомнил...

– Невежда! – завопила приотпущенная заболтавшимся лейтенантом добыча. – Я говорил тогда, я скажу сейчас!.. Вы все невежды, а ты – лжец! Ты не можешь не помнить великого Барботту, но ты хочешь... жаждешь унижить его! Ты притворяешься, что забыл обращение гения к тебе подобным, сейчас ты вспомнишь! Я... *Я презираю вас всех...*

– *Не всякий презренья достоин*, – Руппи, рассердившись, прижал костлявую руку посильней, и Понси замолк, – *как и любви, и насмешки.*

Ненависть, грусть, сожаленье трогают разные струны...

Старину Майнера Руппи переводил на талиг под надзором самого злобного из присланных бабушкой менторов, сегодня это пригодилось.

– Это и есть Барботта? – удивился Уилер. – А ничего!

– Это дриксенский поэт, и он намного лучше в подлиннике.

– Чушь, недостойная мужчины! – ломать придурку руку Руппи все же не хотел, чем поклонник Барботты и воспользовался. – А вы, вы предатели! Маршал Савиньяк должен знать, кто пьянствует с «гусями» и слушает их вирши, когда в наши груди целят кесарские пушки! И он узнает... О, граф Лионель ведает цену как одиночеству и измене, так и гению. Мое имя для него кое-что значит! Сегодня вы трусите, и этому нет честных свидетелей, но в Гёрле мой друг капитан Давенпорт заставит вас принять вызов. Иначе вам плюнет в лицо вся армия!.. Гусиные приспешники!

– Сэль...

Уилер, последнюю минуту внимательно присматривавшийся к крикуну, наклонился к девушке и что-то тихо сказал, та покачала головой.

– Нет... Он просто... такой.

– Вот и славно! – «Фульгат» отодвинул тарелку и, внезапно оказавшись на ногах, перехватил бьющегося корнета. – Отпускай... Если его ты отволочешь, некрасиво будет. Наш... а, пусть будет нос, нам и подтирать. Драгун, поднимайся, потом дожухешь!

Глава 7

Бакрия. Хандава Гайифа. Кипара

400 год К. С. 14–17-й дни Осенних Скал

1

Сосредоточенные молодые лица всегда вызывали у Матильды умиление. Началось с задумавшегося над книгой сына, потом были внук, Робер, Удо с Дугласом, Мэллица, о которой надо наконец написать Альберту, и снова Дуглас... Щенята пытались размышлять и выглядели при этом до одури трогательно, но Баата при всей своей серьезности не умилял, хотя был моложе Эпинэ и не забывал выказывать растерянность и просить совета. Надо думать, пронира еще в детстве понял, что маленького добрые и большие не обидят, а злые не примут всерьез.

– Видит Создатель, – заверял «неопытный» Баата, – я еще никого не ждал так сильно, как вас! Мой покойный отец боялся того, чего не мог понять, и я унаследовал многие его страхи. Не хочу лгать, я надеюсь когда-нибудь стать достойным казаром, но сейчас я растерян... Здесь нам не помешают, это любимое место моих покойных родителей, а прохладительное облегчит любую беседу.

Мешать в оседлавшей обтесанную скалу беседке и впрямь было некому, а вид восхитил бы и поэта, и художника, интриганов же восхищала невозможность подслушивания. Каменная толща под ногами и ажурные решетки вместо стен исключали чужое любопытство, но этого было мало: у подножия утеса, где начиналась удобная лестница, торчали казарские бириссцы, а парой пролетов выше – прихваченные Бонифацием вроде бы для почета адуаны. Сверху и те, и другие казались игрушечными солдатиками, Адриан таких присылал сперва чужому сыну, потом чужому внуку.

– В самом деле удобно, – согласилась принцесса, отгоняя воспоминание, – особенно падать.

– Это был несчастный случай, – быстро сказал Баата, и Матильда поняла, что ненароком отдала хвост одной из фамильных змей. – Мой несчастный брат пытался поймать на лету бабочку. Вы их зовете фульгами, они должны нести удачу, но примета обманула.

– Погибшего – несомненно, – кивнула алатка, до сего мгновенья не представлявшая, как именно Лисенок теряет лишних родичей. – К счастью, мы с супругом не в том возрасте, чтобы гоняться за бабочками.

Бонифаций знакомо поднял к небу палец.

– Сии хрупкие создания, – веско произнес он, – сотворены, дабы напоминать нам, во грехах пребывающим, что из мерзкой гусеницы при должном питании родится летучий цветок, а из грешника при должном поведении – праведник. Только не всяк грех искупаем, и бабочка бабочке рознь: капустные черви, воспарив, сохраняют гнусную суть и заражают огороды ненасытной мерзостью. То же и ересь агарисская: кажет миру белые крылья, но пожирает заблудшие души аки гусеница капусту.

– Как это верно! – ахнул эсператист, успевший вступить в союз с оллариянцами и породниться с потомками Бакры. – Мне страшно об этом говорить, но в Паоне подняла голову чудовищная ересь...

– И что учудила тварь злокозненная, кардиналом Паонским именуемая? – буркнул, нюхая подкисленную лимонным соком воду, супруг. – Объявил Паону новым Агарисом? Так морискам от сего лишь удобнее.

Баата взмахнул девичьими ресницами.

– Мориски отходят, – сообщил он, – но мне проще рассказывать с самого начала. Первое насторожившее меня известие...

Царственно расположившись в удобном – другого Лисенок почетным гостям не предложил бы – кресле, Матильда слушала и недоумевала: новости перечеркивали все, что алатка знала об имперцах. Покровители поганой Агарии от века гребли жар чужими руками, усердно избегая серьезных драк. Представить, что «павлины» соберутся и дадут отпор врагу, который едва ли не помелом гнал их от самого побережья, Матильда не могла, и Бонифаций, судя по враз забытому прохладительному, – тоже.

Поднимаясь в казарскую беседку, супруги готовились слушать о бесхозной по случаю морисского вторжения Йерне, куда Баата, сожрав Хаммаила, просто не мог не попытаться запустить лапки. Новость о «Богоизбранном, Богохранимом, Богодарованном и Четырежды Богоугодном» Сервиллии шмякнулась на голову, будто оброненная нерадивым орлом черепаха.

– Что? – не выдержала алатка. – Вот прямо так и подписался?!

Казар вздохнул. На инкрустированный самоцветами аляповатый стол лег высочайший манифест. Среди павлинов, пронизанных молниями грозowych туч и похожих на виадюки радуг чернели подзабытые Матильдой острые буквы. Император обращался к подданным на гайи, однако подпись была гальтарской и дурацкой. Это чтобы не сказать – кощунственной.

– Иссерциала б ему послать, богоданцу, – буркнула Матильда, по милости внука возненавидевшая любую гальтарщину. – *«Мы, любимый сын и надежда Создателя, принимая возложенную Им на Нас ношу...»* Да по нему святой поход плачет!

– Я чту и ожидаю, – Лисенок счел уместным напомнить о своем благочестии, причем на талиг, – и я в полной растерянности.

Длинные – еще длинней, чем у сестры, – ресницы были созданы для того, чтобы ими хлопать, в чем казар и поднаторел. Впрочем, кто бы сейчас не хлопал? Незазорно было и рот открыть.

– Странно сие и сомнительно, – пробасил супруг. – Гайифцы в ереси плещутся, будто свиньи в грязи, но к Создателю в избранники прежде не набивались, на земле гадили. Откуда сия бумага, и можно ли ей доверять?

Бумаг у Бааты оказалась не одна и не две, и он им доверял: манифесты пересылали прознатчики, за которых казар ручался отцовской памятью, здоровьем сестры и собственной душой.

– Что ж, – подвел итог Бонифаций, – поглядим, что за чудо из павлиньего яйца вылупилось, а пока займемся чем поближе. Дьегаррон говорит, корпус гайифский Кагету покинул, Хаммаил же такого горя не пережил.

К *этой* разговору Лисенок был готов, мало того, ему было что предложить взамен ну совершенно не нужной Талигу Йерны. Баата возвел очи к расписному потолку и принялся благодарить за поддержку в трудный час и обещать, что он и дальше, и всегда, и вообще...

– Я получил три письма из Гайифы, – словно бы нехотя признавался казар. – Чиновники из приграничных провинций привечают крупных торговцев, а торговцы не знают границ. И пусть мне написали враги моих друзей, я прочел, ведь это могло быть важным не только для меня, но и для тех, чьим доверием я горд!

– Не всякой дружбой можно гордиться, – отмахнулась алатка, непонятно почему вспомнив Хогберда с его пегой бородой и изливаниями, хотя почему непонятно? Реснички у барона, конечно, подгуляли, а вот содрать с двух «друзей» четыре шкуры он умел. Баата, впрочем, сдерет все пять.

– Я счастлив, что мне удалось расположить к моей несчастной стране величайшего полководца нашего времени. – Лисенок вскинул голову, как хороший жеребец, и тут же якобы устыдился собственного порыва. – Мне безумно больно, что своими несчастьями моя страна

обязана нестойкости моего дорогого отца, не сумевшего дать отпор гайифскому и агарисскому вымогательству. Я чту и ожидаю, но я исполнен ненависти к тем, кто навязал нам братоубийственную войну.

– Создатель нам врагов кормить и не заповедовал. – Бонифаций торжественно поднял свой любимый палец. – Ибо нельзя лелеять и стадо свое, и волков, бродящих у дверей овчарни, а правитель, ставящий чужое вперед родного, мерзок. Чего чиновники гайифские просили и обрели ли рекомое?

– О нет... – Подобным голосом Хогберд сообщал о выкупе заложенных внуком ценностей. За двойную цену, вестимо. – Они искали встреч со мной, ведь я – брат Этери. Гайифцы столь встревожены, что, забыв о присущем им высокомерии, просили меня о посредничестве между ними и его величеством Бакной. Разумеется, я отказался, объяснив, что бакраны движимы исключительно желанием помочь своим друзьям. Они бедны и не могут накормить голодающих Варасты, и они справедливы в своем решении взять хлеб и скот у виновных. Даже если бы я хотел, а я этого не хочу, я не удержал бы сынов Бакры. Это по силам лишь варастийцам или же тем, кто может говорить от их имени.

– И все это, – с невольным восхищением уточнила Матильда, – все это вы передали «павлинам»?

– Я передал это кагетским негоциантам, привезшим мне послания из Кипары, Кирки и Мирикии, но не могу знать, как посланцы распорядились моими словами, рискнули ли они вернуться в Гайифу или остались в Кагете. – Украшенный старинным перстнем палец будто невзначай тронул манифест богоданца Сервиллия. – Если так, их можно понять. В Гайифе есть и честные торговцы, и добрые эсператисты, которые просто хотят жить. Сейчас они зажаты между язычниками и еретиками, они ищут выход и не находят. Мне жаль их...

– А вот сие, – одобрил Бонифаций, – богоугодно. Ибо негоже, чтобы малые страдали за больших.

– Я не был самым смелым в нашем роду, – грустный взгляд казара скользнул по дальним горам, – но теперь весь мой род – это я, и я не хочу кровопролития. Регент Талига дал мне совет рассчитывать лишь на себя... Что ж, я рискнул встретиться с гайифским маршалом и объяснить ему, что Хаммаил чужд Кагете. Не буду утомлять вас подробностями, и потом – какой мужчина захочет признаваться в своем малодушии прекрасной женщине?

– Тогда, – разрешила прекрасная женщина, – не признавайтесь. Вы видели маршала Капраса, каков он?

– Вы с такой легкостью произносите гайифские имена! – восхитился умник из рода, носящего незамысловатое имя Хисранда-Ханда. – Мне они даются с большим трудом... Да, я видел маршала Кабр... Капраса, он еще не стар, и я бы не назвал его красивым. Опытный и, кажется, порядочный человек, он крайне озабочен вражеским вторжением. Свою землю такой воин не бросит, подумал я, и значит, корпус в Кагету не вернется. Я пообещал пропустить гайифцев через свои земли и пропустил, а теперь испытываю тревогу. Маршал направлялся в одну империю, но оказался в другой. Как у него сложатся отношения с новым государем? Не причинит ли Сервиллий Карло Капрасу вреда? Не обвинит ли в гибели Хаммаила? Я понимаю, вы удивлены, но у нас с Этери слишком мало родных, а наша единокровная сестра отдала свое сердце чужеземцу. Я был потрясен...

– Твою кавалерию, я тоже! – не выдержала Матильда и поинтересовалась судьбой переданного на попечение казара гайифского пленника. Казар развел руками, потупился и сообщил, что пленник бежал, однако виновные уже наказаны. Очень строго.

2

Морисков можно бить, значит, не все потеряно! С этой мыслью Капрас засыпал и просыпался, с каждым днем все больше уверяясь в конечной победе. Где сказано, что невозможное под силу одному Кэналлийскому Ворону? И кто знал этого Ворона до того, как тот пристрелил туповатого генерала и отбросил почти победивших гаунау? Только молодому Алве было проще – его сторону сразу же принял временщик-кардинал. Оресту, тьфу ты, Сервиллию пришлось расчищать себе дорогу самому, но с Коллегией на шее язычников было не остановить. Да и мог ли третий сын императора удержать вояк, рвущихся отомстить за своего командира и за поражения? А если даже и мог, времени не оставалось ни на судейские выкрутасы, ни на болтовню – тут или император, армия и надежда, или Забардзакис, паркетные шаркуны и сожженная Паона.

Офицеры, те, с кем Капрас делился своими мыслями, думали так же, солдаты знали ровно то, что им сказали, но победа окрылила всех. Корпус спешил, пренебрегая отдыхом и делая в день не меньше перехода с четвертью. Малый Кипар миновали неделей раньше, чем думалось, и Карло ступил на гайифский берег, ничем не отличимый от кагетского. Та же скрипящая на зубах белая пыль, выжженные курганы, нечастые источники, отмеченные обелисками, на которых сидят то орлы-могильники, то пестрые коршунки. Первый окруженный небогатыми усадьбами городишко лежал в полутора днях марша от таможенного поста.

Вековые акации царапали выгоревшее небо, по улицам расхаживали нухутские петухи и молочные козы, у церкви сидела одинокая нищенка, смуглая и сварливая. Это было забытое Создателем захолустье, где обитали неудачники и куда высылали не потрафивших Семи Коллегиям. Таких, как Сервиллий Турагис, на которого свалили багряноземельскую неудачу. Будь у Карло время, он навел бы опального стратега, вряд ли тот в своем алычовом уединении смог узнать о первой победе над сломавшими его карьеру морисками. Повидаться очень хотелось, но позволить себе отлучку Карло сейчас не мог, пришлось ограничиться торопливым письмом – не написать было бы свинством закоренелым и окончательным.

Горела лампа, вокруг нее настырно вился туповатый мотылек, а Капрас едва ли не с корнетской радостью пересказывал столичные вести и выражал уверенность, что новый император воздаст должное опыту и отваге. Маршальская печать уже готовилась вгрызться в болотно-зеленый – цвет личной переписки – воск, помешал Агас, отчего-то вырядившийся в парадный мундир.

– Что-то срочное?

– Не слишком. Прибыл субгубернатор Кипары, вы были заняты, пришлось встречать и устраивать на квартиру. Я действовал от вашего имени...

– Ну и молодец. Надо же, целый субгубернатор... Я думал, пришлют какую-нибудь мелюзгу с предложением пожаловать к превосходительному.

– Мелюзга тоже есть, но из Мирикии. А что субпревосходительный явился лично, так деваться ему некуда. Губернатор умудрился угодить в плен к дикарям. Когда его удастся выкупить, если вообще удастся, не ясно. Визитер очень хочет получить должностишку насовсем, а для этого, сами понимаете...

Капрас понимал. Чиновнику, по милости бакранов оказавшемуся во главе немалой провинции, нужно и порядок обеспечить, и защиту от набегов наладить, и с беженцами управиться, и тут на голову валится корпус, который велено снабдить всем необходимым. Вот и мчится бедняга на встречу, от которой может быть как польза, так и вред, причем взаимный.

– Что этот «суб» собой представляет? – хмуро уточнил Капрас. Мало того, что козлятники невозбранно буянили в Кипаре, они как-то исхитрились уволочь губернатора, на содействие которого Капрас изрядно рассчитывал. – Ты знал его раньше?

– Не слишком. Субгубернатор страдал несварением и избегал званых обедов, а других мест для встреч у меня не имелось.

– Несварение так несварение... – Маршал поставил-таки на письмо печать и поднялся. – Где имение Турагиса, знаешь? Пошли с курьером, а если недалеко, отвези лично. Мы тут дней пять простоим, не меньше, а старика надо уважить.

– Я съезжу, – с готовностью согласился гвардеец. – У Турагиса я бывал, когда угодил в здешнюю дыру. На зиму стратег перебирается в Мирикию, но сейчас должен быть здесь.

– А вообще-то он как?

– Не сказал бы, что хорошо. Пытается разводить верховых лошадей... то есть лошадей он в самом деле разводит, и очень приличных. Бедняга решил считать это достойным своей особы делом, но вообще-то ему тошно. Господин маршал, я бы просил вас обратить внимание на компанию из Мирикии. В том, что тамошний губернатор прислал чиновника с письмом, ничего странного нет, удивляет другое. Чиновник мелкий, зато конвой – солидной некуда, полуэскадрон под командой капитана. Бакранские налетчики сюда не добирались, так зачем гонять полсотни кавалеристов?

– Если превосходительный дурак, мог для почета.

– В том-то и дело. – Агас аккуратно вложил маршальское письмо в футляр. – Губернатор Мирикии глупостью не страдает и пускать пыль в глаза не склонен.

– Значит, берегутся, – сделал неизбежный вывод Капрас. – К Турагису поедешь тоже с полуэскадром, а посланца – ко мне. Прямо сейчас, пока кипарец с несварением не навалился.

Чиновничек был грузноват и многословен, как и доставленное им письмо, полное витиеватых, приятных, но пустых по смыслу оборотов. Соус, однако, не мог скрыть кролика – превосходительный жаждал встречи с маршалом Капрасом, причем на землях златоструйной Мирикии.

– Корпус только что проделал длительный марш. – Карло оперся руками на застеленный картой стол. – Сейчас мы встаем на отдых, но я буду слишком занят для поездки в соседнюю провинцию. Наши дальнейшие действия определяет полученный нами приказ.

– Воля Богодарованного Сервиллия свята, – торопливо провозгласил посланец, – но если выехать немедленно...

– Корпус я не оставляю, – отрезал Капрас. – Кстати, зачем вам такой эскорт?

– Господин маршал, я не мог подвергать риску послание его превосходительства! – Чиновник понизил голос. – В стране неспокойно. Мы, как вам известно, подвергаемся нападению с двух сторон. Богомерзкие мориски и дикари-бакраны мало того, что разоряют наши земли, их вторжение вызвало поток беженцев...

Вот оно как, мориски с бакранами! С пятью десятками против армии язычников даже Алва не поперет, так что врет господин чиновник, как барышник на базаре, а вот беженцы – другое дело. Куда им бежать, как не прочь от побережья, только одни свое спасают, а другие чужое отобрать норовят. Но что ж это должны быть за шайки, чтобы против них такие конвои выделяли?

– Мародеры? – деловито уточнил Капрас. – Где и сколько?

Чиновник развел руками. Он не знал, его делом было доставить письмо и убедить отважного Капраса приехать туда, где его ждут, ценят и жаждут помочь. Лисенок предлагал взятки куда тоньше и остроумней, и Карло брал – корпус нужно было кормить, а из империи приходили лишь приказы.

3

Красно-желто-черные бабочки-фульги, те самые, что сгубили казарского братца, во множестве расселись на замковой стене – казалось, цветут сами камни. А вот примыкающая к серо-

бурой кладке скала, по которой неровным зигзагом тянулась лестница в пресловутую беседку, бабочек отчего-то не влекла. Как и деревья, и кусты роз, барбариса и чего-то темно-зеленого, усыпанного разноцветными ягодками. Садик был достаточно густым, чтобы укрыться от зноя и чужих глаз, но не настолько, чтобы опасаться чужих ушей. Отделенный от больших садов невысокой, с несколькими проходами, оградой, он служил убежищем избежавшей появляться на людях Этери. Лисичка доживала последние недели, и трепетно относящийся к здоровью супруги Барха боялся дурного глаза. Будущий отец не считал себя вправе покидать гвардию и границу, но о жене в меру разумения позаботился. Принцесса гуляла не иначе как под надзором тройки здоровенных бородачей и чуть менее бородатой карги с украшенным козлиными рогами шестом.

– Ближко они не подойдут. – Этери едва заметно улыбнулась. – И они понимают только свой язык...

– Они ничем не хуже придворных дур, – кивнула, вспомнив осаждавших ее в Оллари кириц, Матильда. – Вы еще не устали?

– Нет, – кагетка покачала украшенной диадемой головкой, – я так рада, что вы откликнулись на мое приглашение.

Не пожелай Этери видеть супругу его высокопреосвященства, пришлось бы напрашиваться самим. Бонифацию хотелось знать как можно больше, Матильде – тоже, и рыбку решили ловить везде, где есть вода. Лисичка, пусть и беременная, разбиралась в братних вывертах лучше кого бы то ни было, а братец зря время не терял, это явствовало из множества признаков. Озабоченные приближенные, усиленные караулы, новые лица в замке, общая встрепанность и в то же время – радостное возбуждение.

– Когда мы уезжали, – вежливо начала алатка, – в Хандаве было как-то беспечнее.

– Наверное, – согласилась Этери. – Баата не любит неприятных дел и лишней крови.

– Лишняя кровь – та, которую можно не проливать сегодня, не рискуя пролить стократ больше завтра, – припомнила Матильда. – Так говорил один...

– Эсператор? Да, конечно, вы же были эсператисткой... Как и я. Вам было трудно менять веру?

А она ее меняла? Меняют то, что имеют, только кому нужна скорлупа прошлогодних каштанов?

– Я была дурной эсператисткой.

Именно что дурной! Заповеди нарушала, постилась, лишь когда денег не было, у костров богомерзких скакала, с еретиками и язычниками якшалась, и ведь не стыдно!..

– Не хотите покормить птиц? – Этери сняла с пояса расшитый бисером кисет. – Это умиротворяет. Насыпьте немного на ладонь и ждите.

– Благодарю.

Гулять среди цветов и кормить птиц очень приятно – при наличии склонности к подобному времяпровождению. У Матильды таковой не имелось, зато была необходимость узнать, что творится в казарии. Алатка послушно подставила руку, порхавшие среди кустов пичуги сразу поняли, что к чему, – и началось...

Самым смелым оказался кто-то в желтой шапчонке, выхвативший свою долю чуть ли не из мешочка; желтоголовика сменила пара крикливых чернышей и какая-то краснохвостка. Пестрая прожорливая мелочь с писком и свистом спешила со всего сада, но предпочитавшая лошадей и собак алатка не слишком умилялась.

– Тр-р-р...

Некто крупный, с дрозда, и оранжево-черно-зеленый отпихнул жалко пискнувший серый комочек и принялся глотать зерно за зерном. Улетать он не собирался, какой проглот улетит, пока все не сожрано?! Острые коготки царапали кожу, паршивец жрал, оставшиеся без подачи возмущенно галдели, но отбивать свое кровное не спешили. Матильда сжала кулак, цапнув

наглеца за лапы. Пойманный обжора затрепал и забил крыльями, разномастная стайка брызнула в стороны. Этери засмеялась и накрыла пленника рукой.

– Что это за тварь? – чуть смущенно спросила принцесса. – Лопает, как не в себя, а другие – смотри.

– Пш-ш-ш-хр-р-р-вшиш-шк, – прокашляла Этери и перевела: – На талиг это будет... что-то вроде «гордый зеленоштанец».

– Гордый? Гордые на дармовщину не кидаются, так что на талиг он будет... Карлион! На зеленоштанного согласна. Куда его, такого красивого, девать?

– Мне он не нужен, – отреклась от «Карлиона» Этери.

– Я тоже не кошка.

Матильда разжала кулак. «Пш-ш-швхркш-ш-ш» сорвался с места и тяжело – то ли от обжорства, то ли от пережитого потрясения, запорхал к зарослям. Кагетка поморщилась и высыпала все, что оставалось в мешочке, наземь.

– Немного устала, – призналась она. – Дальше, у лестницы, есть скамья... Мы там отдыхали с герцогом Алва, когда он меня провожал. Вы не знаете, где он сейчас?

– На севере, – не совсем соврала Матильда, успевшая себя убедить, что Ворон со скотиной Валме добрались, куда хотели, и ничего с ними не случилось. Ну, прошли дорогой покойников, они еще и не то вытворяли!

Этери в ее положении об исчезающих фресках думать было незачем, но Лисичка раз за разом наводила разговор на синеокого кэналлийца. Матильда уезжала под невинные расспросы, прошло без малого два месяца, а будущая мать при трех стражниках и старухе с рогами по-прежнему вздыхала о пристрелившем папеньку красавце. В казарском семействе к убийцам ближайшей родни вообще относились с нежностью.

– Вот моя скамья. – Лицо кагетки стало мечтательным. Положи она руку на живот, это б не удивляло, но женщина гладила нагретое солнцем дерево. – Это место обмана, но я его люблю... Я смотрю на лестницу, на горы, на туман и думаю: здесь что-то должно произойти. Что-то главное, красивое, а оно все не происходит, только сменяется стража, только уходит лето, как до этого ушла весна, а я остаюсь...

– И долго это продолжается?

– Я не считала, наверное, я всегда ждала. Однажды меня увезли, чтобы вернуть вместе с замком, и я опять жду. Смотрю, как сменяется стража, и жду... К брату кто-то пришел.

– Разве казар наверху?

– В беседку поднимаются, только когда он там.

Полноватый, средних лет человек, судя по одежде – даже не казарон, взбирался по лестнице, иногда делая передышки. Еще двое топтались на площадке, где Бонифаций оставлял своих адуанов. Не воспользоваться таким поводом Матильда не могла.

– Гость не похож на кагета.

– Он одет как торгующий в Гайифе, а сабли перед встречей с казаром снимают. Третьего дня из Паоны вернулся человек, служивший еще отцу, брат им недоволен.

– Врет?

– Слишком много хочет за свои услуги, только Баата никогда не платит дороже, чем оно стоит.

– Всегда?

– Другого я не помню, но когда платят тобой, становится грустно. Давайте поговорим по-алатски, не хочу забывать ваш язык, пусть он мне и не пригодится.

4

Старик Турагис был тронут, о чем с присущей ему прямоотой и отписал. Доставленное Агасом послание с трудом умещалось на семи листах не слишком дорогой желтоватой бумаги и было заляпано свечным воском. Насидевшийся с жеребцами и кобылами полководец явно всю ночь разбирал сражение у Белой Собаки, хотя не знал даже, сколько у кого было людей. Что ж, воя от одиночества и ненужности, не заметишь, как начнешь к стремяни пририсовывать лошадь. Капраса воспроизведенный из ничего бой заставил разве что пожать плечами, а вот про морисков, их привычки и хитрости маршал перечел трижды. Потом – береженого и Создатель бережет – смял и сжег последний лист, где бывший Второй Доверенный стратег его величества выражал сомнения в способностях и совести императора, которого настойчиво величал Орестом. *«Я не верю, что из этого засранца вышел толк. В девятнадцать он уже был порядочной дрянью, сейчас, надо думать, протух окончательно...»*

– Старик не готов вернуться к армии, – подал голос Левентис. – Он был обижен, а за время ссылки из обиды выросла ненависть. Турагис желает морискам сожрать императора и обломать зубы об кого-нибудь другого.

– Об кого? – Капрас сунул в огонь и первый лист, а от второго оторвал верх, оставив лишь описание язычников. – Об нас или сразу о Ворона? Вот ведь бацута мстительная, Забардзакиса ему мало!

– В ссылку, – напомнил Агас, – его отправлял не Забардзакис.

– Ну и что? – Дивин, скорее всего, уже в Рассвете, хотя об этом проще не думать. – Может, хватит считаться?

– Господин маршал, это очень трудно. Меня ссылка спасла, а превосходительный и вовсе был как добрый дядюшка, и все равно зло брало.

– Так и меня брало, – признался Капрас, – но ведь не время! Да хоть посади себе Ор... Сервиллий четырех кошек на плечи, лишь бы мориски за море убралась! У Ламброса мать в Неванте, он о ней говорить и то боится, и не он один... У Додузы жена в Паону к родне собиралась, да и Василис вспоминал про сестер в столице.

– Вы правы. – Левентис кашлянул и поправил шейный платок. – Господин маршал... Я понимаю, это не мое дело, но мы не так далеко отошли от Кагеты. Может быть, все же имеет смысл отправить госпожу Гирени под покровительство ее единокровного брата? Или хотя бы на запад, к моим родным?

– Я помню, что женщина при армии может находиться лишь по высочайшему дозволению, но это мало кому мешает... – Другое дело, что скоро в самом деле идти в огонь. – Я подумаю. Признаться, я рассчитывал на превосходительного, потому что в Кагету Гирени не хочет.

Гвардеец едва заметно поднял бровь. Еще бы, маршал, и оглядывается на желание приبلудной девчонки! Сунуть в мешок и отправить к братцу, раз уж Лисенку пришла блажь назваться таковым... Капрас и сам бы так считал, волоки с собой плаксу кто-нибудь из офицеров.

Мысль о мешке и казаре потянула за собой другую, столь очевидную, что Капрас едва не хлопнул себя по лбу.

– Агас, – велел маршал, – разыщи Пургата. Объясним ему, что Хаммаилу конец, и мы отправляем его с двумя провожатыми на тот берег. Провожатым, как вернутся, приплатим.

Носатое несчастье нашлось сразу же, явив себя во всей своей красе.

Придурок топал ногами, потрясал кулаками, грозно шмыгал носом и орал, что ему назначена встреча с императором и он, Пургат, не позволит себя остановить.

– Я – гост ымпэратора! – бушевал казарон. – Он мэна ждот! Я ему буду гаварыт важное, а вы далжны мэна праважат! Хаммаил подыхал?! Сабакэ сабач'а смэрт, я плуну на его магылу,

кагда я вырнус, а кагда я вырнус? Я магу захотэт астатса с ымпэратором, если он будэт мнэ нравытца! Пачэму мы стаим, кагда нас ждут?! Пачэму не мчымся впэрод?!

– Потому что корпус должен отдохнуть.

– Ест прыказ ымпэратора правдыт к нэму мэна!

Кагет упер руки в бедра, оранжевое одеяние натянулось, и Капрас увидел, что спасенный, сидя в Гурпо, успел нагулять себе брюшко. Вот и жрал бы дальше. Молча.

– Его величество Дивин умер, – попробовал достучаться до казаронских мозгов маршал. – Его величество Сервиллий тебя не звал. Возвращайся домой, казнь тебе больше не грозит.

– Плэвал я на казн! Плэвал и какал! Хаммаил мэна боялся, он был трус! И ты – трус! И паганный Баата. Я нэ аставлу ымпэратора, на катораго напалы врагы! А еслы вы сэлы тут ждат, дайтэ мнэ сабак! И мнэ нужно новойе платйе для ымпэратора! Я нэ хачу ыдти к нэму в старом, я трэбуйу мундыр как твой.

Капрас зачем-то тронул помянутый мундир и распорядился:

– А ну выкиньте-ка его к кошкам.

Поднаторевшие в вышвыривании кагетского сувенира адъютанты выполнили приказ даже без смешков. Спасенный от верной смерти дурак отправился восвояси браниться, лопать и спать. Отправился жить. А приговоривший его человек был убит вместе с женой и детьми, которые уж точно никому не успели причинить зла. Справедливым это Капрасу не казалось, как не казалось правильным носиться со своими обидами.

– Карла, – пискнуло из-за двери. – Карла... Мы с деткой хатим тэба видэт. Могу?

– Можешь, – разрешил маршал. Беременную дурешку следовало отправить если не к Лисенку, то к Левентисам, но расставаться с кагеткой Карло не хотел, сейчас он это понял с пугающей отчетливостью. Как и то, что держать Гирени при себе и дальше – преступление.

5

Этери хотела говорить об Алве, Матильда – о фортелях Бааты, но Лисичка, как ей и положено, петляла, переводя становящийся слишком откровенным разговор то на так и толкующую на нижней площадке пару, то вообще на тергачей.

– Я забыла поблагодарить вас за подарок, – припомнила кагетка после очередного неудобного вопроса. – Бакраны не трогают птиц и зверей, поедающих плоды абехо, а я давно мечтала о синем платье, отороченном черными перьями. Мне вряд ли придется его часто надевать, но иногда приятно просто иметь.

– Мне больше нравится выбрасывать и раздавать, – вспомнила сундуки Альберта Матильда. – Баата – заботливый брат, знай он о вашем желании, его «барсы» давно отправились бы на охоту.

– Только не на тергачей! По мнению бириссцев, убивая столь глупое создание, перенимаешь его глупость. Вы знаете, что в тергачином выводке на одну курочку приходится с десяток пегушков?

– Шеманталь говорит, они иначе бы вымерли.

– Но он вряд ли знает легенду о том, откуда они взялись. – Этери поморщилась и тронула диадему. – Давит...

– Ну так снимите.

– Тугой обруч не то, что я не смогу перенести... Так вот, у саймурского царя было две дочери: одна выросла красавицей, вторая была, как сотни других. Конечно, она страдала и завидовала сестре, на которую заглядывались даже звезды. Конечно, она мечтала о мужском обожании и женской ненависти, сестра же ждала великой любви и не замечала тех, кто был рядом.

Царь хотел быть справедливым. Если одна, решил он, получила красоту, то царство надо отдать второй. Оставалось найти сестрам достойных мужей, но как из множества женихов выбрать того, кто сделает счастливой женщину, и того, кто не сделает несчастной страну? Удрученный отец был язычником и не знал о Создателе, а демонов чтил как богов; он воззвал к ним, и сперва не случилось ничего, а потом у дворца остановил коня чужеземец. Если б я говорила о нем, мне пришлось бы описать герцога Алва, но я говорю о тергачах. Царь понял, что прекрасный странник послан в ответ на его моление, только которой из дочерей? В золотой сосуд положили два яблока – красное и зеленое, и предложили девушкам выбрать. Каждая взяла по яблоку, но демонам нравится шутить – оба плода оказались...

– ...вш-ш-ш-ш-ш-ш-пр-р-р-р! Хыр-р-рушквау! Бацута!!!

Вопль шел сверху. Матильда вздрогнула и задрала голову. Ровно посреди лестницы бесновался давешний казарский гость. Глядя вверх, на беседку, он махал руками и вопил, будто дурной актер. Потом картинно плюнул себе под ноги, повернулся и продолжил спуск. Телохранители казара проводили его сумрачными взглядами, но с места не сдвинулись.

– Твою... Что это с ним?

Матильда перевела взгляд на нахмурившуюся Этери, потом вновь уставилась на одуревшего толстячка. До площадки перед лестницей он добрался по-человечески, но, очутившись лицом к лицу с топтавшейся там парочкой, вновь разбушевался. Отчаянно жестикулируя, кагет яростно кивал на беседку, двое других тоже позадирали головы, как показалось алатке – с весьма вызывающим видом, но этим и кончилось. Толстяк погрозил беседке кулаком, и троица, повернувшись к ненависти задом, собралась уходить.

– Мне очень неприятно вам... – начала Этери, но ее слова утонули в треске, будто где-то пинком выбили дверь, а может, так оно и было – примыкавшую к скале стену замка загромождали кусты.

Орава воинов с обнаженными клинками вывалилась из-за живой изгороди многоруким неистовым ураганом. Багрянец, седина, пара пятнистых шкур на плечах вожаков, перекошенные от ярости рты. И это вечно щеголявшие каменными рожами бириссцы!

На площадке казарские головорезы замерли, будто их осадили незримые всадники. Ненадолго. Долю мгновения помедлив, седуны молча, без единого возгласа или команды, бросились на троих у лестницы. А те при виде «барсов»... развернулись им навстречу, потрясая саблями и галдя!

Кажется, Этери схватила Матильду за руку. Кажется, сзади свистнули. Кажется... Алатка, дрожа сразу от страха и ярости, подалась вперед, к доходившим до пояса кустам, за которыми творилось Леворукий знает что.

Бириссцы налетели на непонятную троицу, будто ими пальнули из пушки. Не было ни неспешного окружения малочисленных неприятелей, ни выжидания удобного момента. Стремительный бросок, на вскинутых и опускающихся саблях вспыхивает солнце... Всего несколько ударов сердца – и «барсы» смыкаются над упавшими, продолжая неистово рубить неподвижные тела. Чужой стон, вцепившиеся в плечо тонкие пальцы.

Всё? Нет! Упали только двое, а третий, заводила, непостижимым для купчишки образом прорвав багряное кольцо, с маху перескочил через изгородь и оказался в паре шагов от Матильды. И от вцепившейся в алатку беременной Этери.

Выправляясь после прыжка, кагет присел, но тут же распрямился, быстрым взглядом окинув озаренный солнцем цветник.

Он был неподвижен лишь миг, Матильда толком не разглядела ни одежды, ни оружия, ни лица. Только глаза – белые от ярости, и еще – стекающую по щеке кровь.

Сердце заходило, будто она катилась с ледяной горы. Алатка успела сорвать тяжелый – золото как-никак – пояс-цепь и толкнуть Этери себе за спину. Сумасшедший перехватил

поудобней залитую алым саблю и, махнув рассеченным рукавом, сорвался с места. Не на них... Он бежал вправо, к дальней калитке... вернее, хотел бежать.

– Бакр-р-р-а!

Стражи Этери, в отличие от седунов, не молчали. Ревущие бородачи пронесли мимо с резвостью своих козлов. Беглеца перехватили уже на втором шаге; удар сабли старший принял на свой окованный железом посох, отведя клинок, а его подручные, зайдя с двух сторон, воткнули кинжалы, один в бок, второй – в живот потерявшей возможность защититься добыче.

Кагетку Матильда загородила, но хруст, с каким широкие лезвия вспарывали плоть, слышали обе, не могли не слышать. Безумец судорожно дернулся, из распахнутого рта вырвался полустон-полувовай, и тут выдернутые из ран кинжалы снова впились в тело, а наверх посоха обрушилось на запрокинутую голову, дробя череп. Стон оборвался, но прежде чем мертвец растянулся на цветочном ковре, ему досталось еще с полдюжины ударов. Мясорубку оборвал шорох и глухие шлепки – через ограду один за другим прыгали бириссы, и Матильда не взялась бы сказать, какие физиономии злей – бритые или с бородами. Впрочем, вид искромсанного трупа успокоил и тех, и других.

– Идем. – Алатка подхватила Этери под руку и поволокла по дорожке мимо спешащей навстречу карги с рогами и очнувшихся наконец охранников-кагетов. – Будем надеяться, до них дойдет первым делом... прибраться.

Глава 8

Талиг. Альт-Вельдер Гёрле

400 год К. С. 14-й день Осенних Скал

1

Надзирающий над кухнями был озабочен, и Мэллит поняла, что причиной тревоги стал хлебный нож.

– Эмилия, – спрашивал старший, – ты точно знаешь?

– Да уж знаю, – откликнулась та. – Чего мне там резать? Все нарезано уже! Ларь бы отодвинули, за ним только кошек нет.

Ларь, огромный, расписанный облупившимися красными цветами и серыми, как мыши, птицами, гоганни помнила. На нем младшие слуги вопреки суровым запретам оставляли грязную посуду и фартуки. И еще на нем сидели, когда не хватало скамей.

– Не найдется к ужину, – решил старший, – отодвинем.

– Да когда он пропал-то? – Нареченная Эмилией залила кипятком смесь трав и сушеных ягод, которую здесь пили все. Мэллит этот обычай нравился, но девушка предпочитала черные ягоды, а сегодня были красные, чей запах напоминал мокрую шерсть.

– Когда пропал, говоришь? А Леворукий его знает! – Надзирающий покосился в сторону Мэллит, и гоганни принялась набивать гусиную тушку рубленой печенью, пережаренной с мукой, луком и травами. – Я бы и не беспокоился, если б *она* по нижней галерее не бродила.

– Она не может смиренно сидеть, – вздохнула Эмилия, – а в сад под дождем не выпустишь, вот госпожа и велела отвести на галерею. Только мы с благоверным приглядываем, да и не станет она за нож хвататься...

– Что да, то да, – согласилась следящая за посудой, – если кто *знает*, нож ему ни к чему.

– Все равно найти надо. – Надзирающий посторонился, пропуская уносящую отвар. – Мало ли...

Нож гоганни вернула перед обедом, протиснув в щель между стеной и ларем, а вечером пропажу «нашли» среди пыли и того, что упало прежде. Мэллит видела фруктовые косточки, пуговицы, останки зловредных кухонных жуков, которых отец отца травил раствором змеевника, одинокий, как луна, чулок и серьгу с желтыми камушками.

– Я же говорила, найдется! – торжествовала Эмилия. – Она, бедняжка, больше языком молот!

– Кто бы мычал, а ты б помолчала, – укорила старшая подавальщица, но не она была в этот час громче всех.

– Магда, подлюка! – Прекрасная, будто спелый абрикос, гладильщица подбежала к подруге, и пальцы ее были скрючены, как у когтящего цыпленка коршуна. – Так это ты тут... чулки теряешь... С чужими бычками...

– Цыц, вы! – велел нареченный Губертом, но Мэллит уже не слушала – это ведь так правильно: уйти, когда случается некрасивое. Слуги искали нож, но запомнят ссору.

Злоба забывшей себя гладильщицы гоганни не занимала, девушка думала о словах Эмили и тревоге надзирающего. Та, что не брала нож, «знала»... В Хексберге Мэллит поняла: «знать» для женщин севера означает колдовать, именно этого гоганни и боялась! Слова, сказанные среди тростников, звенели в душе до сих пор, но у слуг лишь одна госпожа... Выходит,

променявшая свое сердце на шестнадцать смертей – не первородная Ирэна?! Люди Талига так похожи...

– Мелхен, – сказала нареченная Юлианой, – что-то ты у меня бледненькая сегодня. И губки дрожат. Что случилось?

– Девушка на кухне стала бить другую, и я ушла.

– Глупышки, – покачала головой роскошная. – Это мужчины должны из-за нас драться, хотя я никогда не давала Курту повода. Никогда! Мы познакомились, и я в тот же вечер послала всех своих кавалеров – а они у меня были, можешь мне поверить – к кошкам.

– И они пошли? – спросила Мэллит, чтобы не молчать.

– Пошли. – Любящая прижала гоганни к себе. – А что им оставалось?

– Ничего, – прошептала гоганни, понимая, что сейчас услышит о былой радости и вновь не отведет беду. – Я... Слуги говорят странное. Они искали нож и боялись, что его взяла... Она опасна и полна зла!

– Ты опять? Я же объяснила тебе, что Ирэна не способна ни на зло, ни на слезы. На разумный поступок, впрочем, тоже. Додумалась запереть себя в этом рыбном садке!

– Я больше не ищу зла в хозяйке, – признала свою ошибку гоганни. – Нужно узнать, кто гуляет в галерее, когда идет дождь, и желает дурного.

– Узнать? – Вздох роскошной был глубок. – А ты разве не знаешь? Ирэна опекает свихнувшуюся сестру и делает это по-дурацки. Похоже, в этой семье весь разум достался маленькому полковнику.

– Сестру? – Конечно же! Пока Борнов было двое, Мэллит различала их, лишь когда братья были вместе. – Я не знала, что у озерной госпожи есть сестра.

– Ой, девочка... То, что знают все, каждый день не повторяют. Ты рассказала Чарльзу, что у меня есть племянники?

– Ни... Нет.

– А почему?

– Я не думала, что это нужно.

– Вот именно. Зачем говорить о том, что всем известно и не радует? О своих бедах жужжат лишь мухи, потому они так докучливы.

– Тут живет зло. – Почему, ну почему они не слышат и идут к обрыву?! – Я ошиблась в имени, но сестра Ирэны...

– Ее зовут Габриэла, если я не путаю. – Нареченная Юлианой зевнула и поправила шаль. – Бедняжка сошла с ума, когда муж у нее на глазах застрелил старшего Савиньяка. Подлец, хоть бы в сердце бил или в голову, а он в живот! Или рука дрогнула?.. Жену он тут же к отцу отправил, только она уже в мозговой горячке была. Болтали, будто это выдумка покойного Вальтера, который не хотел, чтобы его дочь допрашивали... Чушь, причем злобная! Герцог Ноймаринен вдову видел, он и устроил так, что ее под опеку семьи отдали, благо Борн не отпирался. Хоть на это совести хватило.

– Она – жена убийцы, и она может творить беду!

– Да не умеет она ничего! У моей матушки повар был, он себя петухом вообразил, от всех бегал, боялся, что сварят, ну а Габриэла вбила себе в голову, что умеет колдовать. Зрелище неприятное, что и говорить, мне в моем положении и впрямь лучше не смотреть, ну так Ирэна к нам ее и не пускает.

2

Появление Проэмперадора радовало уже тем, что Ойген нашел, на кого обрушить свои рассуждения. Если б эти двое в своих изысканиях еще обходились без генерала Ариго! Того же мнения придерживался и второй Савиньяк, после прибытия брата ставший для Жермона

просто Эмилем. Западная армия спешно готовилась к перемирию и еще к чему-то скверному, о чем даже думать не хотелось. Ждали Придда, новостей из Южной Марагоны, докладов от Айхенвальда с Фажетти, и еще ждали ответа Бруно. То, что не такой уж сильной, несмотря на подошедшие подкрепления, армии нужна передышка, Ариго понимал. Про Излом и бунт в Олларии он тоже понимал, пусть и меньше, но сама мысль договариваться с «гусями», не поквитавшись за Мельников луг, вызывала отвращение. Вот сбив с фельдмаршала спесь, можно было б и разойтись. До весны.

– Герман, – окликнул Ойген, – ты летаешь в облаках, как орел, но ведь ты леопард, а мы уже на месте.

– Прости, задумался. – Ариго принялся расстегивать пуговицы. Близнецы уже вовсю разминались, украсив опрятный забор маршальскими мундирами. – Не знаю, кто из нас двоих бергер, только отпустить Бруно, не отлупив... Я понимаю, так нужно, но чувствую себя предателем.

– Полностью разделяю твою досаду, – возвестил барон, – тем не менее чувствами порой приходится поступаться. Сегодня у тебя будет непростой противник, хотя удовольствие ты получишь. Еще одним удовольствием будут последующие булочки со сливками, подумай о них и развеселись.

– Вы с Савиньяком любой завтрак испортите, – Ариго вытащил шпагу. – Вчера ты выиграл уверенно.

– Маршал Лионель долго не тренировался, но в случае продолжения боя моя победа выглядела бы не столь убедительно. Если б она вообще была. Удачи, Герман.

– Удачи.

Мысль об утренних тренировках осенила Ойгена, решившего, что вид фехтующего начальства поднимет дух подчиненных. Эмиль не только согласился с этим, но и присоединился, прибывший Лионель тоже взялся за шпагу. Его первым противником стал брат, затем – Райнштайнер, сегодня пришел черед Ариго.

– А прохладно, – вместо приветствия заметил Эмиль. – До четырех? Или до шадди?

– Лучше зависеть от времени, чем от случайности, – выбрал бергер. – За столом нам предстоит важный разговор, а после завтрака назначена проверка артиллерии. Завтрак следует начать в срок.

– Не возражаю. – Проэмперадор отсалютовал шпагой. – Приступаем?

Бывший подросток из Сэ в самом деле оказался трудным противником, и, пожалуй, он дрался лучше брата. Жермон успел перепробовать многое из того, что отрабатывал с Ойгеном, получалось просто отлично, только Лионель либо вовремя парировал атаки, либо уклонялся от них. При этом Савиньяк почти не атаковал сам... Почти. Жермон едва успел отвести неожиданный и быстрый выпад, а шанса на контратаку ему не дали. Они уже несколько минут кружили по бывшему току, без толку стуча шпагами, и это не было так уж весело, это начинало злить, словно ты дрался с собственным отражением или, того хуже, сам стал отражением белокурого противника. Разве можно обмануть и достать клинком самого себя? Разве можно пропустить подобный удар? Старые защиты, новые... Стать Приддом... Вальдесом... Райнштайнером. Да, Райнштайнер победил. Вчера – и потому, что все вышло слишком быстро. Двойной финт... Как же, пропустит он! Обработка клинка. Сорвалось. Ложное отступление, так мы и поверили... Сейчас перебросит шпагу в левую? Так и есть, перебросил! И тут же отшагнул назад.

– Ариго, вы ведь знали, что я сделаю?

– Что... Разрубленный Змей, да, знал!

– А я знал, что будете делать вы. Барон, Эмиль, прервитесь-ка!

Первым, само собой, вышел из боя Райнштайнер, на физиономии которого читалась живейшая заинтересованность. Вот Эмиль, тот явно предпочел бы продолжить схватку.

– Если я правильно понимаю, – предположил бергер, – произошло что-то важное.

– Не произошло, происходит. Господа, мы с генералом Ариго предугадываем намерения друг друга. Вчера ближе к концу схватки мне показалось, что я знаю, что предпримет барон. Прежде за мной подобного не водилось даже во время тренировок с братом.

– У меня и сейчас не случается, – отмахнулся Эмиль, – и я что-то не заметил, что Райнштайнер меня раскусил.

– Нет, – подтвердил Ойген, – но я обратил внимание, что с некоторых пор мы с Германом угадываем движения друг друга. Я отнес это на счет пройденного нами обряда. Кроме того, я, хоть и не столь четко, чувствовал намерения адмирала Вальдеса, а он – мои. Нам следует немедленно убедиться в нашем открытии.

– Меняем, – подмигнул Эмиль, и клинки вновь застучали, но это уже не был бой с зеркалом. Жермону пару раз почти удалось обмануть противника и самому буквально в последний момент отвести весьма коварный удар маршала. До четырех уколов драться пришлось бы долго. Бой опять прекратил Проэмперадор, но отчета потребовал Ойген.

– Как всегда, – честно сказал Жермон. – Хотя... Мы так и не задели друг друга.

– Ну удружили! – фыркнул Эмиль. – Не думал, что чего-то там предвижу – дрался, как человек. Теперь знаю, и половина удовольствия кошке под хвост.

– То есть, – уточнил барон, – вы и Герман чувствуете друг друга?

– Пожалуй, да... Хотя до зеркала далеко.

– Приходится признать, – Райнштайнер повысил голос, – что граф Савиньяк, ты, Герман и я неким образом связаны, и это проявляется во время напряжения наших сил как телесных, так и духовных. И еще я бы очень хотел знать, что каждый из нас видел сегодня во сне. Лично мне казалось, что я еду зимним лесом верхом на рыси, что невозможно не только потому, что рысь не поднимет человека, но и потому, что их спины слишком гибки для верховой езды.

– Я видел отца, – коротко бросил Савиньяк. – И горы. Ветровую гриву.

– А я не видел ни гор, ни леса, – отмахнулся Эмиль.

– Разумеется, – пожал плечами его брат, – ты видел даму, и, возможно, не одну.

– А мне и сказать нечего, – развел руками Ариго. – Если я что и видел, то забыл. Зато, когда меня ранило, я говорил с ежом, а когда мы с Ойгеном встречали Зимний Излом, мне привиделся уезжающий всадник.

– Герман, – лицо бергера стало укоризненным, – этого ты мне не говорил.

– Говорил! – возмутился Ариго. – Еж был маленьким, и он назвался Павсанием. Были еще ежи, здоровенные, на них везли пушки. Эти молчали.

– Ты не рассказывал про всадника.

– Продолжим за столом. – Эмиль кивком указал на приближающегося порученца. – Как-то мы сегодня быстро управились.

– Да, – согласился Ойген, – мне тоже казалось, что еще рано, но тенъент Кальперадо всегда точен.

– Мой маршал, – точный Кальперадо шелкнул каблуками, – я позволил себе вас прервать. Прибыл капитан Давенпорт, у него дурные новости. В пятый день Осенних Скал в своем поместье утонул генерал фок Гирке.

– В том, что Давенпорт прибыл к нынешнему завтраку, есть глубочайший смысл. – Савиньяк взял с забора мундир за мгновение до того, как это сделал бы порученец. – Что ж, придется признать, что у нас есть определенные странности. И не у нас одних, за капитана Давенпорта, по крайней мере, я ручаюсь... Гирке – это серьезная потеря?

– Я бы назвал ее осязательной и несвоевременной. – Райнштайнер выглядел недовольным, словно Гирке самовольно отлучился, нарушив тем самым диспозицию. – Кроме того, я назвал бы ее странной.

3

Раз в Озерном замке думают, что ей все известно, можно смело спрашивать. Женщины любят сплетничать, это говорил еще отец отца. Они – женщины, они будут болтать, и что-то да откроется. Мэллит кончила натирать мясо смесью трав и соли и отправилась сполоснуть руки.

– А почему госпожу Габриэлу пускают на башню? – Гоганни посмотрела на поливавшую ей женщину. – Она может упасть и разбиться.

– Она туда не ходит, – спокойно объяснила служанка. – Хозяйка не дает.

– Но я видела. – Мэллит взяла полотенце с жесткой вышивкой. – С моста. Госпожа Габриэла поднимала руки к небу, как будто молилась.

– Змею такие молятся... – Женщина торопливо оглянулась. – Правду сказать, барышня, это Эдуард гадюку выпустил. Болван ее девчоночкой на лошадаках катал, вот слюни и распускает, а та и пользуется. Дурочка-то дурочка, но как из кого веревки вить, соображает. Эдуарда кто только не ругает, жена первая, толку-то... Да и госпожа туда же!

Болтливая вздрогнула и заговорила другим голосом:

– Так говорите, барышня, тмина поболее?

– Да, – так же громко подтвердила Мэллит, поняв, что они не одни. – И белого перца.

Все подтвердилось. Это нареченная Габриэлой угрожала небу! Это она бродит у воды, и это она сулила смерть брату. Брат не верил, только он еще не знал о новой беде, а творить волшебство может и безумица. Запятнать белую ткань легко, трудно вывести пятна, но всё сотворенное человеком человек и исправит. Если на то будет воля Кабиохова и благословение Его сыновей.

Подниматься на стены гостям не мешали, и Мэллит отыскала место, где стояла первородная Габриэла. Там не было ничего, кроме сырого камня, и девушка побрела прочь от зубца к зубцу, вспоминая страшные слова и страшные глаза. Слишком много смертей пришло в дом повелевающих Волнами, чтобы не верить ненавидящей! На войне убивают, это так, но жена мятежника враждебна тем, кто верен власти, а потерявшая мужа страдает, видя чужую радость. Первородный Валентин еще не любил, его сестра не знала счастья, и Габриэла залила чужой костер. Нареченный Куртом погиб, но злобная не насытилась и погубила графа Гирке. Мужа печальной Ирэны выманили из дома, он шел, не разбирая пути, и упал в канал. Остальное довершили рана и холодная вода.

Возле самых башмаков вспорхнул голубь. Не такой, как в Агарисе и Ракане – серо-сиреневый, маленький, с черной петлей вокруг шеи. Мэллит вздрогнула и очнулась – оказывается, она была уже над садом. Внизу пестрыми змейками вились дорожки, светлели поляны и зеленели груды еловых веток, ими по приказу хозяйки укрывали уснувшие цветы. Гоганни немного посмотрела на работников и двинулась дальше. Она ничего не искала и ничего не ждала, когда заметила внизу двух женщин. Плащи скрывали фигуры, но кто мог войти в желтую липовую галерею, если не нареченная Габриэлой и приставленная к ней?

Девушка подняла глаза к облакам, за которыми угадывалось солнце, но понять, который час, не смогла. Ждать не имело смысла, только Мэллит ждала и была вознаграждена. Из двоих ушедших одна вернулась, и вряд ли это была госпожа. Гоганни бросилась вниз, и ей четырежды повезло – нареченная Эмилией пила на кухне отвар из ягод, а старшая над подавальщицами ее куда-то зывала.

– Только до сумерек, – Эмилия поставила пустую кружку на стол, – а то мне мою козу загонять надо.

Женщины засмеялись; они не заметили Мэллит, и это было второй удачей. Теперь девушка знала, что первородная Габриэла одна в нижнем саду и до сумерек за ней не придут.

Решение вновь увидеть и навсегда понять пришло сразу. Запертая калитка в конце галереи подтверждала – опасная здесь; знакомый дуб подставил плечи, а башмаки Мэллит, пожертвовав головной лентой, связала и повесила на шею. С цветников доносились голоса – садовники продолжали накрывать растения. Работа прервется лишь в сумерках, но в нижнем парке цветников нет.

Шуршал под ногами гравий, чертили по небу крыльями вороны, копошились и свистели в кустах маленькие разноцветные птицы. Мэллит увидела рыжего хвостатого зверька – он висел на стволе вниз головой и смотрел на гоганни черными глазками. Жизнь, как могла, отвлекала от смерти, но девушка только ускоряла шаг. Она знала, о чем спросит, она помнила дорогу и остановилась лишь на пороге лабиринта, чтобы тронуть висевшую на шее звезду и попросить помощи. Чьей? Если бы Мэллит знала...

Тростники еще не поникли, однако прежде зеленая стена стала блекло-ржавой. Она тихонько шуршала, будто уговаривала вернуться, не трогать, не знать... Где-то здесь нашли графа, чье лица Мэллит не помнила. Хозяин Озерного замка был хорошим человеком, о нем жалела роскошная, его будет не хватать полковнику Придду. «Маленькому полковнику»... Почему овдовевшая так сказала, ведь нареченный Валентином высок и силен? Как хорошо и как важно иметь сильные руки и владеть оружием!

Вновь тронув дар воина Дювье, гоганни пошла дальше, сожалея о возвращенном на кухню ноже. Сухой шепот стал громче, он окружал девушку со всех сторон; казалось, каналы наполняет он, а не скрытая от глаз вода, и тем резче и злей прозвучали из тростников голоса. Мэллит не сразу сообразила, что говорят на такой же тропе по ту сторону шуршащей полосы. Две женщины спорили, и гоганни поняла, кто они.

Ветер доносил лишь отдельные фразы, сказанные громче других, но уста часто лгут, а сердце правдиво. Мэллит чувствовала главное: первородная Габриэла радуется и угрожает. Хозяйка отвечает коротко, ее голос глух и безнадежен, так травы прощаются с летом, а сердце – с молодостью. Если б Мэллит смогла приблизиться и подслушать, она бы так и поступила, но спорящих и гоганни разделял канал. Хуже того, девушка, вспомнив узор лабиринта, поняла, что первородные отрезали путь назад и уйти от сестер можно лишь к озеру. Там сходятся двенадцать дорог, и одиннадцать свободны.

– ...умрет! – донеслось сквозь шепот тростников. – ...не дождется... снега...

Надо было бежать к воде, но Мэллит расправила плащ и пошла навстречу сестрам. Зачем? Она не знала, но первородный Валентин остановил пришедшего за ничтожной выходца! И пусть повелевающий Волнами дал слово хранить недостойную, не взяв встречной клятвы, спасенный всегда в долгу. Молитвы хранят плохо, значит, нужно иное.

Гоганни выскочила из-за поворота в десятке шагов от двух женщин. Они были похожи и при этом различались, как два дерева, одно из которых зелено, а второе тронута желтизной.

– Опять она. – Габриэла улыбнулась, и ее улыбка была осенью и смертью. – Эта гостья мне нравится, но она еще не готова...

– Хватит. – Ирэна быстро пошла навстречу. – Мелхен, как вы здесь оказались?

– Я иду от озера, – солгала гоганни. – Я хотела увидеть, где загадывают желания.

– Ты не запираешь двери, и в них входит незваное. – Безумная откинула капюшон, на каштановых волосах сверкнуло солнце. – Эта девушка пришла и уйдет. С тобой останется пустота, потому что твое сердце заберу я. Ты будешь пуста, как колокол, и в тебя будет звонить боль...

– Идемте, Мелхен. – Сейчас Ирэна походила на своего брата, но казалась его матерью. – Прошу извинить графиню Борн. Она больна.

– Твой муж мертв, твой брат умрет, остальные уйдут...

Порыв ветра пробежал по тростникам, будто волна, теперь за спиной звучал тихий смех. Хозяйка замка шла быстро, но Мэллит не отставала и лишь думала, как скрыть свою дорогу.

– Мне следовало попросить вас не выходить в нижний парк. – Ирэна заговорила, едва они покинули ловушку из шепота и ненависти. – Слуги сюда ходят лишь по обязанности, а о вас я не подумала. Вы хотели загадать желание?

– Да, – солгала Мэллит. – Я пришла давно и стояла у воды.

– Я тоже загадывала... – Как похожи лица, как непохожи улыбки. – Видимо, я неправильно просила или сделала это слишком поздно. Вас очень испугала моя сестра?

– Нет.

– Вы смелы и великодушны, Мелхен. Я очень хочу, чтобы вы нашли свое счастье, вы его достойны.

– Вы тоже, сударыня.

– Мне когда-то тоже так казалось. Очень давно... Я была немногим старше вас. – Рука первородной касается виска. Так мало лет, так много ставшей серебром боли.

– Сударыня, госпожа Габриэла уверена в своих словах.

– Это свойственно нашей семье. Мелхен, я вижу, как вы беспокоитесь о баронессе Вейзель. Я заметила, что, когда я возвращаюсь из сада, вы всякий раз выходите меня встречать. Поймите, что бы ни думала моя сестра и что бы она ни говорила, это не несет опасности гостям Альт-Вельдера. Будь иначе, Валентин никогда бы не пригласил вас сюда и не оставил здесь после гибели графа Гирке.

– Да, – подтвердила Мэллит, – я это понимаю, но что будет с вами?

– Моим братьям ничего не грозит, а со мной все уже произошло. Я боюсь лишь неурочных заморозков, черемуховой моли и медведок, – на тонкое, напряженное лицо тенью облака опять легла улыбка, – а над ними моя сестра не властна.

Первородная шутила, и Мэллит тоже улыбнулась. Сестра и брат недооценивали опасность; да, сейчас им ничего не грозит, но Мэллит все равно решила написать помнящему о бедах Райнштайнеру. Она обдумывала письмо, пока не уснула и не увидела во сне величественного барона. Он стрелял по рычащим медведкам, а рядом стоял Валентин и перезаряжал пистолеты. Утром гоганни была совершенно спокойна, утром выпал первый в этом году иней, и все стало серебряным и светлым, как глаза полковника Придда.

Глава 9

Гайфа. Кипара

400 год К. С. 17-й день Осенних Скал

1

Только-только перевалило за полдень, словно бы и не осеннее солнце старалось вовсю, слепя глаза и припекая обтянутые мундирным сукном плечи. Предпочитавший жару холоду и сушь сырости Капрас этому скорее радовался: влипнуть в полосу дождей означало надолго застрять в раскисших черноземах, а Карло торопился. Новый император начинал с чистого листа, и наклеенные Забардзакисом ярлыки утратили силу. Теперь все зависело от собственной расторопности, исполнительности и удачи, которая должна же когда-нибудь прекратить лягаться! Маршал надеялся на лучшее и делал что мог, дабы исполнить приказ Богоизбранного Сервиллия.

Новое титулование потихоньку становилось привычным, и вообще – почему бы Создателю, в самом деле, не избрать Ореста? Чтобы спасти империю и оценить Карло Капраса по заслугам – а заслуги, пусть и не великие, имелись: созданный в считанные месяцы корпус и успешный марш. Ну, и артиллерийские достижения Ламброса, само собой.

– Мы еще увидим, как язычники побегут от ваших запряжек, – поделился своими мечтами Капрас.

– Если только Ворон не набрался своих штучек от морисков, – усомнился присоединившийся к маршальской кавалькаде Ламброс.

– А хоть бы и так! – Капрас утер взмокший лоб. – Главное, мы теперь во всеоружии.

– Пожалуй, – сдержанно согласился артиллерист. – Будь у меня при Дараме то, что есть сейчас, мы могли бы и устоять. Разрешите отбыть?

– Не разрешу! – засмеялся Карло. До выбранного для привала местечка оставалась еще пара часов, однако жара донимала все сильнее. Маршал вместе со свитой и штабными ехал за колоннами передового полка. Глотать поднятую солдатскими башмаками пыль удовольствия не доставляло, и кавалькада держалась обочь дороги, благо поля по обе стороны тракта это позволяли, а устойчивый ветерок исправно сносил пыль в сторону от высокого начальства. И все равно хотелось в тень.

Когда впереди показалось селенье – три десятка домов, речка, густые сады, – Капрас не колебался. Приказ вызвал у свитских счастливые улыбки, воспрянувшие порученцы поскакали вдоль растянувшихся колонн, а сам Карло, подавая пример спутникам, направил коня к постоялому двору, уже оцепленному парнями Гапзиса, – ветеран с ходу сообразил, что нужно делать, он всегда соображал.

– Любезный, – спросил маршал суетливого толстяка в белом с вышивкой фартуке, – как тут у вас?

Оказалось, все хорошо и даже отлично – и урожай, и власти, и дороги до Мадокв и дальше, ну совершенно не о чем беспокоиться!

Стук копыт идущей галопом лошади ворвался в ласковый говорок, будто камень в сонную заводь швырнули. Хриплая перепалка под окнами, топот, и нате вам – сержант-драгун из авангардного эскадрона.

– Ну, – со вполне простительной для голодного человека досадой бросил Карло, – что такое?

Вертевший головой в поисках главного начальства сержант выпятил грудь и хриплым, пропитым напрочь голосом попросил разрешения доложить. Получил оное, зверски щелкнул каблуками и выпалил одним духом:

– Господин маршал, господин полковник Василис почтительнейше докладывают!.. Так что на мельнице нашей... его... первой ротой окружены злоумышленники, поднявшие оружие на воинов императорской армии!

– Что-о-о-о?!

– Так что злоумышленники! – изо всей мочи заорал гонец. – На мельнице! Подняли оружие!..

– Стоп. Давай по порядку.

Сержант напрягся, будто в отхожем месте, и дал по порядку.

Не успели драгуны организовать бивак, как из кустов выломился клирик и с ним малец лет шести. Перепуганный, грязный, мокрый, что твоя лягуха. Плачет, заикается, а святой отец переводит, что на их дом напали чужие люди. Какой дом? Ну, мельница ниже по реке, она господину высшему нотариусу из Мадоков принадлежит, мальчонкин отец там арендатором, а братья старшие помогают. И тут пришли, значит, эти... берегом пришли...

– Сколько их?

– Не могу знать! – Драгун исхитрился еще сильнее наморщиться. – Считать малой не умеет. Две пятерни ему показали, говорит – «больше», еще показали – не соотносит, «много», и всё. Брата вроде топором ударили, мамку тоже, потом папку с верха мельницы скинули, он упал и не шевелился. Сестры еще кричали, как он убежал. Всё выносить стали; зерна и муки много, таскать долго.

– А священник-то откуда взялся?

– Из церкви здешней, откуда еще? Парнишка спрятался сперва, сидел в канаве. Потом кто-то прибежал и стал ругаться. Так что малой под шумок и утек. Сначала полз, там один с пистолем на крыше сарая сидел, вокруг смотрел, ну да бурьяны хоть и невысокие, а густые, вот мельничонок и пробрался. А потом побежал. В церковь дорогу знал, туда и дунул, а клирик нас видал, мы ж того, мимо шли. Капитан наш как услышали «зерно», «припасы», сразу встрепенулись. Ну, и подняли роту. Так что поскакали, парнишка тропку показал, чтоб мельницу обойти и не дать злоумышленникам в лесок утечь. Гады как раз подводы нагрузили и наладились удирать, да не вышло.

– Повязали?

– Какое там! Засели на той мельнице, лаются почем зря да стреляют. Посчитали, сколько народу палит, десятка три наберется, не меньше... Дом крепкий, понизу камень, место вокруг больше открытое, мельница же! Когда третьего нашего подбили, капитан велели отойти, окружить и скакать с докладом к полковнику, а господин Василис уже к вам послали... Виданное ли дело, отребье придорожное с мушкетами бродит и смеет бой принимать?!

Офицеры переглядывались, на обожженных кагетским солнцем физиономиях читались недоумение и пробуждающаяся злость. В сердце Гайифы разбойники не просто средь бела дня режут честных людей, ублюдки смеют поднимать хвост на мундиры! Новость казалась невероятной, но лишь на первый взгляд.

Капрас взялся за шляпу:

– Ну вот вам, господа, и ответ насчет давешнего «зачем чиновнику такой эскорт?». Вот за этим за самым...

– Закатные твари! – Ламброс торопливо сунул в карман кусок хлеба. – Если в округе творится Леворукий знает что, какого... молчат и мнутя? Кого боятся, шкуры чернильные?!

– Начальства, – подсказал Агас. – Чиновники всегда боятся начальства, но дела и впрямь странные. Когда я... когда меня отправляли в Кагету, ни о каких разбойниках никто не слышал.

– Вот и посмотрим, кто ж это тут такой храбрый, что готов бодаться с регулярной армией.

Кого лучше послать? Еще одну драгунскую роту? Пожалуй, не стоит.

– Гапзис, давай-ка своих молодцов пошевели. Бириссцев не испугались, с местными разбойничками тем паче управятся...

2

Хоть и узкая, но наезженная – к мельнице, не куда-нибудь! – дорога петляла меж разгороженных живыми изгородами пастбищ; мальчишка наверняка бежал напрямик, но для роты это не годилось, а спешка нужна при ловле блох или тех, кто вот-вот удерет. Окруженные же разбойники могли лишь огрызаться, тратя порох и пули, и вряд ли при них был целый арсенал.

– Не понимаю, – наверное, в десятый раз начал Левентис. – Откуда эта наглость? С казарнов бы еще случилось, но мы не в Кагете...

В Кагете, по крайней мере в Кагете Лисенка, грабители на дорогах не баловали, но поправлять гвардейца Карло не стал. Агасу, как и самому Капрасу, на казарию было чихать, но родимые безобразия, которые местные власти изо всех сил пытались скрыть, наводили на размышления. Малоприятные. Маршал придержал коня, принуждая и себя, и свиту не отрываться от ребят Гапзиса. Они были как раз на полпути к цели, когда над колючей зеленью показались решетчатые крылья. Капрас привстал в стремях и вытащил зрительную трубу.

– Надо же, – ворчал он, оглядывая добротные строения, – почти форт. Господин нотариус при строительстве не скупились. И окошки маленькие, настоящие бойницы...

В довершение сходства из темных щелей бодро вылетали белесые облачка – непонятные разбойники все еще оборонялись.

– Господин маршал, – негромко попросил Ламброс, – разрешите отбыть?

– Отбывайте, – отмахнулся задумавшийся Карло. Дорога нырнула вниз и теперь бежала сквозь отчего-то не вырубленную хозяйственными крестьянами рощу. Благодатная тень спасала от злобы послеобеденных лучей, беззаботно порхали птичьи стайки. Если бы не мушкетная пальба впереди, было бы мирно и красиво, хоть бери Гирени и гуляй с ней у ручья, потому что ручей тут есть наверняка.

– Прошу прощения, – внезапно сказал ехавший рядом Левентис, – но вам не стоит заниматься разбойниками.

– То есть лезть под пули? – уточнил Капрас, давая жеребцу шенкелей. – Я уже давно не лезу.

Когда дойдет до морисков, в огонь пойдут и военачальники, узнать бы еще, сколько таких сейчас у Сервиллия. Карло не то чтобы примерял себя к целой армии, но нет-нет да и приходило в голову, что язычники и парни Задаваки число стратегов изрядно уменьшили, и держать маршала, причем не паркетного, на корпусе по нынешним временам – расточительство. Дальше этой мысли Капрас старался не заходить, но какая девица не думает о женихе и какой вояка – о новой перевязи? Увы, первое по возвращении сражение выходило смешным и при этом... уродливым.

Ветерок бросил в лицо знакомую пороховую вонь, зловещий треск стал громче, тропинка обогнула начавший желтеть орешник и маршал увидел мельницу на взгорке, лошадей и мертвецов. Тела трех драгун лежали на вытоптанной поляне, рядом сидел, шипя сквозь зубы и вытянув вперед простреленную ногу, потерявший шляпу капрал.

– Полковник, – объяснил он, – за кустами... Сад там... Фруктовый.

При виде командующего предводитель драгун вытянулся в струнку, он был беспокоеен и зол, главным образом на своих умников. Умники в лице чернявого капитана и раненого теньента смотрели кисло. Еще бы: и в драку полезли без приказа, и успеха не добились, и людей положили.

– Рекой не уйдут? – не стал вдаваться в подробности неудачи Капрас. – Там ведь лодки должны быть?

– Нет, господин маршал! – Василис был рад доложить хоть что-то хорошее. – Афендучи сразу же отрядил людей и выше мельницы, и ниже. Берег чистый, без тростника, все как на ладони. Лодка одна, у мостков, всех ублюдков не вместит, но попытаться они попытались. Человек пять... Одного мои парни подстрелили, остальные назад убрались, а вплавь рискнут – перестреляем как уток.

– Это если рискнут. Терять людей у какой-то паршивой мельницы – не дело. Доберемся до морисков – каждый умелый солдат пригодится... Гапзис! – окликнул Карло всю распоряжавшегося ветерана, чьи пехотинцы, разбившись на группы, уже подбирались к осажденному дому.

– Господин маршал?

– Крикните для порядка, чтоб скрутили главарей. Клирик тут еще?

– Не знаю, не видел.

– Тут! – рявкнул на глазах обретающий обычную лихость драгунский капитан. – Я им с мальчиком велел у коновязи ждать.

– Агас, бери святого отца, пусть попробует наставить грешников на путь истинный. Не выйдет – придется штурмовать. Не оставлять же отряд для долгой осады... Пойдите-ка!

– Господин маршал!.. Просьба господина полковника... – Молоденький тенъент-артиллерист, один из помощников Ламброса в его возне с облегченными лафетами, начал свой доклад еще на бегу. – Подождать со штурмом... до его прибытия...

– Когда пушки будут здесь?

Что затеял невантец, Капрас сообразил сразу, занимало другое: извилистая неширокая дорога-тропа казалась мало пригодной для того, чтобы проташить по ней артиллерийские упряжки.

– Еще четверть, ну в крайнем случае, полчаса. Господин маршал, мы проедем... Мы обязательно проедем!

3

На предложение сдаться разбойники ответили пальбой. Отец Ипполит, плотный румяный человек с голубем Милосердия на плече, огорченно развел руками. Увещевая бандитов, он проявил недюжинное красноречие и совсем не испугался выстрелов, может быть, потому что до сегодняшнего дня война была для него не больше чем словом.

– Вы прежде ни о чем похуже не слышали? – Маршал кивнул на мельницу.

– Нет. – Клирик опять развел руками, почти как давешний трактирщик. – Ничего страшней сведенной кобылы не припомню.

– А что ж тогда чиновники с охраной путешествуют?

– Того не знаю. Господин нотариус, хозяин мельницы, на прошлой неделе приезжал с матушкой без охраны, а он – невеликой смелости человек.

– Похоже, эти лисы орудовали в Мирикии, – предположил Карло. – Надо думать, там их прижали, вот они курятник и сменили. И все равно, слишком уж нагло!

– Вы, господин маршал, человек военный, вам виднее.

– Зато вы – человек местный. Трактирщик говорит, у вас тут чуть ли не Рассвет... Сплошная благодать.

– Благодать не благодать, но живем хорошо. Не без грехов, конечно, однако загубленных душ не припомню, хотя... Был на мельнице работник, года два назад проломил голову приятелю и сбежал. Говорили, вором стал...

– Прошли, господин маршал, прошли!

Щелканье кнутов, скрип колес и многословная ругань возвестили о приближении нового средства вразумления упорных разбойников. У Ламброса таки получилось! Изрядно намучившиеся кони выволокли на широкое место зарядную повозку и две пушки на тех самых уменьшенных и облегченных лафетах.

– Мой маршал, предлагаю время не терять! – Довольный полковник не удержался, сделал размашистый жест рукой – дескать, вот они, мои голубушки. – Мы живо объясним этим придуркам, что они не мориски.

– Действуйте!

Вот и проверим, что у Ламброса с Медерисом вышло. Одно дело стрельбище, другое – какой-никакой, но бой.

– Как думаете, пары залпов хватит?

– Позвольте... – Ламброс смерил строения внимательным взглядом. – Начнем с двух залпов, а потом посмотрим. Сразу сдадутся, хорошо, нет – продолжим стрелять, пока люди Гапзиса не подберутся поближе.

– Я своих оставшихся сейчас же пошлю в помощь парням на берегу. Если эти... – Василис мотнул головой, явно глотая ругательство, – попробуют всей шайкой прорваться к реке, перебьем!

– Идите.

– Но... Господин маршал, – священник сунулся вперед, став еще румяней, – в доме не только разбойники...

– Вы же сами мальчишку расспрашивали, – напомнил чернявый Афендучи, – родных поубивали сразу же. А если кто еще и жив, что поделать... Сами говорите, на все воля Создателя, я здесь уже троих положил!

– Помолчите! – повысил голос Карло. – Мы сделаем что сможем.

Священник вздохнул и отошел, шевеля четками, которых Капрас сперва не заметил. Артиллеристы споро готовили свои орудия. Минут десять, не больше, и два бронзовых жерла угрюмо уставились на пока что целую мельницу.

– Бацуты засели в доме, с него и начнем. – Капрас подмигнул подчиненному. – Надеюсь, не промажете.

– Всего триста шагов... Это не расстояние! – не принял шутки Ламброс и махнул рукой. – Пали!

Пара гулких ударов, пороховой дым, разлетающиеся обломки стен и крыши, сорвавшиеся с поздних слив и сгинувшие за рощей скворцы.

– Отлично! – обрадовался Ламброс. – Заряжай!.. Еще пара залпов, сударь, и Гапзис может атаковать. Сильного огня быть не должно.

Его и не случилось. Мушкетеры со всех сторон бросились вперед, к продырявленным, перекошенным стенам. Откуда-то из остатков чердака ударил один выстрел, другой, в ответ гаркнула пушка, полетели новые обломки. С берега доносилась частая трескотня – драгунам тоже нашлась работа.

Чердака у дома больше не было. Добежавшие солдаты муравьями лезли в уцелевшие двери, окна и прямо в проломы. Стихло и у реки, спустя пару минут оттуда показались драгуны, с двух сторон верхами возвращавшиеся к мельнице. Ехали спокойно, шагом, значит, прорваться к воде у шайки не вышло... Что ж, пожалуй, с этим делом всё.

– Ламброс, вы молодец! – Капрас от души хлопнул полковника по плечу. – Такая артиллерия неплохо себя показала бы в кагетских горах и долинах... Но, честное слово, хорошо, что обошлось без этого, нас ждут дела поважнее! Парни, живого кого нашли?

Карло не сомневался, что хозяева погибли сразу или почти сразу. Он ошибся.

– Девушка жива... Одна. – Такого лица у Гапзиса маршал еще не видел. – Не изнасиловали... нет. Нос и уши отрубили. И руки. Обе, по локоть. Я перетянул как мог, клирика б ей...

– Я иду, – заторопился отец Ипполит, – иду!..

– Удачи. Этих... сюда!

Всего налетчиков было три десятка без малого. Половина погибла при обстреле и на берегу, раненых, поглядев на мельниково семейство, прикончили на месте, но пятерых более или менее целых из дома для начальственного решения все-таки выволокли. Перебитые руки, поломанные ребра, разбитые прикладами морды – это не в счет, не смертельно же.

– Тут бы и вздернуть, – предложил кто-то за спиной. – Сучьев хватает.

– Ах вы ж...

Маршал воевал с восемнадцати лет, но такую брань слышал нечасто. После бандитского пожелания морискам удавить пушкарей драгунскими кишками захотелось прикончить ублюдков прямо на месте, но Карло давно выучился сдерживать подобные порывы. Разбойников вешают по приговору губернаторского суда, дезертиров расстреливают, мародеров порют, клеймят и сдают в бессрочную каторгу. Таков порядок вещей, и менять его глупо и опасно. Капрас вскочил в седло и разобрал поводья.

– Казнь лучше провести при стечении народа, то есть в Мадоках, да и порасспрашивать субчиков не помешает. Откуда такие храбрые тут взялись.

– Сковать по рукам и ногам! – крикнул Ламброс. – И в телегу под охрану. Чтоб до виселицы дожили! Понятно? Выполняйте!

Вот и все, вот дело и сделали. Артиллеристы молодцы, Гапзис тоже молодец, драгуны сперва оплошали, но ведь выправились же! Можно считать, корпус очередное испытание прошел успешно, только радости не было, одна с трудом сдерживаемая ярость.

Сорваться в галоп помешал бегущий от развалин священник, странным образом напоявший недавнее явление молоденького артиллериста.

– Господин маршал... – румянца на лице клирика больше не было, – господин маршал... Я беру грех на свою душу! Беру!.. Добейте ее... Я не сумею, это – нет!

– Хорошо, – после минуты всеобщей оторопи откликнулся Ламброс. – Святой отец, подождите здесь. Господин маршал, разрешите?

– Идите.

Капрас не слишком вслушивался в сдержанный гомон, но резкий крик прямо-таки саданул по ушам. И не только по ушам.

– А че?! – вопил разбойник с разбитой рожей. – Че?! Сучонка поганая! Брезговала, да? Ну так ее сокровище при ей...

– Создатель, – отец Ипполит шагнул к мерзавцу, вытянув вперед руки, будто слепой, – Создатель... Это... Я говорил вам про него... Говорил...

– Бывший работник?

– Д-да...

– Отлично! – рыкнул Капрас, спуская с цепи бесновавшегося в душе волкодава. – Этого – здесь! Руки, ноги долой, культы перетянуть – и на мельничные крылья. Пусть вознесется. Напоследок.

Глава 10

Талиг. Гёрле

Альт-Вельдер

400 год К. С. 17–18-й дни Осенних Скал

1

Фрошерский гвардейский мундир покроем не слишком отличался от дриксенского, и Руппи в нем чувствовал себя свободно, в монашеском балахоне было куда непривычней. Что до не подобающего офицеру кесарии поступка, то наследник Фельсенбургов надел черно-белое не из трусости, не от скуки и даже не на пари. Барон Райнштайнер считал маскарад крайне важным, а бергер казался способным на многое, но не на глупый розыгрыш. Видимо, разговор с арестантом и впрямь был необходимой увертюрой к беседе с Савиньяком, и потом Руппи перебил слишком много яиц, чтобы считать скорлупки.

– Капитан Оксхолл... – Лейтенант с гвардейской небрежностью кивнул небритому человеку без перевязи и пояса. – Я капитан Фельсен, офицер для особых поручений при особе регента. Мне нужно задать вам несколько вопросов.

– Очень приятно. – Небритый кривовато усмехнулся; его физиономию украшали три успевших пожелтеть синяка. – Вы, видимо, появились, когда я уже... отбыл из Тармы.

– Да, – подтвердил Фельсен-Фельсенбург, – мы разминулись. У вас есть жалобы?

– А вы доведете их до сведения судьбы? – Собеседник тронул место, где некогда была перевязь. Он держался хорошо, даже отлично, но удовольствия его общество, мягко говоря, не доставляло.

– Судьба не является моим непосредственным начальством, – сухо заметил лейтенант и, поняв, что сказал, улыбнулся. Собственным мыслям, однако арестант рассудил по-своему и улыбнулся в ответ. Вышло отвратительно панибратски, но фрошер к этому, видимо, и стремился.

– Да вы счастливчик, молодой человек, – тоном старшего товарища объявил он. – Хотел бы я не зависеть от сей ополчившейся на меня дамы.

– Похоже, упомянутая госпожа покровительствует другой особе, на которую ополчились уже вы. – Руппи старался выглядеть беспечным, и это удавалось, хоть и с трудом. – Ваше поведение офицера не украшает, тем более что девица на редкость хороша.

– Савиньяк тоже так считает...

Фрошер владел искусством похабных намеков не хуже младшего Марге и покойного Хосса. Не любивший подобного Фельсенбург с радостью препоручил бы собеседника папаше Симону, но ничего безумного в Оксхолле не было, сволочь и сволочь. Умеющая себя подать, озабоченная своим положением и отнюдь не напуганная.

Руппи собрался с силами и погнал разговор дальше. Его просили о полчаса наедине, полчаса он выдержит.

– Тем не менее ваши вспышки чести вам не делают.

– Согласен. – Арестант непринужденно развел руками, с которых, как и с физиономии, еще не сошли синяки. – Но еще больше это не делает чести тому, кто подсыпал мне какую-то дрянь. Я далек от того, чтобы кого-то обвинять, но либо я кому-то мешал, либо дело в моем месте, которое, насколько я понимаю, отошло вам. Кстати, я никогда не слышал ни о вас, ни о ваших родичах...

– У моего отца другая фамилия, – сказал чистейшую правду Руперт. – Достаточно громкая, чтобы я мог получить место, никого не опорочив. К тому же второй приступ у вас случился уже здесь. Таинственный «кто-то» последовал за вами в Герле и оказался столь ловок?

– «Кто-то, кому-то...» Звучит уклончиво, признаю, – теперь мерзавец вздохнул, – однако, не имея доказательств, я не вправе называть имен. *Кому-то* понадобилось опорочить меня еще и перед командованием Западной армии. Я же опрометчиво согласился позавтракать. Что было потом, не помню, мне рассказали, что я пытался напасть на графа Савиньяка. Видимо, доставшийся мне яд способствует искренности.

– Вы полагаете виновником своих бед Савиньяка?

– Я еще не обедал и поэтому не скажу вам ничего, что можно использовать против меня, но позвольте совет. Кем бы ни был ваш отец, говоря о Савиньяках и Валмонах, не ленитесь называть полный титул или должность. Вы мне симпатичны, и я не хочу, чтобы в один печальный день вы очнулись без перевязи, в синяках и ничего не помня.

– Я правильно понял, что вы голодны? – уточнил Руппи, ругая себя за ошибку. Наследник Фельсенбурггов не нанимался величать фрошеров по всем правилам, но, надев чужой мундир, надевай и чужие мозги.

– Лучше голод, чем безумие, – отмахнулся Оксхолл. – Вы не сочтете за труд передать мое письмо регенту?

Руперт кивнул. Его любезность находилась при последнем издыхании, и это лейтенанту не нравилось. Очень. Бесноватым числился Оксхолл, однако он был спокоен, как Райнштайнер, зато Руппи будто кошки под руку толкали. Арестант, впрочем, счел кивок знаком нарождающейся симпатии и перевел разговор на Тарму, вернее на бывших сослуживцев, к которым не имел никаких претензий, пусть и не мог сдерживать понятной горечи. Марге, ухвати его кто за хвост, вел бы себя похоже, только от такого извивания до претензий на корону всех варитов – как от Агмарена до Аstrapовых Врат...

– Капитан Фельсен, – жизнерадостный голос за спиной прервал почти нестерпимое свидание, – вас срочно требует маршал Савиньяк. Я провожу вас...

– Ах ты ж, гаденыш! – Марге исчез, то есть исчез благородный страдалец, он же интриган и придворный. На месте светского господина с синяками шерился и сжимал кулаки перепивший мародер. – Сейчас от тебя мокрого...

Дальнейшее поведение Руперта одобрил бы разве что Бешеный. Лейтенант расхохотался, пинком отшвырнул табурет и выхватил шпагу.

– Сударь! – завопили сзади. – Не трогайте его, сударь! Он нужен жи...

– Ты... Да я... Да...

– Шварцготвурм!

Эфес вломил аккурат в челюсть, прервав непристойный во всех отношениях монолог. Полетели по недоразумению не выбитые прежде зубы, в дверь с веревками наготове ворвалась пара «фульгатов», и Руппи, тяжело дыша, посторонился. Оксхолл на полу шипел и плевался кровью, найти более бесноватого господина было бы трудно.

– Сударь, – напомнил молоденький светловолосый фрошер, – вас ждет маршал.

– Хорошо, – буркнул Фельсенбург, пытаясь подавить жажду убийства. – Идемте. Господа, прошу простить... мою горячность.

– А славненько вы его, – одобрил «фульгат» постарше, затягивая ремни. – Теперь ему только кашу и жрать.

– Я б таких вешал! – со злостью бросил Руперт. Теперь он видел, и теперь он понял, как это бывает. Светловолосый парнишка что-то усиленно объяснял, а лейтенант думал о старике Марге и его семейке. Бывшие прихвостни Фридриха годами мечтали урвать кусок побольше, но опасались бросить на весы всё... Они больше не боятся за свою шкуру, а Создателя они не боялись никогда. И еще они ненавидели: бесноватый фрошер – Савиньяков, Марге – кесарскую

фамилию, Штарквиндов, Фельсенбургов, всех, кто выше, удачливей, смелее. Страх и ненависть уравнивали друг друга, теперь одна чаша весов опустела.

– Проэмперадор Севера и Северо-Запада квартирует в этом доме, – напомнил о своем существовании провожатый, и Руппи понял, что ведет себя как полный невежа.

– Нас друг другу не представили, – лейтенант постарался, чтобы его голос звучал как можно беспечней, – но в нынешних условиях это излишняя роскошь. Вы меня знаете, я вас нет.

– Герард, – улыбнулся фрошер. – Если потребуется, тенъент Кальперадо. Вы путешествовали с моей сестрой, она о вас очень высокого мнения.

– Я польщен, – совершенно искренне сказал Руппи, и лежавшая на душе тяжелая ненависть отпустила, словно утопленника багром отпихнули. – Вы не будете возражать, если я продолжу знакомство?

– Разумеется, нет! Селина скоро вернется, она... Ее пригласили бергеры по крайне важному делу, а я не смог ее сопровождать.

Что за важные дела с бергерами могли быть у разъезжающей в мужском платье красавицы, и почему ее жизнерадостный брат находит это естественным, Руппи выяснить не успел. Они миновали дежурных «фульгатов», и Герард распахнул дверь, за которой предположительно был Савиньяк. Однако увидел Руперт корнета Понси. Красный, как сам закат, и не столько недовольный, сколько растерянный, он смотрел мимо лейтенанта. Понять, куда именно, мешала дверь, которую придерживал Герард.

– Корнет, – раздалось из комнаты, – для поэта вы подбираете оскорбления просто отвратительно. Допустимо назвать неприятного вам человека негодяем, а даму – куртизанкой и исчадием порока. Это, даже будучи недоказуемым, произведет некоторое впечатление, хотя бы за счет экспрессии. Но назвав того, кто оставил вас в дураках, глупцом, а несомненную красавицу – дурнушкой, вы расписываетесь в собственной несостоятельности. Сейчас вы меня ненавидите, попробуйте выразить свои чувства словами. Господин Фельсенбург, не стойте в дверях, вы загораживаете дорогу поэту.

– Никоим образом, – пробормотал Руппи, пробираясь в обход Понси к окружившим стол могучим стульям.

– Я хочу в кровавый бой! – взвыло за спиной. – Я рожден для страдания и гибели среди дыма и пламени... Я...

– Видите ли, корнет, – стройный мужчина с льяными волосами поигрывал алой перчаткой, – войны я предложить вам сейчас не могу. Ступайте и попробуйте написать что-то действительно обидное. Кругом. Марш.

Понси дернул головой, как дергала, готовясь вспрыгнуть на колени, Гудрун, издал даже не кошачий – мышинный писк, щелкнул каблуками, споткнулся и вылетел вон. Хозяин комнаты, даже не взглянув в его сторону, протянул руку.

– Лионель граф Савиньяк, – отрекомендовался он. – Вы хорошо действовали как в Эйнрехте, так и у Китят.

– А вы... Вы хорошо действовали у Ор-Гаролис и в Гаунау.

– Мне ничего другого не оставалось, как, впрочем, и вам. Садитесь.

Победитель, подлинный победитель Фридриха оказался тварью позакатней Вальдеса, поэтому собственные когти Руппи решил предъявить немедленно.

– Господин Савиньяк, – не допускающим возражения тоном сообщил лейтенант, – с вашего разрешения, я сниму этот мундир.

– Варвары прекрасно обходятся без мундиров. – Маршал бросил перчатки на стол, алой искрой сверкнул одинокий, видимо – родовой, перстень. – Руперт, вы готовы ощутить себя варваром?

Вскидываться на дыбы было глупо. Руппи быстро, как и положено моряку, избавился от чужой перевязи, но этим и ограничился. Разговор обещал стать одним из самых странных в

жизни наследника Фельсенбургов, но на столе Савиньяка хотя бы не лежало Эсператии, или как там ее называют фрошеры.

2

– Слушай... – Роскошная положила руку Мэллит на свой живот. – Вот так, девочка, это и приходит.

Мэллит слушала зреющую жизнь, опустив глаза. Она понимала, сколь это важно для матери и всех любящих ее, только поет не разум, а сердце. Сердце гоганни молчало, но правда не всегда лучше лжи, пусть пойманная ложь и ранит, как шипы обманных роз.

– «Это счастье самого счастья», – прошептала гоганни строки Кубьерты. – «Это бутон весны и исток вечности».

– У тебя это тоже будет. – Юлиана была довольна, и Мэллит поняла, что говорила правильно. – И не выдумывай всякие глупости! «Счастье счастья»... У нас два счастья: твой единственный и его дети, именно *его*. Ирэна, хотя я ее и ругаю, это понимает, оттого и ветропляска... Если не любишь мужа – ребенка или недолюбишь, или, того хуже, перелюбишь. Как бестолковая кошка, что котят до смерти затаскать может. Видела я таких, у них дети, прости Создатель, вместо мужей, только что без постели. От себя не отпускают, а зятьев и невесток загрызть готовы. Нет, Мелхен, сперва – любовь, а потом уже дети, так что не торопись. Ты у нас хоть и малюсенькая, а красавица, одна не останешься!

– А мужчины? – быстро, чтобы не говорили о ней, спросила Мэллит. – У них тоже два счастья?

– По-хорошему – три, не повезет – одно, но оно всегда с ними. Для мужчины впереди всего дело, потом – любовь и наследники. Мужчина, который по женскому слову все бросит, ни на что не годен. У Курта была я, но первыми были пушки. Ты же знаешь, что его последний выстрел был великим?

– Он спас всех.

– Не только. Так еще никто и никогда не стрелял! Для мужчины очень важно стать первым, проложить дорогу... Мужа нельзя тянуть к своей юбке, если и притянешь, то одну шкурку. Пустую. Опилками набить можно, толку-то! Тебе кто больше нравится – Давенпорт, Придд или Бертольд?

– Капитану Давенпорту плохо, когда идет дождь.

– Ты добрее меня! Давенпорт просто зануда, хотя лицо приятное. Я бы выбрала Бертольда... Для тебя выбрала бы, для меня мог быть только Курт. Ты пока не знаешь, как это приходит. Один взгляд, одно слово, и ты – его, он твой, а остальных словно бы и нет.

Гоганни знала. Именно это она и знала, но у роскошной дивный цветок принес добрый плод, а у Мэллит лепестки побилло градом. Нареченная Юлианой всё говорила о счастливой любви, будя память о любви глупой и постыдной. Гоганни казалось, что рана на груди вот-вот закровоточит, как случилось во время боя, однако оборвать лозу памяти девушка не решалась, ведь это была память Курта. Мэллит слушала, теребя кисти шали, пока не постучала первородная Ирэна, и в этот раз в ее руках были не цветы, а письмо.

– Нашему уединению наступает конец.

Хозяйка Озерного замка опустила в кресло, и по ее лицу скользнула улыбка-тень.

– Я получила письма от брата и от графа Савиньяка. Они будут здесь в течение двух-трех недель. Граф Савиньяк как новый командор Горной марки отдаст последний долг вашему супругу.

– Очень хорошо! Курт был бы доволен. Признаться, я не думала, что старший Савиньяк найдет время, они с Куртом были так мало знакомы.

– Граф Савиньяк не мог не ценить генерала Вейзеля. – Первородная Ирэна помогла роскошной застегнуть плащ. – Но регент в любом случае должен был выразить свои соболезнования.

– Несомненно, но Проэмперадор – не порученец с письмом, тем более Проэмперадор, умеющий воевать. С этим Савиньяком Курт расстрелял бы Бруно, как увязшего в болоте кабана!

– Вы ожидали командующего бергерским корпусом? Генерал Райнштайнер тоже будет здесь. Как и командующий авангардом Западной армии генерал Ариго.

– А полковник Придд? – выдохнула Мэллит, прежде чем поняла, что лучше молчать.

– Валентин либо будет сопровождать гостей, – первородная была спокойна, – либо приедет несколько раньше. Точнее нам сообщит гонец.

– В любом случае фок Варзов больше не командор Бергмарк! – Нареченная Юлианой не скрывала удовлетворения. – Я довольна. Курт тоже был бы рад... Не представляю, что теперь будет с артиллерией, осталось так мало пушек...

Мэллит поднялась и оставила роскошную спрашивать о войне. Забежала к себе убрать шаль и взять плащ, спустилась по лестнице, вышла в сумеречный двор. Дул резкий ветер, и по темной звездной синеве неслись клочковатые облака, то глотая белый лунный ноготь, то отпуская. Небо было в смятении, как и мысли гоганни. Тот, кому она обязана больше чем жизнью, приедет в Озерный замок. К сестре... К сестрам. Луна пройдет половину круга, и полковник Придд окажется во власти той же злобы, что погубила графа Гирке, и вряд ли его одного...

В проеме черного хода показалась чья-то фигура, но говорить о курах и травах Мэллит не могла. Запахнув плащ, гоганни заторопилась ко входу в верхний сад, пустой, настороженный, полный холода.

Темнело, однако наступающая ночь не несла беды, хоть и была исполнена ее ожиданием. Мэллит следила за облачной гонкой и думала, как отвести удар. Нареченный Валентином не боится безумной и не верит в ее силу. Он выслушает предупреждение, поблагодарит и останется в замке, а потом снова скажут о глубокой воде и неосторожности.

Мелкая вода тоже предает: гоганни не заметила лужи и едва не упала. Лужи опасны тем, кто смотрит на луну, луна карает тех, кто о ней забывает. Девушка обошла топкое место по траве, пытаясь найти выход. Если б только первым прибыл тот бергер... барон Райнштайнер. Мэллит рассказала бы ему все, и полковника Придда отослали бы прочь. В том, что высокий с полными льда глазами не рассмеется, девушка не сомневалась, но снежный барон далеко, а живущие в замке не желают видеть опасность. Их не убедить, как не умиловить Габриэлу... Она любила, у нее отняли любовь, она стала опасней змеи. Мэллит понимала безумную как никто, ведь она сама едва не прошла той же тропой. Ничтожная предала родных ради любимого, она отдавала ему все и не видела зла, которое он нес, как ветер несет пыль и золу.

Умри названный Альдо прежде любви, разве Мэллит не стала бы мстить? Разве не переступила бы все пороги, не осквернила бы ару, не приняла б на себя проклятие? Родные не думали, что тихая дурнушка читает Кубьерту и крадет тайны старейшин, повелевающие Волнами столь же слепы. Первородный вернется в замок, где свила гнездо месть, и погибнет. Остановить его Мэллит не может – значит, придется убирать смерть. Придется драться.

– Барышня... Барышня Мелхен!

Человек с фонарем... Эдуард звал и махал рукой.

– Что ж вы в темнотище-то бродите? Тут поскользнуться плевое дело...

– Я думала.

Мэллит остановилась, поджидая доброго слугу. Да, она думала, и да, она решила. Уговорить хозяйку отослать сестру прочь невозможно, остается одно – убить ненависть вместе с той, кого она поглотила. И нужно успеть до приезда первородного Валентина. Что ж, она успеет.

3

Савиньяк велел принести шадди, и напиток принесли вместе с горячими булочками и новостью.

– Капитан Уилер просит доложить, – сообщил адъютант. – Оксхолл утверждает, что капитан Фельсен – дриксенский шпион.

Маршал не ответил, видимо, молчание здесь соответствовало приказу выйти вон. Фельсенбургу это понравилось, в Хексберг положенное при разговоре с адмиралом цур зее «разрешите идти – идите» начало бесить. От вынужденного безделья, надо полагать.

– Я выругался по-дриксенски, – признался Руперт, когда они с Савиньяком вновь остались одни.

Талигоец взял чашку.

– Похоже, – отметил он, – что, временно протрезвев, бесноватые возвращаются к своему обычному поведению. Получив по зубам, Оксхолл обиделся, припомнил ваши слова и решил спустить на обидчика собак в лице командования. Вероятно, он и прежде пробавлялся доносами. Герцог Ноймаринен подобного не одобряет, доносчик среди его адъютантов не задержался бы, следовательно, доносил он на Ноймаринена, однако не будем отвлекаться. Вы согласны, что события в Эйрехте и Олларии имеют сходную природу?

– Да, – твердо сказал Руппи, понимая, что объяснить подобное Бруно будет непросто, даже если фельдмаршал уважит гаунасского посланника и выслушает поставившего себя вне закона лейтенанта.

– Тогда, – посоветовал не забывавший об ужине Савиньяк, – подумайте о тех, кто теряет не страх, а неверие в свои силы. В самом благополучном городе найдутся недовольные, которых прежде сдерживал здравый смысл, понимание того, что любые усилия бесполезны и у них ничего не выйдет. Нельзя сбрасывать со счета и некогда мирных обывателей, готовых на все, лишь бы их не вытапывали, словно виноград. В Талиге какое-то время обходились без этого, но последние несколько лет то тут, то там подобное случалось.

– Я могу то же сказать про Дриксен. Реквизиция торговых кораблей негоциантов не обрадовала.

– Тем не менее в Ротфогеле назначенного Фридрихом коменданта всего лишь выгнали, а в Эйрехте, насколько мне известно, торговцев не притесняли. В Олларии тоже, но события последнего года вынудили самых решительных сделать выбор прежде, чем город накрыла скверна. В Эйрехте же было слишком спокойно, дворцовые интриги не в счет.

Поставьте себя на место какого-нибудь медика или законника, и прежде задумывавшегося о том, что в кесарии не все безупречно. Такой человек грабить и убивать кого попало не пойдет; он даже может подобным убийствам противиться, но когда всё вокруг встает дыбом, сложно устоять и не попробовать сделать то, что очень хочется и давно кажется нужным.

– Вы правы, – признал Руппи, проклиная себя за дурацкую браваду. Не напиши он Бруно, все было бы куда проще. Лауэншельд предложил сказать, что наследник Фельсенбургов после покушения скрывался в Гаунау. Это сняло бы вопросы, благо Фридрих выдумал вездесущего темноволосого незнакомца, которого видели чуть ли не в трех городах одновременно. Теперь ложь невозможна, а правда ставит в дурацкое положение и фельдмаршала, и лейтенанта.

Собеседник потянулся к сосуду для шадди. В том, что брат Арно уродился левшой, не было ничего особенного, но Руппи это глупейшим образом беспокоило.

– В других обстоятельствах наш алчущий перемен обыватель остался бы дома, – Савиньяк не собирался покидать призрачный Эйрехт, – а то и, несмотря на все недовольство, стал бы помогать страже, но он пьян уверенностью в себе. И он может оказаться где угодно и кем угодно. Хоть разбойничьим вожаком, хоть создателем какой-нибудь всесвятой лиги. Марге

придется таких либо давить, либо приручать, а потом травить ими врагов, то есть вашу родню. В его положении разумней последнее.

– В его положении, – не выдержал Фельсенбург, – разумней ударить, но он не удерет... Сударь, отбив адмирала цур зее, я сделал именно то, о чем вы говорите... То, что хотел, и что считал нужным.

– Именно поэтому я рад вашему появлению.

Фрошер, разбивший дриксенского принца, рад! Год назад это показалось бы оскорблением, год назад у Дриксены был пристойный кесарь и привычные враги.

– Я понимаю, чем в некоторых обстоятельствах может быть полезен Талигу наследник Фельсенбургов, но что вам до моих авантюр?

– Они внушают доверие. – Савиньяк сощурился, теперь он напоминал свою мать. – Большинство ваших ровесников бросились бы за помощью к семье или попались. Это не считая тех, кто счел бы свой долг выполненным, напившись за упокой души казненного адмирала. Вы рискнули и выиграли, а с победителей спрашивают восьмикратно.

О том, что он сам – победитель, маршал напоминать не стал, и вряд ли из скромности. Покупая лошадь, смотрят ее зубы, а не свои. Что ж, пусть смотрит.

– Да, – сказал Руперт, – у меня всё получилось, но сперва меня спасла ведьма из Хексберга, а потом я встретился с адептами ордена Славы. Кстати говоря, они проверяют гостей кошкой.

4

Неотвратимое стало ближе на один день, а Мэллит все еще не отыскала способ. Мысль пробраться в покои первородной Габриэлы гоганни отбросила сразу. Девушка видела, по которой из лестниц спускается Эмилия, и, гуляя по стенам, запомнила, откуда выходит в сад та, кого предстояло убить, но как исполнить задуманное в незнакомых комнатах? Как войти и потом выйти, никого не потревожив?

Безумного Фалиоля, чья мать была частой гостьей в отцовском доме, никогда не оставляли одного. За первородной Габриэлой смотрели Эмилия с мужем, но иногда им помогали другие женщины, и они не были ни глупы, ни слепы. Что скажут о гостье, поднявшей руку на хозяйскую кровь, сколь бы злобной та ни была? Нареченная Юлианой останется в Озерном замке до родов, ей нужны покой и забота названной дочери, но кто готов принимать лекарства и пищу из рук убийцы? И как объяснить первородному Валентину, что его сестра умерла, чтобы он жил? Если истину удастся скрыть, смерть безумной будет таким же избавлением для близких, как смерть Ликелли, что не вставала со своего ложа шесть лет, проклиная тех, кто ее обмывал и кормил.

Ночью Мэллит приснилось, что она убивает Габриэлу хлебным ножом. Девушка проснулась, чувствуя на своих руках кровь и помня, что первый удар не стал смертельным. Гоганни торопливо засветила ночник и осмотрела руки – они были чистыми и пахли лавандой. Ужас прошел, но сон не возвращался. Сев в постели и обхватив колени, девушка думала о том, что нож не годится, разве только ударить так, будто Габриэла покончила с собой. Это смог бы лекарь или воин, а Мэллит всего лишь умела разделять птицу и мясо. Куда бить, она представляла, но как покончить с жертвой, не замаравшись в крови?

Ночь ползла на запад, в окне менялись созвездия, а девушка упорно перебирала страшное и отбрасывала невозможное. У нее не было яда, она не успела узнать местные ягоды и грибы, к тому же оставшееся от господ забирают слуги. Пусть такая смерть и не вызовет подозрений, но чем виновата Эмилия с ее вечно усталыми глазами и добрый Эдуард, а ведь у них трое детей...

– Почему ты не спишь?

Роскошная в сборчатой рубашке и чепце стояла на пороге.

– Я проснулась, гляжу, у тебя свет.

– Я... Я видела во сне кровь.

– Тебе стало страшно? – Нареченная Юлианой села рядом и привлекла Мэллит к себе. – Надо было разбудить меня, дурные сны портят день. А что тебе снилось?

– Не помню...

– Но кровь-то ты запомнила? Ты видела мертвеца? Лужу крови или тебе приснилось, что в крови ты сама?

– Руки, – призналась Мэллит. – Они были липкими, я зажгла свет и проверила.

– Тут душно, ты вспотела. Слуги перекладывают поленьев в печи, я давно собираюсь сказать об этом Ирэне, а кровь на руках... Пора расставаться с девственностью, только и всего. Это страшно и не очень приятно, зато потом ты узнаешь радость, которую иначе не получить. Перед свадьбой я тебе все объясню... Если б Курт был с нами, он поговорил бы с твоим женихом, а так придется мне. Курт в нашу первую ночь был со мной очень терпелив, мне почти не было больно, а ведь есть дураки, что доводят молодых жен до слез.

Мэллит тоже плакала после ночи любви, первой и последней. Генерал Вейзель тогда был жив и воевал, он ничего бы не объяснил Альдо, ему никто бы не объяснил, но больше до нее не дотронется ни один мужчина, даже самый достойный!

– Ну вот, так-то лучше.

Добрые объятия стали крепче, и Мэллит отстраненно подумала, что задушить у нее не получится, силы рук не хватит, а про удавку она лишь слышала. Так наказывали неверных жен и их любовников, но для этого приходил особый человек...

– Да, мне лучше.

Роскошная заставила Мэллит лечь, укрыла, потушила свет и ушла, оставив общую дверь открытой. Девушка слышала, как скрипит постель, и видела, как погас огонь. Гоганни тихо лежала в темноте и перебирала места, где Габриэла бывает одна. Лучше всего подходил лабиринт в нижнем саду, там первородная гуляет каждый день, и помешать этому может лишь дождь. Там утонули служанка и граф Гирке, а где утонули двое, может утонуть третий, и он... она утонет.

Глава 11

Талиг. Альт-Вельдер

400 год К. С. 20-й день Осенних Скал

1

Если нет дождя, первородная Габриэла гуляет каждый день; когда она выходит, калитки в беседках запирают, но это случается ближе к вечеру, а утром нижний сад открыт и свободен. Сегодня ясно и солнечно, сегодня сестра Ирэны и Валентина придут в лабиринт...

– Ты осунулась, – укорила, усаживаясь за стол, роскошная. – Пожалуй, травы нужны не только мне.

– Я...

Мэллит потупилась, придумывая отговорку, но нареченная Юлианой замечала многое и объясняла все.

– Ты не выпалась, – решила она, – и у тебя снова были кошмары от духоты. Скажи, чтобы тебе заварили мелиссы с кошачьим корнем, и ложись.

– Да, здесь душно.

– Ничего, проветрят, а ты пока сходи, подыши, только закутайся потеплее. Солнце уже не греет.

– Я посмотрю на птиц.

Листва на деревьях стала редкой и золотой, залитый светом парк казался вышитой шалью, каменные дорожки подсохли, по их краям возвышались красно-желтые груды листьев и зеленые – еловых ветвей. Садовники готовились к зиме, они начали свою работу, когда прекратились дожди. За несколько дней усердные прошли полпути от верхней стены к лабиринту и теперь возились около липовых галерей. Замыслу Мэллит рабочие не мешали, перед появлением безумной они соберут свои тачки и уйдут, а сейчас пусть смотрят и думают, что барышня решила загадать желание, как загадывают женщины замка.

Лабиринт был пуст. Солнце золотило мертвые тростники, но голос их остался прежним, сухим и вкрадчивым, как шорох змеиной чешуи. Это место помнило многое, еще одна смерть его не удивит, но каналы ненадежны. Где-то они глубоки, а где-то – нет; если нареченная Габриэлой не утонет сразу, она будет биться и кричать, ее услышат, прибегут спасать – и спасут... Убить на тропинке и столкнуть уже мертвую? Первородную не поднять, тело придется тащить по каменистой дорожке, на нем останутся следы, как и на кромке обрыва, их до конца не затереть. Мэллит второй день вспоминала песнь о неверной жене, что, вступив в сговор с любовником, зарезала супруга. Преступную разоблачили, потому что слабосильный любовник, прежде чем бросить труп в воду, проволока его по берегу. Кроме того, мешок падает не так, как живое существо. Мертвец, он тот же мешок, а вниз не спуститься и не поправить – берег слишком крут.

Тростники вкрадчиво шуршали, словно давая совет, только гоганни не могла его понять. Она брела залитой солнцем дорожкой и думала, думала, думала... Девушка не держала зла на потерявшую любовь, она сама могла стать такой же исполненной яда змеей – но долги нужно платить. Она должна многим, и первородному Валентину больше, чем прочим – кому же, как не ей, отвести нависшую над полковником угрозу? Проклятье надо снять, а времени остается только на смерть.

Мэллит вздохнула и ускорила шаг, она шла все быстрее, словно спеша на исходящий из сердца лабиринта зов, она больше не пыталась размышлять. Ничтожная поймет, что и как

делать, как понимали многие до нее, а луна поможет. Луна, воля Кабиохова и Создатель, который должен защитить полковника Придда, пусть и руками недостойной.

Заветный пруд покрывали листья – казалось, со дна всплыли брошенные туда драгоценности. Дорожка жалась к низкому берегу, можно было подойти и омыть руки в грустной, как осень, воде и не оставить следов; это гоганни устраивало, но как быть с самым трудным? Силой засунуть безумную под воду и удерживать, пока не захлебнется, – вряд ли достанет сил. Столкнуть так далеко, что запутается в платье и не выберется? Для этого нужен нареченный Йоганном. И все равно будут крики, борьба, брызги, а даже если получится... Кто-нибудь да задумается, почему первородная оказалась посреди пруда, кто-нибудь увидит лужу и мокрые следы, и как объяснить промокшую одежду, синяки и царапины, а без них не обойдется.

В то, что графиня Борн напала на гостью, не поверят: безумная ненавидит лишь свою кровь. Значит, не должно быть ни синяков, ни царапин, не должно быть борьбы... Тогда получается, что в воду названная Габриэлой должна уйти тихо и лучше всего еще живой. Подходящее место, где почти не было тростника, Мэллит нашла быстро. Полуденные лучи достигали дна, там среди камней виднелись монеты и украшения. Плата за любовь, за счастье, за удачу. Повинуясь порыву, Мэллит отцепила скреплявшую плащ застежку.

– Помощи, – попросила кого-то гоганни. – Возьми и позволь мне сохранить первородного Валентина, как он сохранил меня. Я готова принять, что заслужила, и я приму.

Она просила на талиг, она пыталась говорить так, как говорят среди здешних рябин и елей. Только бы поняли, только бы приняли жертву...

Серебряный, украшенный сердоликом лист опустился на дно, на прощанье по-рыбьи плеснув, и Мэллит нашла, что так искала! Девушка будто вживую увидела груды трепещущих карпов и дубинку в руках младшего из поваров. Уснувшая рыба теряет целебные свойства и обретает дурные, поэтому ее держат в садках и глушат уже на разделочном столе. Человека тоже можно оглушить. Дубинкой, камнем... колотушкой для отбивания мяса. В замке такие есть – тяжелые, с крепкой рукоятью, они висят в кладовой при кухне. Взять лучше прямо сейчас, воспользовавшись предобеденной суетой, но сперва нужно найти место помельче, и хорошо бы там из воды торчал камень... Камень, о который можно удариться.

Ей повезло – на другой стороне пруда, в шаге от берега, виднелись два валуна, точно две головы: дальняя, лысая и серая, и ближняя, пониже, едва прикрытая водой. Если пожелать взойти на второй камень, если поскользнуться на первом...

Мэллит тронула звездочку на шее и шагнула на зеленое от водорослей темя. Оно было скользким, достаточно скользким, чтобы с него упасть, оставалось привести сюда безумную и вынудить повернуться спиной. А еще украсть молоток и уйти так, чтобы роскошная не хватилась, а слуги не заметили, но сперва – кража, ложь потом.

Кухни встретили едким дымом сгоревшего хлеба, гневным криком старшего и плачем виновников. Гоганни возблагодарила принявших дар, кем бы они ни были, и взяла то, за чем приходила. Пристроив добычу под плащом, девушка выскользнула вон. Ее никто не заметил, и это было добрым предзнаменованием.

2

В Агарисе Мэллит покидала дом отца и возвращалась назад тайком, ей везло, хотя она вначале была просто глупа, а затем обезумела от любви. Уходя из талигойского дворца, она искала смерти, чтобы лишиться перв... недостойного Альдо Щита, а нашла жизнь, сперва непрощеную, теперь полную смысла и долгов. Сегодня она вновь – Щит, а ее магия – хитрость и осторожность.

Девушка закрыла сундук, куда сунула добытый молоток, и задумалась. С первой трудностью она столкнулась уже на лестнице, пытаясь пристроить колотушку поудобней, что оказа-

лось не так-то просто, к тому же рука под плащом привлекает внимание. Кто-то заботливый решит, что Мелхен скрывает ожог, и попросит показать. А вдруг потребуются обе руки? А вдруг она споткнется и молоток выпадет на глазах первородной Габриэлы? Сунуть за поясок можно, но неудобно, за корсаж не спрячешь, в юбках не закрепшишь, а вот подвесить, пожалуй, можно.

Купленная роскошной широкая марагонская тесьма казалась прочной, но на всякий случай Мэллит перекинула ее через спинку стула и дважды изо всех сил дернула – тесьма выдержала. Девушка взяла нитку с иглкой и изнутри плаща соорудила петлю, в которую и приладила колотушку. Примерила, походила по комнате, рассмотрела себя в зеркале и осталась довольна: «подвеска» почти не мешала, не выпадала и полностью терялась в складках, но оставлять ее в спальне все равно не стоило.

Роскошная возилась в своей комнате – готовилась к обеду. Мэллит, перекинув плащ через руку, выскользнула в гостиную, а оттуда – на лестницу и дальше, в глухой узкий коридор. Маленькую опрятную комнатку, выходящую единственным окном на стену, девушка обнаружила, когда увидела, как по лестнице поднимается капитан Давенпорт. Избегая встречи с ненужным, девушка шмыгнула в темноту. Первая же дверь открылась, и беглянка оказалась в пустующей спальне для прислуги, в Озерном замке такие комнаты убирали, но не запирали, гоганни это устраивало.

Плащ вместе с колотушкой немедленно очутился в резном гардеробе, трудней было приоткрыть окно, но Мэллит справилась, после чего помчалась в кухню убедиться, что Эмилия с Эдуардом пришли за подносами с едой. Если все пойдет, как обычно, то... *это* случится сегодня; нет – в запасе еще несколько суток. Помех ничтожная не испугалась бы, но что-то твердило ей – нынешний день нельзя терять. Ветер прогнал облака, заветный пруд принял подарок, и впервые за все проведенное в Озерном замке время стгорел хлеб, позволяя незаметно взять молоток. Это не могло быть случайным, улыбки судьбы коротки и редки, значит, нужно успеть!

– Теперь ты горишь, – озаботилась роскошная, когда Мэллит садилась за стол, и добрые слова открыли дорогу лжи.

– Нет, – солгала девушка, – мне холодно... Они слишком выстудили комнаты. Они усердны.

– Холодно? – Нареченная Юлианой сперва удивилась, потом доброе лицо стало озабоченным. – Иди-ка сюда!

Гоганни подошла, уже зная, что ей будут трогать лоб и слушать, как на запястье бьется жила. Роскошная не читала в душах и не знала причины, ее руки ощущали лишь следствие.

– У тебя жар, – решила она. – Не сильный, но полежать нужно.

– Я лягу, – согласилась гоганни, – но я боюсь уснуть и увидеть кровь.

– Выпей сонный отвар, он тебя успокоит.

Питье Мэллит, назвав горячим, унесла к себе, задвинула засовы на обеих дверях и села, ожидая, когда нареченная Юлианой ляжет. Она всегда ложилась после обеда и вставала уже в сумерках; сегодня, в день удачи, по-другому быть не могло. Часов в комнатке не имелось, но Мэллит знала, что, ложась, роскошная ее окликнет, – так и стало.

– Мелхен... – Голос был ласков и спокоен. – Девочка моя, ты спишь?

Мелхен спит, Мелхен выпила снадобье и крепко спит, она проспит до вечера. Гоганни открыла большую книгу о цветах и прочла, не пропуская ни единого слова, десять страниц. Десять страниц – четверть часа. Пора! К озеру надо прийти первой.

Девушка осторожно потянула на себя тяжелую раму. Ветер дул с другой стороны, а здесь было затишье, и на оплетающих стены черных лозах держались пятипалые листья – алые, светло-желтые, багряные. Снять головную ленту, сбросить туфли, продеть ленту сквозь пряжки, повесить связку на шею, вскочить на подоконник, шагнуть на тянущийся вдоль госте-

вых спален карниз... Хорошо, что окна выходят не во двор, а в пустой, теперь пустой цветник. Уходить из отцовского дома было трудней, правда, немного мешают мокрые плети, но они же и помогут, если соскользнет нога. Не соскользнула. Мэллит спокойно юркнула в заранее приоткрытое окно.

3

Бывают дни невезения, а бывают дни удачи. Сегодня по всем признакам был один из них, и девушка торопилась. Закутавшись в плащ, она спустилась в сад и исчезла в желтом чреве галереи. Слуги, обедавшие после господ, доедали сладкие пироги и сплетничали, вновь приниматься за работу они не торопились. Гоганни никто не увидел, ей даже не понадобилось перелезть через ограду – беседка была отперта, значит, первородная Габриэла еще не выходила.

Светлые поляны манили памятью лета, но Мэллит напрямик не пошла – хозяйка могла стоять у окна, любуясь на ставшие ее сердцем сады, она заметила бы на золоте мертвых трав темную букашку. Девушка двинулась вдоль ограды нижнего парка, зная, что от взглядов сверху ее скрывают ветви, а войти в лабиринт со стороны озера даже удобней.

На берегу серые утки спорили с зеленоголовыми селезнями, и, вторя птицам, тихо плескалась вода. Мэллит присела на корточки и омочила руки в чистом холоде, прося входящую в силу Луну о помощи. Поднялась, тронула мокрыми пальцами виски, выдернула из петли колоду, вернула назад и осталась довольна своей выдумкой. Справа тянулась синяя с серебряными росчерками гладь, слева, отрезая прошлое, бледной стеной встали тростники лабиринта. Гоганни смотрела на них, пока из сухой чащи не взмыла утиная стайка. В том, что их спугнула первородная, Мэллит не усомнилась ни на миг; если в чем и были сомнения, так это в силе собственных рук, но Луна поможет и полковник Придд останется жив.

Потряженные утки давно смешались с кормящимися у берега сородичами, однако Мэллит не спешила ступать на усыпанную мелкими камешками дорожку, дав безумной время отослать служанку, а нареченной Эмилией – дойти до беседки и запереть теперь уже запретный сад. По обе стороны входа в лабиринт стояли две скамьи, возле первой доцветало странное растение, похожее на вдруг заалевшую мяту. Гоганни сорвала и размяла в пальцах листок, он пах пряно и горько, напоминая смешанную с перцем полынь. Алая трава, если в ней нет яда и чрезмерной резкости, сможет отбить запах тины у озерных рыб...

Хруст гравия, еле слышный в шорохе тростника, заставил девушку оглянуться. Первородная Габриэла неспешно шла к озеру, она еще не видела гоганни, но здешний берег слишком топок, чтобы успешно исполнить задуманное. Мэллит откинула капюшон и села на скамью, ожидая, что ее окликнут, и готовясь ответить.

– Ты опять здесь, девочка? – Первородная казалось слегка удивленной. – Как же тебя тянет покой...

– Я в первый раз вижу такой цветок. – Мэллит раскрыла ладонь с красными листочками. – Это яд?

– Увы, нет. – Габриэла тоже откинула капюшон. – Это искрянка. Летом она топит берег в крови, хочешь увидеть это и другое – оставайся со мной.

– Я нужна баронессе Вейзель. – Мэллит, словно сожалея, покачала головой. – Как я могу ее оставить, ведь она теперь одна...

– И пусть. – Первородная улыбнулась. – Пойдем отсюда. Озеро ловит слишком много солнца.

– В сердце тростников вода не режет глаза, – тихо согласилась гоганни, – там спокойно.

– «Сердце тростников»... – повторила безумная. – Сердце... Оно утонуло, вокруг него вырос тростник. Сердце помнит, оно рассказывает о чужом доме, и тот снится и снится... Меня заперли в чужом сне, но разве это предательство первое? Так ты не любишь моего брата?

– Я не могу любить.

– Ах да, ты говорила... Почему ты не ненавидишь?

– Он умер.

– Ну и что? Нельзя прощать, запомни это. Никогда и никого не прощай, тогда ты останешься и запрешь за ними двери. За всеми. Пусть воют по ту сторону, пусть грызут засовы... Пусть тянут за собой свою кровь и своих любовников! Ты знаешь, как ты красива? Красоте нужна или любовь, или ненависть, без них ты станешь такой, как она!

– «Она»? – переспросила Мэллит. Впереди блестит пруд, но у этого берега слишком много тростника и ни одного камня. – Графиня Гирке?

– Она так и не стала Гирке, она предпочла поседеть... А ведь все было очень просто. Любить мужа или ненавидеть, а она выбрала цветы... Ей бы ненавидеть тех, кто ее отдал и взял, но она стала собакой и сторожит мое сердце. Глупо, ведь я его променяла, только Ирэна вообще глупа, она решила меня жалеть. Тебе меня жаль?

– Я... вас не знаю.

Ее нужно взять под руку и отвести к двум камням. Иначе она так и будет стоять и говорить, а потом придет Эмилия...

– Не знаешь? Тебя нес на руках мой брат, что он тебе говорил?

– Полковник Придд не хотел, чтобы я разбила ноги. Он ничего не рассказал.

– Он – негодяй, они оба негодяи... Один недоплатил, второй заплатит за двоих. Жаль, Валентин не хочет полюбить тебя. Я была бы рада.

– Мне не нужно, чтобы меня любили! – Мэллит взяла безумную под руку, так в Талиге ведут знатных дам, так везде прикасаются к змеям. – Я видела, на дне что-то блестит, но ведь это не сердце?

– Нет, конечно же, нет...

– Но я видела.

– Побрякушки. Глупые женщины так выпрашивают счастье. Здесь был колодец со злом... Ты слыхала про зло, что приходит с закатом? Порой оно дает, что у него просишь... Это те, что желают добра, всегда забирают! Значит, ты не знаешь, как мне желали добра?

– Нет. – Первородная все же двинулась с места. До двух камней далеко, но время есть, и они дойдут. – Я знаю только ваше имя.

– Мое имя? Которое?

– Вас нарекли Габриэлой.

– Я – графиня Борн, девочка. Я была такой, как ты, когда мне надели браслет с дубовой ветвью. Меня не спрашивали, в нашем доме никого не спрашивают. Я сказала «да», как мне велели, и только потом увидела его глаза, зеленые, с солнечными крапинками. Я умерла, и я родилась...

Первородная замолчала, однако руки не отняла. Она вспоминала и шла умирать, тростники это знали, тростники и леденящая мертвые корни вода. В тихом шорохе не было ни жалости, ни голода, только ожидание неизбежного. Ожидание зимы...

– Как же мы с Карлом любили друг друга! – Безумная заговорила, когда дорога почти иссякла. – Наше счастье было ярче солнца, но нас сожгло не оно... Мой муж выполнил свою часть договора, а мой уже не отец – не пожелал. Я помню, Карл проводил герцога Придда до кареты, вернулся и сказал, что помощи не будет. Он почти смирился, но я не дала ему отступить! Я знала, что делать, и я делала; я просила, и мне отвечали, но Карл отправил меня в Васспард. К ним! В их холод, в туман... Муж хотел меня защитить, а это я защищала его! Я была молода, я поехала.

– Здесь красиво, – сказала Мэллит и остановилась. Найденные перед обедом валуны ждали, как и замершие тростники, и золотая вода.

– Уходи, – внезапно велела первородная, высвобождая руку. – Ты мне не нужна... Ты не слушаешь.

Мэллит ничего так не хотелось, как уйти, но смерть была уже в Озерном замке, она забереет Валентина, если прежде не насытится его безумной сестрой. Гоганни покачала головой.

– Я не уйду, но касаться горя тяжело.

– Оно не твое. – Голос стал суше пепла. – У тебя не может быть горя, так, мелочь... Потерянная серьга, никчемная обида. Горе не приходит без любви, но только оно меня удержало. Любовь и горе рожают ненависть, а ненависть может обменять сердце на смерть. Я смогла, ты – не сможешь, ты всего лишь обронила серьгу. С каким она была камнем?

Нужно было отвечать, и Мэллит ответила:

– Это был янтарь.

– Как твои глаза. Я подарю тебе ожерелье.

– Мне ничего не нужно.

– Разве? Тогда почему ты приходишь?

– Здесь красиво. – Мэллит сошла с тропы и двинулась к воде. – Я люблю быть одна.

– Да, ты свободна, тебя трудно поймать... – Первородная идет сама! Идет к воде... – Они ускользали от меня. Оба. Но я поклялась, когда мне перестали лгать про Карла... Я обещала ему остаться в Васспарде, пока он за мной не придет. Распускались листья, я ждала, а мне говорили, он занят. Он воюет... Он бежал в Гаунау. Его убили в Занхе, ты знала об этом?

– Нет.

– Лжешь.

– Я росла в... Алате. Графиня Гирке и полковник Придд не говорят со мной о своем доме.

– У них нет дома. Брата не будет. У сестры ничего не останется.

Первородная стояла уже возле самого среза воды. Лучшего места не найти – травянистый берег и каменистое дно. Мэллит поймала взгляд, серебряный и холодный.

– Мне жаль, что граф Борн погиб.

– Тебе все равно! – Первородная резко отвернулась. – Оставь меня.

Нареченная Габриэлой смотрела на дальний валун. Ночью был ветер, он принес из сада листья и осыпал ими воду и берег. Красные на сером камне, они предвещали кровь. Рука Мэллит нырнула под плащ, готовясь высвободить молоток. Сестра первородного молчала, солнце золотило ее волосы, даруя им цвет созревших каштанов. Густые и длинные, они были уложены так, что защищали затылок и макушку.

– Ты еще здесь? – Женщина у воды обернулась, гоганни вздрогнула и крепче сжала деревянную рукоять. – Тогда слушай. Ты будешь знать почему, и ты расскажешь.

– Нет.

– Ты уйдешь, сядешь у огня со взрослыми сплетницами, захочешь их удивить и расскажешь. Не стесняйся, я буду лишь рада, если узнают, что это я отомстила. Они говорят про судьбу, про войну, про случай... А это я. Я! Запомни это.

– Да, – сказала гоганни, понимая, что видит себя. Ту, которой она бы стала, потеряв названного Альдо прежде любви. Кого бы она возненавидела? Первородного Робера, воина Дювье, нареченного Удо? А может, полковника Придда или роскошную? Или... всех?

– Ты что-то поняла, это хорошо. Очень хорошо. – Взгляд первородной впивался в лицо, и Мэллит чувствовала: безумная довольна. Она видит испуг, она не знает, что недостойная боится себя несбывшейся. – Позже я научу тебя тому, для чего сердце без надобности, а сейчас можешь идти. Я хочу побыть одна.

Ответа графиня Борн не ждала – ведь она приказала, этого довольно. Мэллит видела, как закутанная в плащ поворачивается к озеру, устремляя взгляд куда-то за серый камень с присохшим к нему жухлым листком. Она сказала все, что хотела, она больше не оглянется.

... Гоганни ударила изо всех сил. Туда, где меньше волос, чуть сзади и выше уха. Резкая боль метнулась от локтя к враз онемевшему запястью, качнулась, пытаясь уйти из-под ног, земля, но девушка устояла. Она даже успела толкнуть беззвучно оседавшую Габриэлу в спину, и та упала в воду. Вниз лицом.

Луна защищает первородного Валентина, но она не сходит на землю, а несделанного оставалось много. Мэллит не позволяла себе ни чувств, ни размышлений, ни молитв. Она была быстра и безжалостна, как ласка или куница. Бросить плащ под ноги, чтобы не осталось ненужных следов, подвернуть платье и нижние юбки, упасть на колени у кромки воды, завернуть и прижать браслетами рукава. Руки ложатся на спину упавшей, рядом на берегу молоток для мяса. Если что, придется... Не пришлось. Тело несколько раз судорожно дернулось – несильно, даже не пытаясь повернуться. Вырвалась на поверхность и вновь ушла под воду рука, и стало очень, очень тихо. Гоганни поднялась, отшагнула от воды, расправила рукава, подняла и отчистила плащ, подвесила на место колотушку. Нужно было посмотреть на мертвую, и девушка посмотрела.

Габриэла лежала недвижно, лишь колыхались, мешаясь с водорослями, рассыпавшиеся волосы, а рядом поднимал голову серый камень, словно убеждая: «Это она об меня, об меня...» Было тихо, потом озерную гладь вспорола утка. Похожие на павлиньи перья тени ложились на берег – возвращался ветер; шепот тростника становился громче, но солнце еще стояло высоко.

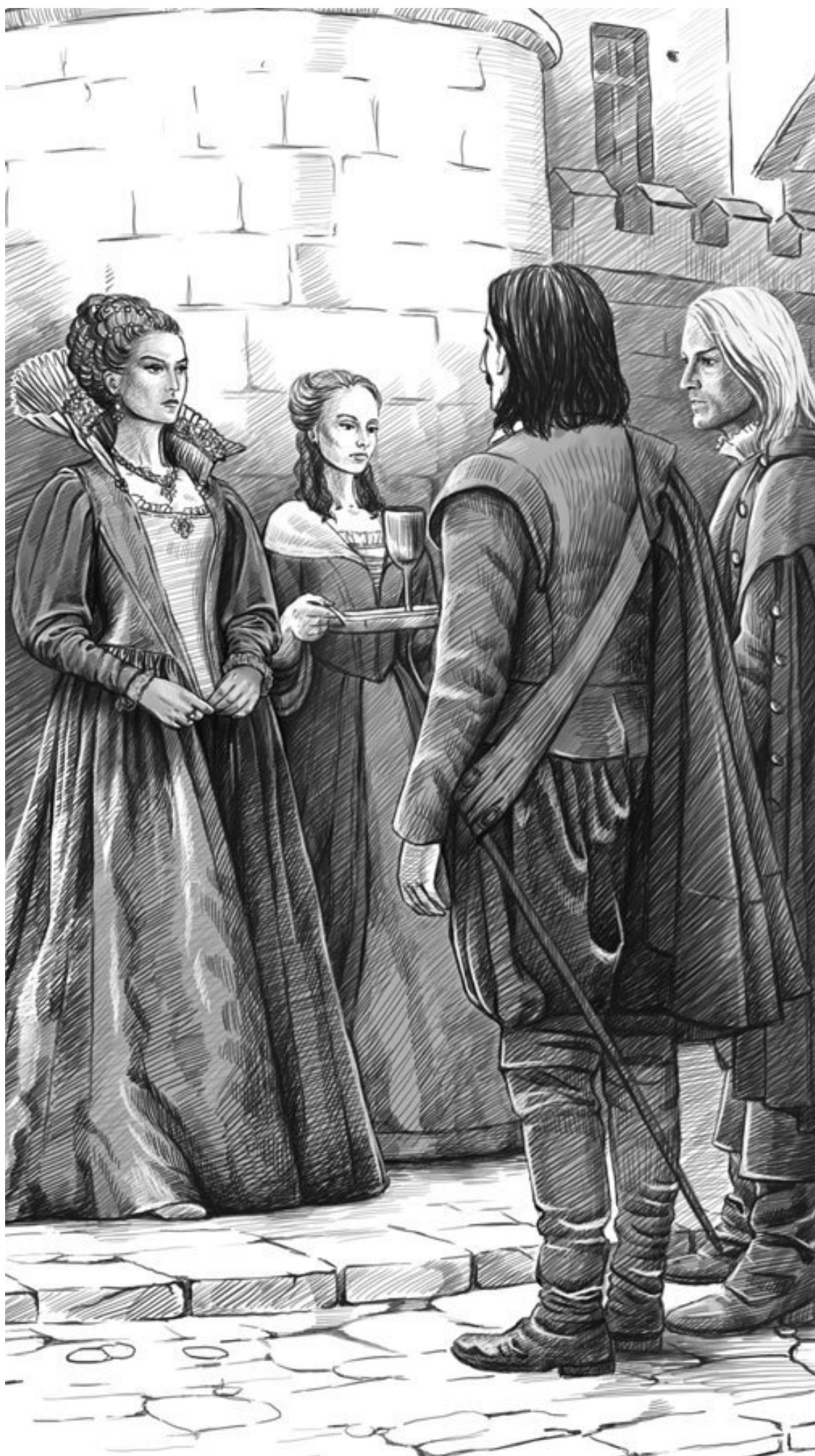
Удача не уходила, и обратная дорога вышла легкой, только облепляла ноги намокшая юбка, не давая забыть о той, что осталась в осени. Чуть сгустившиеся тени, знакомая ветка, доносящиеся издали голоса... Если заметят – она выходила погулять, она часто выходит, когда роскошная спит. Не заметили ни в саду, ни во дворе – значит, больная Мелхен не покидала комнат. Ненужная спальня, как и прежде, пуста, старый гардероб примет колотушку, вечером ее нужно вернуть, а вот плащ в узел и на шею, вместе с туфлями. Они почти сухие, это подол намок, но время есть, подсохнет... Открыть окно, выглянуть – внизу никого, а дорога знакома. Дрожь расписных листьев, вечерний луч на щеке, метнувшийся наискось голубь. Вот и все. Она у себя, дело сделано, за стеной спит нареченная Юлианой, часы-букет в ее комнате бьют... Четыре пополудни. Первородную найдут не скоро, и это время нужно переждать.

Мэллит разобрала постель – ведь она спит! – разделась, пристроила у печи мокрое платье, отодвинула засов в комнату роскошной и почувствовала, что мерзнет. Запоздалая дрожь становилась все сильнее, а губы как-то враз пересохли. Стуча зубами, девушка добралась до ночного столика, где всегда стоял кувшин с водой, и увидела полную кружку. Сонный отвар, о котором она совсем позабыла! Еще один подарок дня удач! Она выпьет, уснет – и пусть приходят, пусть приносят свои новости, пусть видят: Мелхен спит, она больна... Она в самом деле больна.

II. «Шестерка Кубков⁴»

*Успех может быть обернут только правдой.
Шарль де Голль*

⁴ «Шестерка Кубков» – младший аркан Таро. Появление в раскладе этой карты может означать, что ситуация потребует от вас истинной духовности, терпимости и возвышения над суетой. Это милосердие, помощь, доброта. Она также символизирует воспоминания, прошедшее увлечение, потускневшие образы. П. К. – открывающиеся новые возможности, расширение мировоззрения, предвидение будущего. Может быть, ваши планы в ближайшее время потребуют корректировки.

Глава 1

Талиг. Нойедорф

Старая Эпинэ

400 год К. С. 21-й день Осенних Скал

1

Когда лошадь жаждет нестись карьером, лучше всего это ей и предложить. Арно бы и предложил, будь они с застоявшимся Каном вдвоем. Увы, общество гаунау располагало к сдержанности, и теньенту оставалось лишь играть поводом, отвлекая внимание жеребца. Кана тянуло в луга, благо таковые за придорожной канавой имелись, причем самые привлекательные: ровные, широкие, скачи – не хочу, хоть до далекого леса, хоть вдоль дороги.

– Шагом, – не очень искренне велел Арно, – шагом... Не на охоте.

Кан фыркнул и попытался навалиться на повод – настроение хозяина он чуял, а дипломатии не признавал. Виконт Сэ подобного себе позволить не мог, по крайней мере на этом обсаженном кривыми вязами тракте. Приходилось не только сдерживать коня, но и вести серьезную беседу.

– Вы сосчитали малые смерчи, которые предшествовали большому? – допытывался полковник Лау-кто-то-там-шелм, возглавлявший ползущую, будто на похоронах, процессию. – Не было ли их четыре или восемь?

– По-моему, было штук шесть, – честно попытался припомнить Арно. – Больше четырех точно, но считать мне как-то в голову не пришло.

– Это объяснимо, – обрадовал «медведь». – Вы вряд ли в тот миг думали, что накрывшая вас буря необычна.

Арно в тот миг не думал вообще, но не признаваться же в этом исконному врагу, пусть и решившему полгода не воевать.

– Я думал, как догнать вражеских всадников. Это были наемники из Каданы.

– Легкая кавалерия, – проявил осведомленность полковник. – От них может быть польза в поиске, но не в серьезном сражении.

– Когда на одного шестеро, – буркнул теньент, – и каданец за четверть рейтара сойдет.

Спутник согласился и свел густые рыжеватые брови, явно рожая очередной вопрос, но огласить его не успел. Кану похоронная компания надоела окончательно, мориск резко свернул и, уподобившись орлу, воспарил. Приземлившись, безобразник предпринял попытку сорваться в галоп. Не вышло, и прижимающий уши и раздувающий ноздри умник был водворен на прежнее место в строю.

– Он не собирался меня высаживать, – объяснил Арно. – Он так шутит.

– Ваш конь в хорошем расположении духа, – кивнул гаунау. – Вы, надеюсь, тоже.

Теньент предположение подтвердил, хотя к радости – он возвращается – примешивались досада и предчувствие разговорчика с братьями. Арно предпочел бы объясняться с Ариго или, на худой конец, с Райнштайнером, но в Западную армию принесло сперва Эмиля, а потом и Ли, о котором гаунаский полковник имел исключительно высокое мнение. Об этом теньенту торжественно сообщили при знакомстве, во время коего Арно пребывал в слегка обалдевшем состоянии: долговязый штабной дрикс минутой раньше объявил, что «виконт Зэ», во-первых, свободен, а во-вторых, обязан своей свободой его величеству Хайнриху. Обычно бойкий на язык Арно растерялся, и тут ввалился этот самый Лау...

– Начало бури стало для вас полной неожиданностью?

Прекращать расспросы спутник не собирался. Беседа тянулась, пока гаунау полностью не удовлетворил свое любопытство, что произошло уже в виду длинного, будто гусеница, дома, на крыльце которого ржали «фульгаты», а у забора катался в пыли серый в яблоках мориск. Очень знакомый.

– К моему глубокому сожалению, я крайне спешу, – объявил проделавший весь путь шагом полковник. – Прошу вас засвидетельствовать мое почтение маршалу Савиньяку. Я надеюсь увидеть его после ужина. Желаю вам всего наилучшего.

– Благодарю вас, – благовоспитанно произнес Арно, и гаунау торжественно уползли.

Нынешних братних свитских тенъент не знал – «закатные твари» обо всем догадались сами.

– С благополучным возвращением, сударь! – весело поздравил худошавый капитан. – Муха, лошадку прими. Маршал в дальней комнате.

Задержаться перед услужливо распахнутой дверью невозможно, значит, кляча твоя несусветная, вперед!

Тряпичные половички глушат шаги, стоящий у окна Лионель не оборачивается, ну и как прикажете к нему обращаться? Не господин же маршал или еще какой проэмперадор? Три комнатенки, два порога, перешагивая первый, Арно забыл нагнуться и получил от низкой притолоки по голове, второе препятствие удалось взять благополучно. Щелкнуть каблуками и доложить по всей форме? Пожалуй...

– То, что дриксы тебя при первой возможности выставили, понятно, – Ли по-прежнему смотрел в окно, – а вот как вышло, что вернули Кана?

– Совесть! – огрызнулся застигнутый врасплох Арно. – Ты слышал, что это такое? Я вытащил из лужи ихнего Баваара. За уши.

– В ближайшее время он им не пригодится. Садись и пиши матери.

– Сейчас?! – не понял Арно.

– Именно. Не могу сказать, что я за тебя совсем не волновался, но это, как ты понимаешь, в прошлом. Без письма ты отсюда не выйдешь. Стол, чернила и бумага во второй комнате.

– Про дриков ты, надо думать, слушать не хочешь?

– Кыш!

Каблуками Арно все-таки щелкнул, и совершенно зря – в шпору вцепился круглый пестренький коврик. Отодрав нахала, тенъент предусмотрительно наклонил голову и без происшествий перебрался в среднюю комнатушку. Встреча с братцем-Проэмперадором получилась глупей некуда, но умной она выйти и не могла, а писать так и так бы пришлось. Арно открыл чернильницу с родимым оленем, малость посидел, привыкая к мысли, что гуси на флягах и письменных приборах остались позади, и одним махом изобразил:

«Матушка, у меня все очень хорошо, я здоров. Из-за бури я по случайности спас офицера из числа «быкодеров» (это почти наши «фульгаты», только слегка хуже) и вместе с ним угодил к дрикам. Ничего плохого со мной там не случилось, но было очень скучно. Сегодня я вернулся вместе с Каном. Как дела в нашей армии, тебе напишут братья. Как твое здоровье и как здоровье графа Бертрама? И какова у вас погода? Здесь последнюю неделю прохладно и очень солнечно. Твой сын Арно».

Личная печать виконта Сэ осталась на Мельниковом лугу, о чем Арно подумал лишь сейчас.

– Запечатаеть? – Тенъент помахал письмом. – У меня кольцо потерялось...

– Балбес, – Лионель пробежал злосчастное послание глазами и неторопливо разорвал. – Мать сейчас в Тарме, так что Бертрам неуместен, а ты будешь переписывать, пока не наскре-

бешь событий и чувств на две полные страницы. И учти, рапортом о сражении тебе не отделаться.

2

Последний раз граф Валмон заезжал к Иноходцам еще при жизни Магдалы. До восстания все запросто ездили в гости ко всем, затем прежняя жизнь рухнула, и вот теперь пришло время убрать хотя бы часть обломков – именно так выразился Проэмперадор Юга, уведомляя командующего ополчением Внутренней Эпинэ о своем прибытии. Робер, чувствуя себя одновременно растяпой и подхалимом, раз пять проверил, готовы ли гостевые апартаменты и что творится на кухнях. Повар завязывался в узел, однако бой, который он вел, был безнадежен. Про разборчивость Валмона Иноходец слышал с детства – деда привычки «этого кошачьего Бертрама» бесили, а своих чувств старик не скрывал никогда. Герцог кромсал ножом жаренное на решетке мясо и твердил, что хоть сейчас пробежит две хорны и не заметит, а обожравшийся паштетов Валмон свалится через сотню шагов. «Я еще спляшу на справедливых похоронах, – сулил Повелитель Молний после смерти Магдалы, – не пройдет и года, как проглотит задавит его собственный жир!»

Дед просчитался – плясали другие, и плясали на костях Эпинэ, но граф Бертрам в этом не участвовал, он в это время по мере сил отравлял жизнь подминавшим под себя дедовы земли Колиньярам. Не из милосердия, само собой, – поглотитель сыров не терпел, когда кто-то разевает пасть шире Валмонов...

– Ты как хочешь, – напомнил о себе и настоящем Карои, – только я тоже твой гость и к тому же посол дружественной державы. Изволь кормить.

– И меня, – поддакнул Мевен, глядя на серебряные часы, некогда преподнесенные «доблестному и благородному маршалу Рене» мастерами благодарной Паоны. – У кого-то колесо отвалилось, а мы тут погибай!

– Кошки с вами, накормлю, – хмыкнул Робер и велел подать холодного мяса, горячего хлеба и вина. Объяснять, что он переживает не за себя, а за репутацию замка, бывший Проэмперадор Оллари не стал. Алат счел бы подобное глупостью, а Иоганн, чего доброго, принялся бы утешать. Дескать, после деда и мятежа могло быть хуже... Верно, могло, только очень уж не хотелось ударить в грязь лицом.

– Любопытно, каков наследник наследника? – Мевен поискал глазами горчицу, нашел и намазал на хлеб. – Еще цыпленок или уже змеища? Робер, вы же с Волвье из одного корыта хлебали...

– Как и ты с Валме, – напомнил Эпинэ. – Тебе это помогло?

– Помогло бы, если б я вконец с вашей гальтарщиной не одурел. Так что скажешь про Волвье?

– В Лаике кормили слишком скверно, чтобы распробовать Валмона.

– И потому ты с утра тиранишь повара? Думаешь, обед рассудит?

– За обедом человека не поймешь, – усмехнулся Балинт, – только в драке! Того же Бурраза возьми...

– Не в драке дело, – запротестовал Иоганн, – и не в обеде. Змеюку главное врасплох застать.

– Ну застанешь, ну унесешь свое знание в могилу, – поддел алат, – толку-то. Вот фазанов заставить врасплох полезно... Кстати, Мевен, я так вас и не поздравил с удачным переворотом. То времени не было, то что-то мешало.

– А в самом деле, – подхватил Робер, – как вы все провернули? Я думал, ты на сторону этих г... Краклов переметнулся. Альдо ты в последнее время не жаловал.

– Не в последнее.

Виконт вгрызся в ставший темно-желтым хлеб и закашлялся, фонтаном брызнули крошки. Балинт заржал, Иноходец удивился – с чем-либо перепутать горчицу было невозможно.

– Ты что?

– Это... Это... что?! – Мевен, продолжая ронять изо рта крошки, схватился за вино.

– Горчица. – Эпинэ на всякий случай лизнул темно-желтую пасту. – Хорошая вроде бы.

– Нет, вы не чесночники, – обличил, утирая слезы, виконт, – вы горчичники... Это же порох на гадючьем яде!

– Ничего подобного. – Карои лихо сунул свой кусок мяса в предмет обсуждения. – Но мне доводилось обедать с послами Дриксен, Гаунау и Каданы. Они зовут горчицей невразумительный сладковатый крем, а вы в вашей Придде не так далеко ушли от дриксенцев. Правда, в Оллари в ходу и приличная горчица.

– В соусах! – простонал переживший потрясение Мевен. – В соусах, но чтобы прямо к мясу... Вот такое... Какое счастье, что моя помолвка в прошлом! Дораки наверняка лопают этот ужас.

– Ужас лопают *они*. – Робер кивнул на веселящегося витязя. – Попробовал бы ты алатские подливы!

– Еще чего! – Пострадавший в одиночку завладел кувшином. – Надеюсь, когда замок возьмет в свои ручки Марианна, гостей прекратят сжигать изнутри.

– Отдай вино, – велел Робер, – и рассказывай.

– Что?

– Что было, когда я дрых в Багерлее.

– А... – протянул и не думавший расставаться с добычей Мевен. – Что-то было, наверное. Я тоже спал... Мне велели выспаться, и я выспался.

– Да кто велел-то?

– Угадай, – потребовал Мевен. Виконт не изворачивался, просто после запитой вином горчицы он как-то развеселился.

– Регент Талига, – в тон откликнулся Карои, – но я играю нечестно.

– Разве мы играем? – удивился бывший гимнет-капитан.

– Нет, – засмеялся алат, – и да... Люди играют всегда, мужчины – со смертью, женщины – с мужчинами, но почему бы не раскрыть карты? Я знал, что на приеме, который затеял Кракл, будет занятно, потому и перестал болеть.

– Ах да, – припомнил Мевен, – вы же проболели всю Ракану...

– Не я один, – уточнил витязь, – но в каждой стране болеют по-разному.

– Балинт, – перебил Эпинэ, – значит, тебя позвала сестра?

– Инголс. Я и прежде имел с ним дело, а то, что нохская троица играет в одну игру, после суда стало окончательно ясно. Пропустить выход законного регента Талига я не мог, однако с его именем ошибся. Нет, то, что Рокэ бросился к армии, передоверив столицу ее величеству, не удивляло. Тогда. Сейчас я этого исчезновения не понимаю.

– Алва с Валме где-то на юге. – Иноходец темнить не собирался. – С дороги он прислал мне приказ... О назначении меня Проэмперадором Оллари со дня рождения Октавия.

– Ничего себе! – Мевен наконец выпустил кувшин. Пустой.

– Ворон не мог знать, что... Что сестру убьют, но после родов она всяко переставала быть регентом, так что требовалась какая-то другая власть. Кэналлиец выбрал меня. Почему-то...

– А кого еще? – пожал плечами Карои. – Выходит, Рокэ в Сагранне или, вернее, в Гайифе. Спроси у Валмона, где именно.

– Хорошо, – пообещал Робер и понял, что пора удивляться. – Ты зовешь Алву по имени?

– Он – потомок Алонсо, – напомнил алат, будто это что-то объясняло, – к тому же мы вдвоем взяли медведя и разделили его сердце. Альберт это знает. Старый хорь не зря после кончины Адгемара сунул меня именно в Олларию.

– Я дубина. – Робер оглядел стол и понял, что посылать надо не только за вином. – Жил же в Сакаци... Он ведь твой? То есть Карои...

– Сакаци принадлежит Савиньяку, но по завещанию Раймонды Алва-Савиньяк замком управляет глава дома Мекчеи. Каждый год посол Алата и владелец Сакаци подписывают прорву бумаг, чему я и обязан знакомством с Инголсом. Очень своевременным.

– А как же Карои?

– Последний настоящий Карои умер бездетным задолго до Раймонды. Мой прадед получил имя, но не замок. Слышишь? Во дворе?

– Точно, – подхватил оживившийся Мевен. – Валмоны идут на запах... Если их не приманить на жареное, они явятся на кровь...

– Надеюсь, наша кровь Бертраму без надобности, – усмехнулся, поднимаясь Робер. – И мясо вроде бы удалось.

– Удалось, – согласился алат и тоже встал. – Пошли.

На площадке третьего этажа они столкнулись с Аннибалом, собиравшимся доложить о прибытии Проэмперадора Юга, и Робер почувствовал укол совести. Иноходцу в голову не пришло бы сесть за стол без Никола, но младший Карваль сумел стать лишь капитаном Старой Эпинэ – дотошным, толковым, до ужаса похожим на брата и именно поэтому – чужим.

– Монсеньор... – Аннибал покосился на спутников Иноходца и все же закончил: – Насколько я смог понять, граф Валмон не любит, когда на него смотрят... во время переноски.

– Я бы тоже не любил. – Эпинэ вслушался в приближающиеся тяжелые шаги и остановился. – Балинт, я так и не понял, почему ты – Карои?

– Господарь решил вернуть старую славу, вот и дал одному витязю сразу имя, жену и как бы не сына...

Тяжелый топот начал удаляться – Проэмперадора уносили в помнившие королей апартаменты на втором этаже – зато на лестнице показались роскошные перья, тулья шляпы, голова, а затем и целый кавалер, весьма напоминающий Валме, каким тот разгуливал по Олларии. Узнать в нем памятного по Лаику ушастого юнца Робер не смог бы ни за какие деньги.

– Прощу простить мою нескромность. – Серж, если это был он, отвесил изящный полупоклон. – Я позволил себе отправиться на поиски хозяина без сопровождения. По поручению батюшки, само собой. Проэмперадор Юга просит его извинить и позволить ему некоторый отдых, завтра утром он будет готов ко встрече. Об ужине не тревожьтесь, у нас все с собой, более того, мы хотели бы поделиться с вами мягкими сырами. Боюсь, война в Придде может надолго лишит нас этого удовольствия.

– Спасибо, – поблагодарил Робер, чувствуя трусливое облегчение от того, что разговор откладывается, и при этом испытывая желание слегка поколотить дружелюбного однокорытника. – Но на ва... твоё общество за столом мы можем рассчитывать?

– Увы, нет. – Волвье до отвращения фамильно развел руками. – Батюшка, не будь у него другого выхода, доверил бы мне деловой разговор, а ужин в кругу друзей не требует разрешений. Только в нашем с *тобой*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.